АРИСТОТЕЛЬ

АФИНСКАЯ ПОЛИТИЯ

СОЦЭКГИЗ
1936

АРИСТОТЕЛЬ

(Бюст из Museo delle Terme в Риме)

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИСТОРИКО - ФИЛОСОФСКО -
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ

АРИСТОТЕЛЬ

ΑΡΙΣΤΟΤΕΛΟΥΣ

ΑΘΗΝΑΙΩΝ ΠΟΛΙΤΕΙΑ

АРИСТОТЕЛЬ

АФИНСКАЯ ПОЛИТИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО АФИНЯН

ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИИ ПРОФ. С. И. РАДЦИГА
ПРЕДИСЛОВИЕ ВИКТОРА СЕРЕЖНИКОВА
РЕДАКЦИЯ ПРОФ. В. С. СЕРГЕЕВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД · 1936

«Афинская полития» является одним из важнейших первоисточников для изучения истории древней Греции классического периода.

В первой ее части дается связная история политического строя Афин с VII до V в. до н. э., вторая содержит детальное описание политического строя Афин конца IV в. до н. э.

В предисловии дается характеристика социально-политических взглядов Аристотеля и той исторической среды, в которой эти взгляды сложились.

В приложениях даются параллельные места из сочинений других писателей, освещающие и дополняющие изложение Аристотеля; в том числе полностью приводится олигархический памфлет, известный под именем псевдо-Ксенофонта.

Книга является пособием для семинарских занятий на истфаках университетов и институтов.

Редактор В. Козерук Тех. редактор Р. Шапиро
Сдано в производство 28/VII 1935 г. Подписано к печати 22/III 1936 г. Огиз № 1527
Формат 82×110/32. 12½ п. л. 39 904 зн. в п. л. Уполномоченный Главлита Б 12804.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 989. Цена 3 руб., переплет 1 р. 25 к.

Отпечатано в 16-й типографии треста «Полиграфкнига», Трехпрудный пер., 9.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«АФИНСКАЯ ПОЛИТИЯ» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ

Из многочисленных (158) политий, вышедших из школы Аристотеля, «Афинская полития» была повидимому самым замечательным явлением научно-исследовательского характера. На примере одной, именно самой выдающейся, античной греческой державы это произведение набрасывает поразительную картину процесса становления ее, развертывания, усиления, расцвета и упадка на протяжении нескольких столетий и притом самых решающих как для нее, так и для всей Греции в целом. С поблекших страниц случайно найденной рукописи встает перед читателем грандиозное зрелище революционных восстаний, «смут» и самых разнообразных перипетий классовой борьбы в античной Греции. «Народ восстал против знатных,—читаем мы на первых страницах этой рукописи,—смута была великая, и долго одни боролись против других». Это были крестьянские восстания VII в. до н. э. Лозунгом их была экспроприация земель «знатных». Эти восстания были признаком того, что на смену натурального хозяйства и патриархального быта родового строя приходили новые социально-экономические отношения под напором торговли и денег. «Древний родовой строй... оказался бессильным против победного шествия денег» (Энгельс). Открылась эра политических революций, не прекращавшихся уже в продолжение всего существования Греции. Солон—Клисфен—Эфиальт—Перикл—Клеон—олигархия 411 г.—тирания «Тридцати» 404—403 гг.—вот этапы этих революций, так сказать ступени, по которым афинский демос в процессе возникновения афинского государства поднимался к своему политическому господству и на которых он, сталкиваясь со своими классовыми врагами, временами принужден был или полностью уступать им или ограничивать свою власть.

Сухие и скудные сообщения Аристотеля тем и ценны, что они дают материал для вскрытия сущности исторического процесса: движущей силы его в форме классовой борьбы. И нужно быть совершенно слепым или сознательно извращать исторические факты, чтобы говорить здесь об «эволюции», о «постепенном» развитии «без особенно резких скачков», как это делает например Бузескул. «Все бывшие до сих пор революции были революциями в целях защиты одного вида собственности против другого вида собственности... Это было возможно лишь посредством открытого нарушения прав собственности»[1]. Этот тезис истори-

---

[1] *Энгельс*, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Партиздат, 1934, стр. 103, 104.

ческого материализма, правильность которого Энгельс[1] иллюстрировал как раз на истории афинского государства, в частности на «конституции Солона», еще раз как нельзя ярче иллюстрируется исследованием Аристотеля. Историк-марксист не может следовательно пройти мимо этого труда. Аристотель своим трактатом дает обильный материал в пользу нашей исторической теории. В этом смысле «Афинская полития» заслуживает большого внимания.

Имела ли она значение для античной Греции?

В конце V в. над греческим миром нависла угроза всеобщего развала. Пелопоннесская война была тревожным предостережением о нем. Для всякого стало очевидным, что пробил час гибели античного общества. Зашатались самые основы его. Рабовладельческому строю был нанесен такой удар, от гибельных последствий которого ему не удалось уже освободиться. В порядок дня была поставлена проблема: быть или не быть. Вот почему с этого момента начинает так беспокойно биться мысль идеологов господствующих классов над вопросом о грядущих судьбах «отечества». Как отвести занесенную над головами греков грозную руку Немезиды? Как избегнуть смертельных объятий надвигающейся катастрофы? В чем спасение для рабовладельческого общества? Как укрепить и сохранить рабство? Проблема государства встала во весь рост пред всеми умами представителей рабовладельцев. Какую форму следует придать ему, как его реорганизовать, чтобы спасти рабовладение? Афинская демократия превратилась во всеобщую мишень для враждебного обстрела. Как из рога изобилия посыпались проекты утопического государства. Антифонт—оратор, тот самый реакционер, который в интересах афинской аристократии организовал олигархический переворот 411 г., выдвигает идею божественного происхождения государства (разумеется, аристократического). Сократ учит о *политической* добродетели как *о наивысшем типе* добродетели, ставя своей задачей воспитать *как можно больше политических* деятелей, которые были бы способны возглавить проектируемую им государственную организацию. Платон, его ученик, в IV в., когда убыстряющиеся темпы движения афинского государства к окончательной развязке можно было нащупать уже отчетливо, находил беспечальное существование для класса аристократов только в недрах своего утопического *государства*. Современник его Фалеас из Халкедона набрасывал даже проект *раздела* и *уравнения* земельной собственности, чтобы избегнуть на будущее время голода и бедности и вызываемых ими революций. Ко времени Аристотеля, можно сказать, исполнились уже все сроки существования Афин и Греции в целом. Наступил двенадцатый час: битва при Херонее (338 г.) *принесла Афинам потерю политической независимости*.

Как уже было сказано, «Афинская полития» Аристотеля составляла лишь незначительную часть грандиозного научно-исследовательского и литературного предприятия. Уже самые размеры этого предприятия внушают мысль о сугубой важности социально-политической проблемы, поставленной эпохой пред авторами этого колоссального труда. Но это была лишь предварительная работа эмпирического характера, накопление опыта и наблюдений для последующих обобщений. Их мы находим в «Политике» Аристотеля.

Какая же проблема тяготела над мыслью этого гения древности при написании «Афинской политии»?

Проблема *спасения рабства. Аристотель был идеологом рабовладель-*

---

[1] Когда Энгельс писал «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (в 1884 г.), рассматриваемый здесь трактат Аристотеля еще не был известен.

цев. С его точки зрения, человечество делится на две части, из которых одна природой определена к свободе, а другая—к рабству, и что «*последним быть рабами и полезно и справедливо*» («Политика», стр. 14).

«Афинская полития», как и все это огромное ученое предприятие, представляет собою выражение тщательнейших и вместе с тем беспокойных поисков такой формы государственного устройства, с помощью которой можно было бы *навсегда* сковать в железных тисках рабства по меньшей мере $^4/_5$ человечества древней Греции.

Какую же государственную форму счел Аристотель для этой цели наилучшей?

Не следует обманываться кажущейся объективностью повествования в «Афинской политии». Правда, мы не встретим тут грубых до омерзения выражений и эпитетов по адресу народных масс, какими чуть ли не щеголяет *рафинированный* аристократ и *художник* слова Платон, но тем не менее и профессорски сухой Аристотель не скрывает определенно враждебных чувств к радикальной демократии и не отказывает себе в удовольствии пользоваться сомнительного свойства источниками, раз только возможно с помощью их набросить тень на блестящую эпоху афинской демократии и ее представителей. Афинская демократия не составляет политического идеала Аристотеля. Совсем иными чувствами наполняется сердце философа, когда пред его взорами встают образы Солона, Ферамена и подобных им деятелей греческой истории, которые были представителями и идеологами *имущественно обеспеченных*, рабовладельческих классов греческого общества. Политическим идеалом Аристотеля является *власть имущественно обеспеченных людей.* Государственную форму правления, находящуюся в руках таких классов общества, Аристотель называет *политией* в отличие от господства афинской демократии времени Перикла и Клеона. Только полития воплощает в себе *справедливость*, которая в форме закона будет разрешать социальные противоречия между рабами и свободными. Такую форму государственного устройства Аристотель признает *правильной. При построении своего идеального государства Аристотель обращает следовательно свои взоры назад, в прошлое, ко временам Солона и его цензовой конституции.*

В наше время в фашистских странах, в частности в Германии, пытаются использовать мертвые, реакционные стороны учения Аристотеля именно для того, чтобы авторитетом этого великого мыслителя подпереть разнузданную проповедь закрепления современного наемного рабства в капиталистических странах. С точки зрения Аристотеля, лучшая раса «эллинов» предназначена к господству над «варварами». Чувствуя недостаточность этого аргумента, Аристотель выдвинул учение о рабстве *по природе.* Тот и другой «аргументы» как нельзя более оказались созвучными современным рабовладельцам в лице фашистов. Гитлер оправдывает порабощение «низших» рас на том основании, что это является для них благодеянием. С точки зрения другого фашиста (Colin Ross), «рабство никогда не было бы возможно в такой мере и не стало бы таким решающим фактором человеческих отношений, если бы в человеческой душе не лежало нечто, что предрасполагает к этому состоянию». Что сказать о политических деятелях и «мыслителях», которые черпают свое вдохновение и находят для своей проповеди аргументы в идеологиях общественных отношений, обреченных историей на слом еще две тысячи лет назад? Vixerunt! Отжили и они и пославшие их!

ВИКТОР СЕРЕЖНИКОВ

ВВЕДЕНИЕ

I. АРИСТОТЕЛЬ И ЕГО СОЧИНЕНИЯ

Аристотель жил в эпоху глубокого кризиса классического государства-города и образования нового типа политической организации античного мира—эллинистической монархии. Четвертое столетие, на которое приходится политическая и научно-литературная деятельность Аристотеля, было одним из самых бурных и богатых событиями периодов греческой истории. Это—время распада афинской державы, классическо-греческого полиса со всеми его социально-политическими и культурными особенностями. Классический полис перерастал самого себя, растворяясь в обширной эллинистической монархии. С изменением социально-экономических основ и политического строя менялся весь стиль жизни, складывался новый быт. Историческая ценность произведений Аристотеля прежде всего в том и состоит, что они являются продуктом переходной эпохи, отражают ее в своеобразном преломлении. Аристотель ценен для нас не только как выдающийся философ и автор ряда сочинений по истории Греции и другим дисциплинам, но и как сама греческая история, запечатленная в мыслях и словах. Сочинение Аристотеля «Афинская полития» дважды выходило на русском языке: в 1891 г. в переводе Н. С. Шубина и в 1895 г. в переводе А. М. Ловягина. Эти переводы сделаны были по первым изданиям найденного (1890) папируса, когда текст был еще недостаточно разобран, а последние главы вовсе не были прочтены. Кроме того, при них не было дано исторического комментария, что затрудняло пользование ими неподготовленными читателями. Настоящее издание дает новый перевод, сопровождается подстрочными примечаниями и специальными приложениями в виде параллельных мест из других авторов. Настоящее введение имеет целью сообщить важнейшие данные из биографии Ари-

стотеля, наметить содержание главных его произведений и дать оценку как исторического памятника сочинения Аристотеля «Афинская полития» («Государственное устройство афинян»), предлагаемого в новом переводе.

Аристотель родился в 384 г. до н. э. в греческом городе Стагире, на полуострове Халкидике, во Фракии. Его отец Никомах был придворным врачом македонского царя Аминта II. После смерти отца Аристотель в 367/366 г. до н. э. переселился в Афины и сделался ревностным учеником Платона. Он не остановился на идеалистическом учении Платона, но создал самостоятельную философскую систему. Аристотель пробыл в Афинах до смерти Платона. В течение трех лет жил в Малой Азии в местечке Атарнее при дворе тирана Гермия, а затем на острове Лесбосе, в г. Митилене. Там в 343 г. он получил приглашение от македонского царя Филиппа II (род. в 382 г., царствовал с 359 по 336 г. до н. э.) заняться воспитанием его сына Александра, будущего основателя мировой македонской монархии. В 335 г. Аристотель вернулся в Афины, где основал школу, получившую известность под названием школы «перипатетиков», названной так от особой манеры преподавания среди прогулок в портиках (перипатос). Эти занятия происходили при храме Аполлона Ликейского (отсюда наше название «лицей»).

В 323 г., когда умер Александр, в Греции поднялось восстание против македонского владычества; вместе с этим начались преследования против людей, связанных отношениями с македонским двором. Против Аристотеля поднято было обвинение в безбожии, имевшее политическую подкладку, и ему пришлось покинуть Афины. Он переселился в г. Халкиду на острове Эвбее, где и умер в следующем, 322 до н. э., году.

Круг интересов Аристотеля был необыкновенно широк. Под его именем известно было в древности огромное число сочинений, составлявших вместе до тысячи книг самого разнообразного содержания. Трудно представить себе, чтобы человек мог один произвести всю эту огромную работу: повидимому многое было подготовлено под его руководством учениками, а ему принадлежит лишь обработка. Из этих сочинений далеко не все сохранились до нашего времени. Тут имеются прежде всего сочинения по логике—так называемый «Органон» («Категории», «Об истолковании»[1], две «Аналитики»[2], «Топика» и др.); далее, сочинения по разным вопро-

---

[1] Русский перевод Радлова, «ЖМНПр.», № 1 и 2, 1891 г.

[2] Первая «Аналитика», пер. Ланге, «ЖМНПр.», № 9—11, 1891 г.; № 1—3, 1892 г.; № 4—6, 1894 г.

сам естествознания, как-то: 8 книг «О природе», 4 книги «О небе», 2 книги «О возникновении и уничтожении», 4 книги «Метеорологии», 10 книг «О животных», 4 книги «О частях животных», «О растениях». Сюда же относятся и 3 книги «О душе». Все эти естественно-исторические сочинения составляют сборник под общим названием «Физика». В другом сборнике Аристотеля помещены были сочинения общефилософского содержания по основным вопросам «первой философии», получившие по этому положению своему позднее название «Метафизика». Это—14 книг «Метафизики». За ними следуют 10 книг «Этики», 8 книг «Политики» с примыкающими к ней «политиями», т. е. очерками государственного устройства 158 государств, в том числе и афинского; далее, «Экономика», 3 книги «Риторики», «Поэтика» и еще многие другие.

Помимо своей разносторонности сочинения Аристотеля отличались большой глубиной и сохраняли свое значение в течение продолжительного времени. Они пользовались непререкаемым авторитетом в средние века, например его положение, что «природа не терпит пустоты». Его геоцентрическая система мироздания, развитая позднее александрийским ученым Птолемеем (II в. н. э.), господствовала вплоть до того времени, когда ее вытеснила гелиоцентрическая система Коперника (XVI в.). В логике его система до сих пор является основой так называемой формальной логики, расширившись только в области индуктивного метода.

В лице Аристотеля античная мысль достигает своего высшего развития. «Греческая философия,—говорит Маркс в своей диссертации,—достигнув при Аристотеле высшей степени процветания, затем увяла»[1]. Действительно, хотя наука в последующие века в трудах особенно александрийских и пергамских ученых еще более разрастается, но уже ни у кого она не достигает такой всесторонности и глубины. В нем сконцентрировались все накопившиеся силы науки, назревшие в античном государстве-городе.

Этот город еще мыслится как высшая ступень человеческого общежития-государства, но, обремененный разнообразным населением и усложнившейся экономической структурой, с притоком богатств, с развитием наук и искусств, сделавшихся органической необходимостью этой жизни, он тщетно стремится выбиться из этих рамок. И все это дается под углом зрения человека высшего класса, который не инте-

---

[1] *Маркс* и *Энгельс,* Соч., т. I, Госиздат, 1928, стр. 29.

ресуется темными сторонами окружающей действительности, жизнью людей низшего положения.

В противоположность Платону Аристотель представляет собой тип трезвого мыслителя, исходящего из данных точного наблюдения и опыта. Упоминая имя Аристотеля, Маркс называет его «гением», «исполином мысли» и «величайшим мыслителем древности»[1], голос его он называет «могучим, оглашавшим целые столетия»[2].

Хотя Аристотель в своих логических воззрениях базируется преимущественно на дедуктивных построениях, обосновывая всякое рассуждение общим положением и выводя частное из общего, тем не менее у него уже достаточно определено значение индуктивного метода, что в новое время после Фр. Бекона, Дж. Ст. Милля послужило отправным пунктом для создания новой системы логики. У Аристотеля важно отметить тщательное собирание материала и аналитическое исследование его: в этом положительная заслуга его философии. Он по своему характеру—естествоиспытатель и метод естествоиспытателя прилагает ко всем научным исследованиям. Так, и на государство и на искусство смотрит он как на интересный объект для наблюдения. В своей философии Аристотель пытается выйти из рамок идеализма, подходит к материализму, но не усваивает его целиком.

Политическое учение Аристотеля примыкает к его этическому учению. Этика его основана на представлении об осуществлении счастья. Каждый человек ищет счастья. Но подлинное счастье заключается в идеальном развитии духовного существа через познание. Платон видел возможность этого только в приобщении к миру идей и следовательно в потустороннем мире. Но Аристотель, в противоположность этому, считал нужным достигать своей цели в этом мире, в окружающей действительности, в деятельности души, сообразной разуму, т. е. добродетели. В отличие от Сократа и Платона Аристотель полагает ее не только в знании, не только в интеллектуальных, но прежде всего в душевных свойствах, а человек, по его представлению, все свои побуждения подчиняет тому, что́ сознает как истинное и доброе. Справедливость и основанная на ней дружба занимают в этих взглядах существенное место. Этические идеалы достигаются только в общественной жизни—в государстве. Таким образом здесь-то и лежит связь между этикой и политикой, и в конце своей «Этики», в редакции,

---

[1] «Капитал», т. I, ИМЭЛ, 1934, стр. 75, 98 (примеч. 33), 458.
[2] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. I, Госиздат, 1928, стр. 86.

известной под названием «Никомаховой этики», он набрасывает уже план сочинения о государстве.

Рассмотрим теперь основные пункты его сочинения о государстве, так называемой «Политики».

«Человек по природе,—говорит Аристотель,—есть существо политическое» (Ζῷον πολιτικόν) и значит от природы имеет склонность к общественной жизни[1]. В этом-то государственном объединении и осуществляется высшее назначение человека, отличающее его от всех других живых существ. Государство с его точки зрения существует не столько ради практических целей—самозащиты или достижения пользы, сколько ради осуществления этического идеала—высшего блага. Это—общение ради создания хорошей жизни, ради создания вполне самодовлеющего существования. Оно предполагает целую систему социальных и религиозных отношений, воспитания и т. д. Оно возникает из семейных отношений: «колонией» семьи является селение, а селения объединяются в город-государство. Только в государстве достигается идея самодовления. По природе государство предшествует семье. Это государство—в то же время и город. Это соображение представляет тем больший интерес, что как раз в его время делалась попытка образования мировой державы Александром. Государство мыслится им только для граждан, граждане таким образом являются привилегированной группой, пользующейся трудом подчиненных групп—свободных ремесленников и особенно рабов. Рабство Аристотель в противоположность некоторым мыслителям его времени (каковы например софисты Гиппий, Алкидамант, поэт Эврипид и др.) считал естественным явлением, объясняя это тем, что некоторые люди от природы способны только к повседневному труду и к слепому подчинению, например «варвары». Равным образом и для женщины он считал естественным подчиненное положение. Однако общность жен, детей и собственности, намеченную Платоном, Аристотель подверг решительной критике. И в хозяйственном отношении он признает естественными только те роды деятельности, которые служат к обеспечению жизни, но всякого рода наживу (хрематистику), торговлю, ростовщичество и т. д. считал противоестественным делом.

---

[1] «Если и не политическое, как думал Аристотель, то во всяком случае общественное,—говорит Маркс.—Аристотелевское определение утверждает, строго говоря, что человек по самой своей природе есть гражданин города. Для классической древности это столь же характерно, как для представителя янки определение Франклина, что человек по природе есть созидатель орудий» («Капитал», т. I, ИМЭЛ, М. 1934, стр. 371 и прим. 13).

Далее он разбирает понятие «гражданин». «Понятие гражданин ничем другим,—говорит он,—не может быть лучше определено, как тем, что он участвует в суде и в управлении» (III, I, 4 р., 1275, а 22). Затем он исследует и существующие государственные формы. В зависимости от того, как в государстве может осуществляться его основная цель—добродетель,—Аристотель различает несколько политических форм. Из них три он считал нормальными. По составу правящего элемента он определял их или как правление одного—монархию, или как правление немногих, благородных, «лучших»—аристократию, или как правление большинства, всех равноправных граждан—«политию»—умеренную демократию (у позднейших это называлось «демократия»). Наряду с этим он насчитывает столько же форм извращенных, в которых правитель преследует не интересы государства, а свои личные: извращением монархии является захватническое правление тирана; сосредоточение власти в руках кучки знатных и богатых—олигархия; неограниченное владычество бедноты и «черни»—«охлократия». Поскольку основная цель государства состоит в осуществлении добродетели, которая скорее всего может быть достигнута единичной личностью, идеальным строем он считает монархию. Но при этом Аристотель делает существенную оговорку о невозможности найти идеального монарха. Равным образом трудно представить себе и идеальную аристократию. Поэтому все свое сочувствие Аристотель обращает в пользу умеренной демократии—«политии». Основу государственного порядка он видел в среднем классе не слишком богатых и не слишком бедных людей, который он противополагал «корабельной черни». Отсюда вытекали его симпатии к Солону, Клисфену как творцам тимократической конституции (Pol., IV, 9, 9 р., 1296, а 7 и VII, 5, 7 р., 1327, в 7) и т. п.

После рассмотрения политических форм Аристотель останавливается на вопросе об условиях, способствующих сохранению или, наоборот, распадению каждой из них, а соответственно этому и на мерах к поддержанию их. В связи с этим он рассматривает и всю организацию управления в демократических и олигархических государствах. Наконец он набрасывает и свою систему идеального государства. Одной из важных мер к укреплению его он считает правильную постановку воспитания.

По своим социально-политическим взглядам Аристотель является типичным идеологом рабовладельческого общества.

Рабство, как рассуждает Аристотель, дает возможность гражданину достигать добродетели, составляющей основную

цель всего государства. Аристотель, как и большинство его современников, стоит на той точке зрения, что государство существует только для граждан и поэтому должно обеспечивать им возможность осуществлять свои права и обязанности, хотя бы и за счет других общественных групп. Вопрос о рабстве, как и большая часть социологических проблем, трактуется в специальном трактате Аристотеля—«Политике».

«Политика» Аристотеля построена на громадном фактическом материале, который был собран из наблюдений над рядом государств не только греческих, но и других народов, например карфагенского. Примеры взяты, по подсчету ученых, из истории 54 государств и не только крупных, вроде Афин, Спарты, Коринфа, Сиракуз и т. п., но и мелких, вроде Орея, Герея, Амбракии и т. п. Этот аналитический материал в процессе работы над «Политикой» собран был и опубликован в виде 158 отдельных сочинений, так называемых «политий», очерков государственного устройства, хотя ни одна из них не цитируется в ней—явное свидетельство того, что все это еще не имело законченного вида. Сама «Политика» обнаруживает невыдержанность плана и необработанность языка, содержит много вставок, повторений, противоречий и пропусков. Некоторые ученые, предполагая в этом искажения позднейшего времени, пытались произвести перестановки в расположении материала, чтобы восстановить первоначальный план, однако все эти попытки не достигли цели. Дело объясняется повидимому тем, что это сочинение не было окончательно обработано автором и отчасти даже, может быть, составлено учениками по записям лекций учителя[1].

II. АРИСТОТЕЛЬ И «АФИНСКАЯ ПОЛИТИЯ»

1

Сочинение Аристотеля «Государственное устройство афинян», или короче: «Афинская полития», принадлежит к числу 158 «политий», т. е. сочинений о государственном устройстве стольких же государств греческих и некоторых других народов (например карфагенского), легших в основу его большого обоб-

---

[1] Лучшее издание текста сделано Иммишем («Aristotelis Politica» post. Fr. Susemihlium recognovit. O. Immisch, Lipsiae 1909), лучший комментарий и введение Ньюмена («The Politics of Aristotle» by Newman 4 vv., Oxford 1887—1902); русск. пер. Жебелева, М. 1911, Политическое учение см. *Oncken*, Staatslehre des Aristoteles, 2 B., Leipzig 1870—1875, *Пёльман*, История античного коммунизма и социализма, СПБ 1910.

щающего сочинения «Политика». «Почти всех государств не только Греции, но и варварских стран, нравы, учреждения и порядки знаем мы от Аристотеля»,—так характеризовал эти сочинения Аристотеля Цицерон («О границах добра и зла», V, 4—11). Отсюда видно богатое и разнообразное содержание этих сочинений. При этом он рассматривал существующий в данное время порядок как результат исторического развития, и соответственно с этим каждая из этих «политий» состояла из двух частей—исторического обзора и систематического изложения государственного устройства в момент написания сочинения, причем автор широко пользовался не только чисто историческими данными, но и материалом легенд, пословиц, анекдотов и т. п., характеризующих историческую жизнь. Естественно, что «политии» Аристотеля, представлявшие такой богатый материал, высоко ценились в последующие времена и легли в основу многих исторических работ позднейших ученых, что и видно по многочисленным цитатам из них. Особое значение придавалось среди этих «политий» афинской. Однако из всех них сохранилась до нас лишь последняя, да и то она стала достоянием науки только с конца прошлого века, и конечно открытие ее сделалось весьма важным событием научной жизни.

Трактат Аристотеля «Афинская полития» найден был в 1890 г. среди папирусов, привезенных в Британский музей из Египта. Впервые он был опубликован 30 января 1891 г. английским ученым Кенионом[1]. Трактат сохранился на четырех листах папируса. Текст сочинения написан не на лицевой, а на оборотной стороне папируса; это показывает, что он вышел не из специальной книжной мастерской, а предназначался для частного пользования. На лицевой стороне содержатся счета, написанные неким Дидимом, домоправителем Эпимаха, в виде отчета хозяину. В них содержатся датировка—10-й, 11-й год правления императора Веспасиана, т. е. 78 и 79 гг. н. э., счета 10-го года на четвертом листе, счета 11-го года на первых трех. Из этого можно заключить, что рукопись сочинения Аристотеля относится к ближайшему времени после этой даты, т. е. к концу I или началу II в. н. э. С этим согласуется и характер письма: в орфографии нет характерного для позднейшего времени смешения AI и E. Первая страница текста начинается не с верхней части листа, а с середины, вверху же оставлен про-

---

[1] *Aristotle*, On the Constitution of Athens, edited by Kenyon, London 1891, 2 ed., 1891, 3 ed., 1892. Факсимиле папируса—London, 1 ed., 1891, 2 ed., 1891.

бел, а самый текст начинается с середины фразы. Это показывает, что оригинал, с которого сделан этот список, уже был дефектный, с оборванным началом. По характеру письма различают три или четыре руки переписчиков. Одним из этих переписчиков был повидимому сам владелец книги.

Так как в лондонском папирусе нет начальной части сочинения и нет ни названия сочинения, ни имени автора, то при изучении возникал чрезвычайно важный вопрос об установлении того и другого. Выяснению этого помогло сличение цитат, сохраненных у разных позднейших авторов, с текстом нашего трактата. Эти цитаты (всего 91), сопровождаемые именем Аристотеля (84), или названием сочинения (54), или как свидетельства авторитетного источника, дали возможность отождествить новооткрытый текст со знаменитым сочинением Аристотеля.

Первый вопрос, который имеет важное значение при пользовании «Афинской политией»,—это время ее написания. Оно определяется следующими данными: 1) самая ранняя возможная дата—terminus, post quem—изменение порядка избрания стратегов: в V в. и в начале IV в. избирали по одному от каждой из 10 фил, с 352 г. избирают всех сразу из общей массы (гл. 61,1); 2) самая поздняя дата, точно обозначенная,—год архонтства Кефисофонта, 329/328 г. до н. э. (гл. 54, 7); 3) говоря о функциях Совета пятисот в деле организации флота, Аристотель называет основные виды военных кораблей—триэры и тетреры, но не упоминает о самых крупных, именно о пентерах (пятиярусных кораблях), которые впервые заведены были с 325/324 г. до н. э.; это является таким образом последним возможным сроком. Все эти данные приводят к заключению, что наш трактат мог быть написан только в промежутке между 328 и 325 гг. до н. э.

2

Открытие трактата Аристотеля составляет целую эпоху в изучении греческой, особенно афинской, истории. Это—единственное сочинение, дающее цельную картину политической истории Афин начиная от времени, непосредственно предшествовавшего законодательству Солона,—поскольку начальная часть сочинения, посвященная более ранней эпохе, в рукописи не сохранилась,—до конца V в. и полную систему афинского строя во времена самого Аристотеля (IV в. до н. э.). Даже у Фукидида при всей глубине его научного мировоззрения и при захватывающем интересе его исторических картин внимание сосредоточено главным образом на событиях очень неболь-

шого промежутка времени (20 лет) и по преимуществу на военных событиях. Вполне понятно поэтому, что «Государственное устройство афинян» вызвало величайший интерес ученого мира и породило громадную литературу.

Сочинение представляет—повидимому одинаково, как и другие, не сохранившиеся до нас, «политии» Аристотеля,—две части: 1) исторический очерк развития государственного строя и 2) систематический обзор этого строя в эпоху написания трактата. Одиннадцать отдельных политических перемен насчитывает Аристотель в истории Афин с древнейших времен, от мифических Иона и Фесея до порядка, установившегося в конце V в. и сохранявшегося до времени написания сочинения (гл. 41, 2). Изучение этих перемен и составляет основное содержание исторической части. Так называемая «конституция» Драконта, положение перед реформой Солона, законодательство Солона—этот рассказ обильно подтверждается цитатами из стихотворений самого Солона—смуты после него, тирания Писистрата, низвержение Писистратидов, политическая борьба после этого, реформы Клисфена, которые прежде очень смутно представлялись на основании слишком отрывочного рассказа Геродота, внутреннее состояние Афин в эпоху греко-персидских войн, период главенства Ареопага как результат успехов во время этих войн, рост афинского государства в эпоху так называемого «пятидесятилетия», неудачная политика аристократии, приводившая к тяжелым потерям на войне и дискредитировавшая правивший класс, политическая деятельность Кимона, Фукидида, Эфиальта и Перикла, рост демократии и целая система «кормления» народа, приписываемая (неправильно) Аристиду, далее перипетии классовой борьбы в эпоху Пелопоннесской войны, причем значительное место отводится перевороту 411 г., который характеризуется не только фактически установившимся порядком, но и различными программами и проектами, и наконец олигархия Тридцати и восстановление демократии после примирения борющихся партий и вместе с тем утверждение того политического строя, который сохранялся до конца жизни Аристотеля,—вот главные темы, которыми занимается историческая часть трактата. Эта часть представляет еще и то значение, что содержит в себе много фактов, бывших ранее или совершенно неизвестными или недостаточно ясными, и в этом ее бесспорная ценность.

Не меньшее значение имеет и вторая часть, содержащая систематическое изложение государственного порядка в Афинах IV в.: вопрос о гражданских правах, о работе народного

собрания и Совета, о коллегии архонтов и круге их деятельности, о должностях, замещаемых по жребию и по выборам, об оплате должностей и наконец о порядке судопроизводства. Все это представляет в готовом виде целую систему; а прежде ученым приходилось восстанавливать ее по отрывочным сведениям из разных писателей. В этом опять-таки значение нашего трактата.

Все это ясно показывает нам высокую важность открытого сочинения. Но в связи с этим возникает и дальнейший вопрос об исторической ценности отдельных исторических показаний, содержащихся в нем, о критической проверке их, так как во многих случаях мы имеем параллельные свидетельства других историков—Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Плутарха, Диодора и др., а кроме того и некоторые документальные материалы в виде подлинных надписей.

3

Среди источников Аристотеля на первое место мы поставим документальные материалы. Так, говоря о получении исключительных прав Писистратом, Аристотель ссылается на предложение, внесенное по этому поводу Аристионом (гл. 14,1); говоря о распределении средств, полученных от эксплоатации рудников в Маронее, он упоминает предложение Фемистокла (гл. 22, 7); характеризуя законодательство Солона, он прямо цитирует один из его законов: «Кто во время смуты в государстве не станет с оружием в руках ни за тех, ни за других, тот предается бесчестию и лишается гражданских прав» (гл. 8, 5). В другом месте, рассказав о Писистрате, он цитирует старый закон о тирании (гл. 16,10); упоминая закон об условиях получения гражданских прав только теми, у которых оба родителя имеют эти права, он отмечает, что закон этот был предложен самим Периклом (гл. 26, 4); рассказывая об установлении власти Тридцати, он отмечает, что проект постановления был внесен Драконтидом из Афидны (гл. 34, 3); сообщив о проекте Фрасибула даровать гражданские права всем людям пирейской партии, принимавшим участие в восстановлении демократии в 403 г., Аристотель со всей точностью приводит и имя Архина, обжаловавшего этот проект (гл. 40, 2). Конечно тут остается открытым вопрос о том, пользовался ли он этими документами непосредственно или из вторых рук. Есть много вероятия, что он почерпал эти данные из так называемых «Аттид», сочинений по истории Аттики. Но вторая часть вся основана на непосред-

ственных наблюдениях над современным строем. Так, он упоминает сохранявшийся в его время закон Солона об избрании казначеев из класса пентакосиомедимнов, прибавляя, что фактически все-таки он не соблюдается (гл. 47,1). Со всей точностью описывает он порядок проверки (докимасии) архонтов (гл. 55, 3), дает формулу объявления при вступлении архонта в должность: «Всем предоставляется владеть имуществом, какое каждый имел до вступления его в должность, и сохранять е до конца» (гл. 56, 2), любопытный манифест неприкосновен ти собственности.

Помимо упоминания отдельных документов в некоторых случаях Аристотель цитирует их в сокращенном виде. Таково постановление 411 г. об избрании комиссии Тридцати для н исания олигархической конституции. Автор приводит точно с соблюдением тех формул, которые обычно наблюдаются в подлинных надписях этого времени, содержание основ го предложения, внесенного Пифодором, и дополнения к нему, сделанного Клитофонтом (гл. 29).

Подобное же значение имеет у Аристотеля пользова ие вещественными памятниками. Он упоминает например поставленные в так называемом «царском портике» «кирбы» с текстом солоновых законов (гл. 7,1), цитирует надпись на памятни е, находившемся на Акрополе (гл. 7, 4), упоминает и монеты о-солоновского времени (гл. 10, 2). Наряду с этим он цитир ет и литературные памятники, как например так называем е «сколии»—в честь Кедона (гл. 19) и в память борцов п о-тив тирании, погибших при Липсидрии (гл. 20). Но особенную ценность в трактате имеют приводимые автором цитаты из стихотворений Солона (гл. 5 и 12). Эти цитаты ют основание предполагать, что и в других местах расск а автор пользуется этим материалом, если даже прямо его и не называет.

Для характеристики методов Аристотеля любопытно обратить внимание на приемы реконструкции исторического п о-шлого, особенно ранней поры. Он пользуется этимологическ им истолкованием терминов, например «пелаты» и «гектеморы» (шестидольники) (гл. 2). Таковы же его рассуждения о порядке возникновения отдельных должностей архонтов и о их размещении по учреждениям (гл. 3). Сюда же надо отнести и обратные заключения от существующих бытовых пережитков: «Царь заседал в так называемом буколии близ Пританея (доказательство: еще и теперь там происходит соединение и брак жены царя с Дионисом)» (гл. 3, 5). Текст присяги архонтов с упоминанием

имени Акаста дает основание заключать, что при Акасте и установлен этот порядок (гл. 3,3) и т. д.

Наконец, для установления некоторых фактов Аристотель пользуется распространенными поговорками. Например поговорка «не считаться филами» свидетельствует о прежнем порядке, в котором все основано было на происхождении (гл. 21,2). Выражение «безоброчное местечко» (гл. 16,6) подтверждает правильность распространенного рассказа о путешествии Писистрата по стране.

Естественно, что в своем изложении Аристотель много пользовался трудами своих предшественников, среди которых особенно важное значение имеют Геродот и Фукидид. Часто он отмечает эти источники общими выражениями: «некоторые», «большинство» и т. п. Имя Геродота Аристотель упоминает в гл. 14,4, когда говорит о хитрости, с помощью которой устроено возвращение Писистрата (см. Геродот 1,60), но следует его рассказу (1,59 и 61 и др.) и в других местах сочинения, не называя своего источника, — именно в истории Писистрата (гл. 14 и 15) и в рассказе о борьбе Клисфена с Исагором (гл. 20). Имени Фукидида Аристотель вовсе не называет. Заимствования из Фукидида (VIII, 54—97) видны в рассказе о перевороте 411 г. (гл. 29 и 33). Однако подход к вопросу существенно отличается: в то время как Фукидид представляет переворот в связи со всеми обстоятельствами того времени, Аристотель ограничивает свой кругозор лишь политическими проектами; есть, кроме того, и другие отличия, указывающие на пользование еще другими источниками. В полемику с Фукидидом вступает Аристотель по поводу его рассказа о способе обнаружения заговорщиков, соучастников Гармодия.

Отношения к Ксенофонту менее ясны и представляются спорными. Из Ксенофонта (Hell. II, 3,17—19) возможно заимствованы сведения о Ферамене и его характеристика. Однако остается возможность, что оба они заимствовали свои сведения из общего источника, например из сочинения самого Ферамена[1].

Но помимо этих историков, известных нам по сохранившимся их произведениям, Аристотель имел в своем распоряжении труды и других историков, например Эфора (IV в.), сочинение которого не сохранилось, но известно нам, поскольку им пользовался Диодор (I в. до н. э.).

Можно предполагать, что Аристотель пользовался так называемыми «Аттидами», т. е. сочинениями из IV в. по истории

---

[1] Предположение, высказанное Виламовицем (Arist. u Athen., I, 165 сл.).

Аттики. Древнейшая из них принадлежала Клидему. Из нее повидимому заимствован один вариант рассказа («некоторые говорят») о возвращении Писистрата с помощью разыгранной инсценировки явления Афины: взята была женщина, «как Геродот утверждает, из дема Пеанийцев или, как н е к о т о р ы е говорят, из Коллита» (гл. 14,4). Из «Аттиды» Фанодема может быть взяты сведения об Ареопаге (гл. 3,6). Из «Аттиды» Андротиона повидимому заимствованы данные о сражении при Паллене (гл. 15,3) и об остракисме Гиппарха, сына Харма (гл. 22,3). С Андротионом полемизирует Аристотель в вопросе об отмене долгов Солоном: Андротион говорил о снижении процентов (Plut., Sol. 15). Аристотель говорит о полной отмене долгов (гл. 6,1 и 10,1). Кроме того есть основание предполагать, что из «Аттид» взяты некоторые данные, которыми дополнены сведения Геродота, Фукидида и др., особенно например датировка событий в гл. 22. Из какой-то «Аттиды» взят анекдот о Писистрате и крестьянине (гл. 16,6).

Наконец можно думать, что Аристотель пользовался и сочинениями современных ему ораторов—Демосфена и особенно Исократа. Срав. Приложение XV.

Пользуясь разнообразными, иногда противоречивыми материалами, выражающими различные общественные направления, Аристотель в некоторых случаях прямо отмечает эти разногласия, различные версии, которые тоже свидетельствуют о пользовании источниками, и надо признать, что, разбираясь в них, он обнаруживает большой исторический такт.

Прибавим ко всему этому, что Аристотель пользовался обильной литературой политических памфлетов времени Пелопоннесской войны, когда велись оживленные споры о политическом устройстве. Среди представителей этой литературы, нашедшей отражение и в художественном творчестве (например у Эврипида), особенно известны Критий и Ферамен. Поскольку первому принадлежало целое сочинение об афинском государственном устройстве, возникает предположение, что в тех случаях, где у Аристотеля приводится олигархическая точка зрения, он передает именно его взгляды. Такова например олигархическая версия о Солоне (гл. 6,2). Особенную симпатию обнаруживает Аристотель к Ферамену. Так как олигархи времен Пелопоннесской войны занимались изысканием «отеческих законов» (ср. гл. 29,3)[1], то весьма вероятным оказывается предположение, что описание «конституции» Драконта, противоре-

---

[1] Ср. также надпись от 409 г. См. Приложение III.

чащее утверждению Аристотеля в «Политике» (см. ниже), имеет источник в подобных памфлетах. Тем большую ценность для нас представляет единственное из сохранившихся сочинений подобного рода—так называемая «Афинская полития» псевдо-Ксенофонта (см. Приложение XXII).

К недостаткам сочинения надо отнести преувеличенную оценку сил личности и слабую связь личности с интересами той или другой социальной группы. Так, по его изложению, привлечение жителей из деревень в город и создание демократии являются делом одного Аристида, обещавшего будто бы дать всем заработок в городе (гл. 24). Борьба против Ареопага представляется в виде личной интриги Фемистокла (гл. 25), между тем пребывание последнего в Афинах в 462 г. оказывается хронологически совершенно невозможным (изгнан в 471 г.). Введение Периклом платы судьям объясняется личным соперничеством его с Кимоном (гл. 27).

Далее в нем видна иногда неравномерность изложения. Автор подробно останавливается на некоторых частностях и обходит молчанием существенные вопросы; например подробно описывает деятельность Солона, но очень коротко законодательство Клисфена, подробно говорит о заговоре Гармодия и Аристогитона, но лишь бегло характеризует время «пятидесятилетия», совершенно обходит вопрос о том, когда при избрании архонтов стала применяться жеребьевка (гл. 22,5 ср. 8,1) и когда к архонтству получили доступ всадники (гл. 26,2); очень коротко говорит об Аристиде, Кимоне и Перикле, едва намечает сущность реформы Эфиальта (гл. 25), зато с большой обстоятельностью излагает подробности конституционных проектов 411 г., хотя некоторые из них практически и не нашли осуществления. Наряду с этим встречаются неточности, неясности и прямо недоразумения. Такова например «конституция» Драконта (гл. 4), которая прямо противоречит показанию «Политики» (II, 9,9 р. 1274 а 15), что Драконт написал только уголовные законы, а государственный порядок оставил прежний. Так как она содержит некоторые черты, совершенно не соответствующие условиям жизни VII в.—как применение жребия при выборах, чередование на должностях между всеми гражданами, штраф за неявку на собрание, совет из 401 члена, денежный ценз, коллегию 10 стратегов (учрежденную в действительности около 501 г.) и т. п.,—мы должны отдать предпочтение тому, что сказано в «Политике», а вследствие сходства этих черт с проектами некоторых олигархов времени второй половины Пелопоннесской войны является мысль, что эта глава

есть позднейшая вставка, сделанная кем-нибудь из учеников Аристотеля. К числу недоразумений надо отнести и путаницу в изложении «увеличения» мер, весов и монет Солоном (гл. 10,2) и о казни всех 10 стратегов после аргинусского процесса (гл. 34,1).

4

Равным образом и вторая часть отличается некоторой субъективностью построения и подбора материала: например, в описании судов (гл. 63, 69) внимание сосредоточено на внешней стороне, а юридическая сторона не освещена и т. д.

Прибавим к этому, что и стиль бывает то ровный и гладкий, то отрывистый, как конспект, например в главе 22. Все это показывает некоторую поспешность в обработке сочинения.

В отличие от сочинений других греческих историков мы должны отметить у Аристотеля большой интерес к внутренней истории. Политические симпатии и антипатии Аристотеля выступают достаточно четко и определенно. Он сторонник умеренной республики—«политии» по его терминологии. Под соответствующим углом зрения ведется и все изложение. Больше всех симпатии Аристотеля возбуждает Солон, близкий к идеалу государственного деятеля «середины», среднезажиточных классов. Наоборот, личность Фемистокла, организатора флота и победы над персами, совершенно оттесняется на второй план. Сделано это потому, что Фемистокл заложил в Афинах фундамент «крайней демократии», столь ненавистной Аристотелю.

Вообще характеристики вождей афинского демоса в «Афинской политии» отрицательны; это относится даже к Периклу, которого Аристотель считает, так сказать, лучшим из худших. По Аристотелю, Перикл проводит свою политику государственных раздач из личного честолюбия, подражая аристократу Кимону и борясь с ним его же оружием; при этом Аристотель подчеркивает, что Кимон это делал на свои средства, а Перикл— на государственные. Кроме того оказывается, что и до этого политического приема Перикл не своим умом дошел, а научил его этому некий Дамонид.

Антидемократическая тенденция Аристотеля совершенно очевидна в этом подборе анекдотов и фактов и в их интерпретации. Об этом же говорит и самое распределение материала в рассматриваемой части «Политии». Аристотель сосредоточивает внимание на таких периодах этой истории, когда сказывалось еще преобладание или сильное влияние старинной родовой знати: Солон, эпоха господства Ареопага; в эпоху господства де-

мократии непропорционально большое внимание посвящается такому сравнительно незначительному эпизоду, как олигархический переворот 411 г., весьма детально излагается время «тридцати тиранов» в Афинах. Концом Пелопоннесской войны заканчивается первая, историческая часть «Афинской политии».

Общее заключение об «Афинской политии» как историческом документе таково. При всей ее неполноте, а иногда и ошибках она представляет большую ценность как систематическое изложение афинской истории, богатое разнообразным материалом и притом нередко мастерски подобранным. Выше было указано на богатство использованных Артистотелем материалов, в том числе «аттид», т. е. исторических сочинений краеведческого характера, посвященных собиранию самого разнообразного исторического материала об Аттике.

Благодаря «Афинской политии» расширились наши представления о многих вопросах афинской истории — о Солоне, Клисфене, о конституционных проектах олигархов конца Пелопоннесской войны. Словом, Аристотель дал—и это самое важное—единственную связную историю Афин, которой мы теперь располагаем, не говоря уже о «систематической» части, которая представляет собой тоже единственную в своем роде развернутую картину политического строя Афин, подлинный трактат по государственному праву важнейшего государства античного мира.

Аристотель мыслит государственное устройство, как сказано, только в виде полиса. Он определяет государство как высшую цель человеческой жизни, ибо только государство создает условия для такого общения людей, в котором создается высшее этическое благо. Государство для Аристотеля является необходимым условием существования отдельного человека, и поэтому в известном смысле существованию государства предшествует существование более узких сфер общения человека—семьи и поселка. «Государство появилось для того, чтобы дать возможность существовать человеку, существует же оно для того, чтобы человек мог вести благую жизнь; так что всякое государство существует по природе так, как и первичные виды общения; ибо оно является целью их существования, а природа вещи есть цель ее существования... наивысшей же целью является самодовлеющее государство». Таким образом замкнутость и самодовление полиса есть основной признак государства для Аристотеля. Соответственно с этим государство состоит из семей и поселков, но не из ряда городов. Город является лишь

средоточием небольшой сельскохозяйственной территории, которая может прокормить достаточное для обороны количество воинов. Таким образом, государство для Аристотеля ограничивается определенными и небольшими размерами территории, и если оно в своем развитии перерастает эти размеры, то перестает быть самим собой, перестает быть полисом-государством и превращается в варварскую деспотию Востока, либо в то, чем была афинская морская держава, уничтожавшая высшие нравственные цели «политического» общения людей. И в том и в другом случае государство «политического общения» перестает существовать для Аристотеля.

Основной ячейкой государства являются семья и домохозяйство, οἰκία, которое зиждется на рабском труде. Рабовладение как основа «политического общения» является основным устоем всей теории государства у Аристотеля, и относящиеся сюда вопросы занимают большое место в «Политике», главной работе философа на социально-политические темы.

Для Аристотеля рабство основано на «природе» (φύσει), ибо для него одни люди предназначены к слепому повиновению—это главным образом «варвары», другие, наоборот, — к господству. Эти последние только и обладают теми духовными качествами, которые позволяют в процессе «политического общения» создавать высшие нравственные ценности.

Рабы и их господа объединены общностью интересов, учит Аристотель, так как рабы не обладают способностью предвидения и не могут следовательно обойтись без господ в практической жизни. Но характерно, что хотя раб и является для Аристотеля «одушевленной собственностью, а стяжание состоит в [применении] массы всяких орудий», тем не менее Аристотель не рассматривает раба как орудие труда, создающее новые меновые стоимости; для него раб—сила, используемая в «практической» жизни, т. е. для обслуживания бытовых нужд рабовладельцев.

Это связывается с учением Аристотеля о «хрематистике», т. е. о хозяйственной деятельности частных лиц (семьи) и государства: «хрематистика», приобретательство, может быть направлена только на накопление таких материальных средств, которые обеспечивали бы наиболее полное участие граждан в «политическом общении»; такая «хрематистика» законна, она является лишь частью «экономии», т. е. науки о домохозяйстве, и средством для осуществления «благой» жизни. Но если «хрематистика» превращается в самоцель, если накопление богатств делается основной целью граждан, тогда она разру-

шает «политическое общение»; предавшиеся ей граждане перестают в сущности быть таковыми и превращаются в «βάναυσοι», наемников-ремесленников, людей, лишенных понимания высших духовных ценностей жизни, в ненавистную Аристотелю массу, связанную с необходимостью труда и заработка, в «корабельную чернь».

Торговля, являющаяся основной составной частью этого второго вида «хрематистики», должна быть поэтому строго контролируема и ограничена в государстве, она не должна нарушать его «автаркию», «самодовление».

5

В заключение несколько слов о языке. В противоположность трудному, сложно построенному изложению «Политики» здесь мы встречаем простоту и ясность. Это объясняется тем, что «Афинская полития» предназначалась не для ученого круга специалистов в пределах самой школы (так называемые «эсотерические» сочинения), а для широких кругов и принадлежала к числу популярных (так называемых «экзотерических») сочинений.

Тут оправдывается определение Цицерона, Дионисия Галикарнасского и Квинтилиана «о золотом потоке речи», об «изяществе» (suavitas) речи, о «ясности» и т. п. Гладкость речи позволяет сближать его с техническими приемами прозаических произведений школы Исократа (ум. в 338 г. до н. э.).

Замечается наклонность к ритмическому построению речи, к избежанию так называемого «зияния» (стечение гласных в окончании одного слова и начале следующего). Однако ни то, ни другое не проводится так строго, как в школе Исократа.

В настоящем переводе мы старались передать все эти особенности речи Аристотеля. Текст разделен на главы и параграфы, как это принято в современных изданиях. Для удобства обозрения содержания мы ввели еще разделение сочинения на две части и дали заголовки входящим в них разделам. Для наглядного представления о плане всего сочинения мы прилагаем еще перевод «эпитомы» (т. е. конспекта) Гераклида, а также сохранившиеся цитаты у разных древних писателей из не дошедшей до нас начальной части трактата.

В основу настоящего перевода положен текст последнего издания трактата Ἀθηναίων Πολιτεία Blass-Thalheim, ed. Oppermann, Lipsiae 1928, а также издание Кенйона Aristotelis res publica Atheniensium consilio et auctoritate Academiae Borussicae, ed. Kenyon, Berolini 1903 (Supplementum Aristotelicum).

Прежние русские переводы: 1) Н. С. Шубина — «Афинское государственное устройство» Аристотеля в «ЖМНПр». 1891 г. №№ 5—8 и отдельно. СПБ. 1891; 2) А. М. Ловягина — Аристотель, История и обзор афинского государственного устройства, СПБ 1895.

Основным и руководящим пособием постоянно было английское издание «Aristotle's Constitution of Athens» by Sandys, 2 ed., London 1912. Кроме того переводчик пользовался следующими изданиями: «Aristoteles der Staat der Athener», erklärt von Hude, 2. Aufl., Leipzig—Berlin 1916. Aristote, Constitution d'Athènes, texte établi et traduit par Mathieu et Haussoullier, Paris 1922.

Из иностранных переводов переводчик пользовался переводами *Kaibel* und *Kiessling* (Schrift vom Staatswesen der Athener, Strassburg 1891), *Wenzel* (Verfassung von Athen, Leipzig 1892), *Reinach* (La république Athénienne, Paris 1891), *Haussoullier* (Constitution d'Athènes, Paris 1891).

Из огромной литературы об «Афинской политии» необходимо отметить особенно следующие:

Kaibel, Stil und Text der Politeia Athenaion des Aristoteles, Berlin 1893.

Br. Keil, Die Solonische Verfassung in Aristoteles Verfassungsgeschichte, Berlin 1892.

Wilamowitz-Möllendorff, Aristoteles und Athen, 2 Bände, Berlin 1892.

Бузескул. «Афинская полития» Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин до конца V века. Харьков 1895 г. (срв. некоторые библиографические дополнения: *Бузескул*, Введение в историю Греции, изд. 3-е, Пг. 1915 г., стр. 141—172).

Bursy, De Aristotelis Politeias Athenaion partis alterius fonte et auctoritate, Juriewi (Dorpati) 1897.

Присоединим сюда пособия общего характера.

Busolt, Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Chaironeia, 2. Aufl., 3 Bände (4 Teile), 1893—1904.

Busolt, Griechische Staatskunde, 2 Bände, München 1920—1926.

Шеффер, Афинское гражданство и народное собрание, М. 1891 г.

Lipsius, Das Attische Recht und Rechtsverfahren, Leipzig 1905—1915.

Thumser, Staatsaltertümer (K. Fr. Hermann, Lehrbuch der griechischen Antiquitäten, I, Band, 1—2. Abt.) Freiburg 1889—1892.

Swoboda, Staatsaltertümer (K. Fr. Hermann, Lehrbuch der griechischen Antiquitäten, I. B., 3. Abt.), Tübingen 1913.

Thalheim. Rechtsaltertümer (K. Fr. Hermann, Lehrbuch der griechischen Antiquitäten), Freiburg — Leipzig 1895.

Schömann, Griechische Altertümer, bearb. von Lipsius, 2 Bände, Berlin 1897—1902.

Латышев, Очерк греческих древностей, изд. 3-е, 2 т., СПБ 1897—1899 г.

Pöhlmann, Griechische Geschichte.

Beloch, Griechische Geschichte, 2. Aufl., 4 Bände, 1912—1927.

Glotz, Histoire grecque, 3 v., Paris 1925.

Glotz, La cité grecque, Paris, 1928.

Cambridge Ancient History, edit. by Bury, Cock, Adcock etc., v. IV—VI, Cambridge 1926—1927.

Из специальной литературы на русском языке упомянем следующие:

Бицилли, К вопросу об источниках «Афинской политии», «Летопись Одесского историко-филологического общества», 1912 г.

Бузескул, Новейшие гипотезы об источниках «Афинской политии» Аристотеля (сборник в честь фон-Штерна), «Записки Одесского общества истории и древностей», т. XXX, 1912 г.

Виноградов П. Г., Трактат Аристотеля о государстве афинском. «Русская мысль» № 11 1892 г.

Виноградов П. Г., Развитие демократии в трактате Аристотеля о государстве афинском, «Историческое обозрение» т. V 1892 г.

Виноградов П. Г., Первые главы «Афинской политии» Аристотеля, «Филологическое обозрение» т. III 1893 г.

Гершензон, Аристотель и Эфор (исследования по греческой истории), М. 1894 г.

Гершензон, «Афинская полития» Аристотеля и «Жизнеописания» Плутарха, М. 1895 г.

Деревицкий, О новооткрытом трактате Аристотеля и его значении для истории афинской демократии, Харьков 1891 г.

Жебелез, К истории образования послеклисфеновских фил. ΣΤΈΦΑΝΟΣ сборник в честь Ф. Ф. Соколова, СПБ 1895 г.

Зелинский, Докимасия властей в Драконовой конституции, «Филологическое обозрение», т. I.

Лепер, К вопросу о демах Аттики, «ЖМНПр» № 11 и 12 1891 г.

Маклаков, Избрание жребием в афинском государстве (исследования по греческой истории), М. 1895 г.

Малинин, К вопросу об Алкмеонидах в первой главе «Афинской политии» Аристотеля в связи с вопросом об Эпимениде Критянине, «ЖМНПр» № 11 и 12 1908 г.

Мищенко, Суд присяжных в Афинах и сочинение Аристотеля об афинском государстве, «ЖМНПр.», № 9 1892 г.

Мищенко, К Аристотелю, «Афинская полития», гл. 63. «Филологическое обозрение», т. II, 1892 г.

Покровский М. М., Этюды по «Афинской политии» Аристотеля, М. 1893 г.

Покровский М. М., К вопросу об авторе новооткрытого трактата «Афинская полития», «ЖМНПр.» № 10—11 1892 г.

Слуцкий, Число булевтов по проекту 411 г., «ΧΑΡΙΣΤΗΡΙΑ», сборник в честь Ф. Е. Корша, 1896 г.

Слуцкий, «Об Афинской политии» и о тексте 30-й главы ее, изд. Исторического общества при Московском университете, Рефераты, читанные в 1896/97 г., т. II, М. 1898 г.

Соколов Ф. Ф., Четыре Совета. Труды Ф. Ф. Соколова. СПБ 1910 г.

Хвостов М. М., Сисахфия Солона и разложение евпатридского землевладения, «Филологическое обозрение», т. XIII, 1897 г.

Хвостов М. М., Изучение экономического быта древности, «ЖМНПр» № 6 1900 г.

Хвостов М. М., О социальном характере афинской тирании VI века, сборник в честь Корсакова, Казань 1912/13 г.

Шварц А. Н., Рецензия на перевод «Политики» Жебелева, «ЖМНПр» № 9 1911 г..

Шварц, А. Н., Аристотель и Фукидид, «ЖМНПр» № 1 1913 г.

Шеффер, Афоризмы и заметки, «Филологическое обозрение», т. VII, 1894 г.

Фон-Штерн, Новооткрытая «Афинская полития» Аристотеля, «Лето-

пись Историко-филологического общества при Новороссийском университете, т. II, Одесса 1892 г.

Фон-Штерн, Солоновское деление аттического гражданского населения на имущественные классы, «ΧΑΡΙΣΤΗΡΙΑ», сборник в честь Ф. Е. Корша, М. 1896 г.

Фон-Штерн, Заметки по древнейшей истории Греции, «Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете», Одесса 1899 г.

Шульц, гл. IV Аристотеля «Афинской политии», «Филологическое обозрение», т. II, 1892 г.

Щукарев, Cyloneion agon и «Афинская полития», ΣΤΕΦΑΝΟΣ, сборник в честь Ф. Ф. Соколова, СПБ 1895 г.

—

Часть первая

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА АФИНЯН

(Гл. 1—41)

I. КИЛОНОВА СМУТА[1]

(гл. 1)

1. ...<Судили их триста судей> из благородных родов, принеся присягу над жертвенными животными, <причем обвинял> Мирон. Когда осуждено было кощунство, преступники были выброшены из могил, а род их изгнан в вечное изгнание. Критянин Эпименид[2] по этому поводу совершил очищение государства.

II. ДРЕВНЕЙШИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ

(гл. 2—3)

2. После этого в течение долгого времени происходили раздоры между знатью и народом. (2) Надо иметь в виду, что вообще государственный строй был олигархический, но главное было то, что бедные находились в порабощении не только сами, но также и дети и жены. Назывались они пелатами и шестидольниками[3], потому что на таких арендных условиях обрабатывали поля богачей. Вся же вообще земля была в руках немногих. При этом, если эти бедняки не отдавали арендной платы,

---

[1] Имеются в виду события около 640 г. до н. э. Начальная часть трактата, в которой, как видно из краткого резюме всей исторической части главы 41, излагался первоначальный строй царской эпохи—синекизм Иона и «полития» Фесея, — не сохранилась; от нее имеются только отдельные отрывки, сохраненные в цитатах поздних писателей (см. ниже). Из главы о килоновой смуте до нас дошла только заключительная часть. Подробности этого события у Фукидида и Плутарха— см. приложение I.

[2] Полулегендарная личность. Одни (Плутарх, Диоген Лаэртский, Свида) считают его современником Солона, другие (*Платон*, Leges, 642 D) относят приблизительно к 500 г.

[3] Сами древние различно объясняли этот термин: люди, которые платили шестую долю урожая владельцу земли (*Плутарх*, Солон, 13; *Гесихий*, s. v. ἐπίμορτος) или от урожая удерживали только шестую часть (*Фотий*, s. v. πελάται, *Гесихий*, s. v. ἑκτήμοροι, схолиаст к Plato, Euthyphron, 4, C, *Eust.* ad Od. XIX, 28). Второе является более правдоподобным. См. *Бузескул*, Афинская полития, стр. 303 и сл.

можно было увести в кабалу и их самих и детей. Да и ссуды у всех обеспечивались личной кабалой вплоть до времени Солона. Он первый сделался простатом[1] народа. Конечно из тогдашних условий государственной жизни самым тяжелым и горьким для народа было рабское положение. Впрочем и всем остальным он был тоже недоволен, потому что ни в чем, можно сказать, не имел своей доли.

3. Порядок древнего государственного устройства, существовавшего до Драконта, был следующий. На высшие должности выбирали по благородству происхождения и по богатству; правили должностные лица сначала пожизненно, а впоследствии в течение десяти лет. (2) Важнейшими и первыми по времени из должностей были царь, полемарх и архонт. Из них первою была должность царя, она была унаследованной от отцов. Второй присоединилась к ней должность полемарха, ввиду того что некоторые из царей оказались в военных делах слабыми. По этой причине и пригласили Иона[2], когда наступили затруднительные обстоятельства. (3) Последней является должность архонта. Большинство говорит, что она возникла при Медонте, а некоторые, что при Акасте[3]. В доказательство последние ссылаются на то, что девять архонтов клянутся давать присягу таким же порядком, как во времена Акаста, так как при нем, по их мнению, Кодриды отказались от царского достоинства ради привилегий, данных архонту[4]. Как бы ни было дело в действительности, разница во времени в том и другом случае небольшая. А что эта должность установлена последней из высших должностей, доказательством служит и то, что архонт не распоряжается никакими из дел, унаследованных от отцов, как царь и полемарх, а все только вновь заведенными[5]. Поэтому лишь недавно эта

---

[1] Простат—«патрон», «заступник». Это—политический и юридический термин, обозначающий человека, который берет кого-нибудь под свое покровительство и отстаивает чьи-нибудь интересы. Часто так называются вожди народной партии. Некоторые переводят это слово: «предстатели» или «предстоятели». Ввиду своеобразия этого термина мы сохраняем греческую форму.

[2] Ион—мифический царь, сын Аполлона и Креусы, дочери царя Эрехфея. Аристотель видел в нем историческую личность и приписывал ему первоначальное объединение Аттики в одно государство (см. гл. 41). По преданию, он был призван в качестве военачальника (полемарха) во время войны Афин с Элевсином при мифическом царе Эрехфее.

[3] Медонт—сын последнего афинского царя Кодра, а Акаст—преемник Медонта.

[4] Место не вполне ясное. Другие объясняют и переводят так: «в его царствование Кодриды отказались от привилегий, данных архонту».

[5] Имеются в виду очевидно культы—см. ниже, гл. 56.

должность приобрела важное значение, будучи расширена дополнительными обязанностями. (4) Что же касается фесмофетов, то они были избраны много лет спустя, когда уже выбирали должностных лиц на год. Они должны были записывать правовые положения и хранить их для суда над спорящими сторонами. Вот почему из высших должностей эта одна не была более как годичной. (5) Итак, по времени вот в какой последовательности эти должности идут одна за другой.

Что же касается местопребывания, то девять архонтов находились не все в одном месте, но царь заседал в так называемом Буколии[1] близ Пританея (доказательство: еще и теперь там происходят соединение и брак жены царя с Дионисом), архонт — в Пританее, полемарх — в Эпиликии. Это место прежде называлось Полемархием, а когда Эпилик[2] после отправления обязанностей полемарха перестроил его и отделал, оно стало называться Эпиликием. Фесмофеты заседали в фесмофетии, но при Солоне все архонты собрались в фесмофетий.

Архонты имели право решать дела окончательно, а не так, как теперь, производить только предварительное расследование. Вот как обстояло дело с должностями архонтов.

(6) Наконец, совет ареопагитов, хотя имел обязанность быть только блюстителем законов, распоряжался большинством важнейших дел в государстве, налагая кары и взыскания безапелляционно на всех нарушителей порядка. Это объясняется тем, что выбор архонтов производился по благородству происхождения и по богатству, а из них-то и избирались ареопагиты. Вот почему это — единственная из должностей, которая остается пожизненной и теперь.

III. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ДРАКОНТА

(гл. 4)

4. Таково было в основных чертах первоначальное государственное устройство.

После этого[3], немного времени спустя, при архонте Аристех-

---

[1] Буколий — храм Диониса, пастыря быков (βουκόλος). Дионис сам иногда представлялся в виде быка.

[2] Повидимому эта личность является плодом домысла. Вернее всего, что название образовалось по месту нахождения, ἐπὶ λυκείῳ — близ святилища Аполлона Ликейского.

[3] Автор отсчитывает здесь время повидимому от момента покушения Килона. Изложение таким образом не считается с тем, что рассказ о Килоне отделен двумя главами (2-й и 3-й).

ме[1], Драконт издал свои законы. Что касается государственного строя, то он имел следующий характер. (2) Гражданские права были предоставлены тем, кто мог приобрести себе тяжелое вооружение[2]. Девятерых архонтов, а также и казначеев выбирали из людей, имевших свободного от долгов состояния не меньше как на десять мин[3], а на остальные, менее важные, должности — из людей, могущих приобрести себе тяжелое вооружение; на должности же стратегов и гиппархов избирали из людей, которые показывали свободного от долгов имущества не меньше как на сто[4] мин и законных детей от законной жены в возрасте свыше десяти лет. За них до сдачи ими отчета должны были представлять поручительство старые пританы, стратеги и гиппархи, причем сами должны были брать четверых поручителей из того же класса, к какому принадлежат эти стратеги и гиппархи.

(3) Совет должен был состоять из 401 члена, выбранных из числа граждан. Избираться же и на эту и на остальные должности полагалось по жребию людям свыше 30 лет от роду, и два раза одному и тому же нельзя было занимать ее, пока не отбудут ее все, а тогда полагалось бросать жребий опять сначала. Если же кто-нибудь из членов совета пропускал заседание совета или народного собрания, когда оно бывало, тот платил штраф: пентакосиомедимн — три драхмы, всадник — две, зевгит — одну.

(4) Совет Ареопага стоял на страже законов и наблюдал за должностными лицами, чтобы они правили по законам. Всякий человек в случае нанесения ему обиды мог подать о том заявление в совет Ареопага, указывая при этом, какой закон нарушается чинимой ему обидой. Но ссуды, как сказано, обеспечивались личной кабалой, и земля была в руках немногих[5].

---

[1] Т. е. в 621/620 г. до н. э.

[2] Т. е. шлем, панцырь, большой круглый щит, копье и меч. Иметь полное вооружение могли только люди зажиточные, так что это было признаком имущественного достатка.

[3] Около 00 руб. Замечательно, что расчет состояния ведется на деньги, тогда как у Солона доходы граждан исчисляются натурой.

[4] Около 4 000 рублей.

[5] Описание драконтовского строя вызывает целый ряд недоумений. В «Политике» (II, 12 p. 1274 в 15) Аристотель говорит, что Драконту принадлежат уголовные законы, а конституции он не создал. Ниже, в главе 41, резюмируя политические перемены в Афинах, Аристотель не включает законодательство Драконта в их число. С другой стороны, есть целый ряд пунктов, не соответствующих по своему характеру ранней эпохе политической жизни: имущественные классы, исчисляемые по доходу (пентакосиомедимны, всадники, зевгиты) и по денежному капиталу (условия для избрания на высшие должности), а также по обладанию тяжелым вооружением, Совет из 401 члена (ср. ниже, гл. 8, 4, согласно которой впервые

IV. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СОЛОНА

(гл. 5—12)

5. Ввиду того что существовал такой государственный порядок и большинство народа было в порабощении у немногих, народ восстал против знатных. (2) Смута была сильная, и долгое время одни боролись против других; наконец они избрали сообща посредником и архонтом Солона и поручили ему устройство государства, после того как он сочинил элегию[1], начинавшуюся словами:

Да, понимаю, и в сердце глубоко кручина запала:
Вижу, как клонится ниц первая прежде страна
Меж Ионийских земель.

В ней он нападает на обе партии, защищая в то же время одну от другой, разбирает весь спор, а после этого убеждает одинаково тех и других прекратить возникший раздор.

(3) По происхождению и по известности Солон принадлежал к первым людям в государстве, по состоянию же и по складу своей жизни—к средним. Все вообще данные говорят за это, да кроме того и сам он свидетельствует об этом в следующем стихотворении, предупреждая богатых от чрезмерных притязаний:

Вы же в груди у себя успокойте могучее сердце:
Много досталось вам благ, ими пресытились вы.
Знайте же меру надменному духу: не то перестанем
Мы покоряться, и вам будет не по сердцу то.

И вообще виновниками этого восстания он всегда выставляет

Солон учреждает Совет четырехсот), обязанность всех граждан, удовлетворяющих известным условиям, исполнять высшие должности по очереди, штрафы за непосещение заседаний, упоминание должности стратегов, которая обычно считается учрежденной в эпоху Клисфена (см. ниже, гл. 22, 2). Эти данные близко напоминают проекты некоторых олигархов периода конца Пелопоннесской войны. Особой комиссии было поручено выяснить сущность драконто-солоновского устройства (см. ниже, гл. 29, 3). Одна надпись от 409 г., сохранившаяся в подлиннике на камне (см. приложение III), содержит решение по этому вопросу, а также и новую публикацию этих законов. Этот вопрос повидимому часто обсуждался в олигархических кругах, и так как в афинском обществе было очень смутное представление об этих законах, то в политических памфлетах авторы пытались представить это законодательство в духе своих партий. Повидимому Аристотель заимствовал из какого-нибудь памфлета такого рода содержание данной главы. См. *Бузескул*, Афинская полития, стр. 309 и сл.

[1] В древности так называлось стихотворение, написанное двустишиями из гексаметра и пентаметра (элегическое двустишие), независимо от содержания. Повидимому приводимые стихи являются началом поэмы, из которой отрывок сохранен у Демосфена (De falsa legatione, 255). См. приложение V.

богатых. Потому и в начале своей элегии он говорит, что боится «как сребролюбья людей, так и надменности их»—значит предполагает, что из-за этого и возникла вражда.

6. Взяв дела в свои руки, Солон освободил народ и в текущий момент и на будущее время, воспретив обеспечивать ссуды личной кабалой. Затем он издал законы и[1] произвел отмену долгов как частных, так и государственных, что называют сисахфией[2], потому что люди как бы стряхнули с себя бремя. Насчет этого некоторые пытаются клеветать на него[3]. (2) Именно, случилось так, что, когда Солон собирался произвести сисахфию, он рассказал об этом некоторым из своих знакомых и после, как говорят демократы, был обманут друзьями; по словам же тех, которые хотят очернить Солона, он и сам принимал в этом участие. Они будто бы, заняв денег, скупили на них много земли, а когда вскоре после этого состоялась отмена долгов, оказались богачами. Вот из их-то среды и вышли, говорят, те люди, которые впоследствии слыли за «исконных богачей». (3) Однако более правдоподобен рассказ демократов. В самом деле, раз во всех отношениях человек оказался настолько умеренным и беспристрастным, что, имея возможность привлечь к себе одну сторону и таким путем сделаться тираном в государстве, вместо этого вызвал ненависть к себе обеих сторон и благо и спасение государства предпочел личным выгодам, то неправдоподобно, чтобы этот человек стал марать себя в таких мелких и ничтожных[4] делах. (4) А что ему действительно представлялась такая возможность, об этом свидетельствуют и расстроенные дела государства, и сам он в своих стихотворениях упоминает во многих местах; да и все остальные признают это согласно; следовательно это обвинение надо считать ложным.

7. Государственный строй, который установил Солон, и законы, которые он издал, были новые; законы же Драконта перестали применять за исключением законов об убийствах. На-

---

[1] Слова: «издал законы»—может быть поздняя вставка, ср. 7, 1.

[2] Σεισάχθεια — буквально «стряхивание бремени». Уже сами древние по-разному объясняли эту меру: «одни (в том числе Филохор и Аристотель) видели в этом полную отмену долгов, другие (в том числе Андротион)—лишь частичное облегчение путем сложения процентов или изменения монетной системы. См. ниже, гл 10.

[3] Две версии в источниках Аристотеля. Мы не знаем имен авторов. Они характеризуются только по общему направлению: демократическая и олигархическая.

[4] Ἀναξίοις. Текст папируса неразборчив; другие читают φανεροῖς—«явных».

писав эти законы на кирбах[1], афиняне поставили их в «царском портике», и все поклялись их соблюдать. Девять же архонтов, принося присягу у камня[2], давали обет посвятить золотую статую, если преступят какой-нибудь из законов. Вот почему они и теперь еще дают такую клятву.

(2) Солон установил эти законы на сто лет и дал государству следующее устройство. (3) На основании оценки имущества он ввел разделение на четыре класса, каковое разделение было уже и раньше[3],—на пентакосиомедимнов, всадников, зевгитов и фетов[4]. Притом все вообще должности он предоставил исправлять гражданам из пентакосиомедимнов, всадников и зевгитов—должности девяти архонтов, казначеев[5], полетов[6], одиннадцати[7] и колакретов[8]. Каждому классу он предоставил должность сообразно с величиной имущественной оценки, а тем, которые принадлежат к классу фетов, дал участие только в народном собрании и судах.

(4) К пентакосиомедимнам должен был принадлежать всякий, кто со своей земли получает 500 мер в совокупности сухих и жидких продуктов[9]; к всадникам—получающие 300 или, по утверждению некоторых, такие люди, которые могли содержать коня. В доказательство они приводят, во-первых, название этого класса, установившееся будто бы от этого факта, а во-вторых, древние посвящения. На Акрополе например стоит изображение, на котором написано следующее:

Дифилов[10], Анфемион, дар сей богам посвятил,
Как из простых батраков всадником сделался он.

И возле стоит конь, явно свидетельствуя о том, что всад-

---

[1] Деревянные выбеленные доски высотой приблизительно в рост человека, составленные в виде призмы, которая вращалась на оси для удобства чтения. Как видно из Плутарха, их было не менее 16 (Солон, 19, 23, 24).

[2] См. ниже, гл. 55, 5.

[3] Слова «каковое разделение было уже и раньше» некоторые считают позднейшей вставкой.

[4] Фет—буквально «батрак», что и показывает социальное значение этой части граждан.

[5] См. ниже, гл. 8, 1 и 47, 1.

[6] См. ниже, гл. 47, 2.

[7] См. ниже, гл. 52.

[8] Колакреты—первоначально прислужники при общественных жертвоприношениях и обедах, потом—финансовая должность; казначеи навкрарий при Перикле заведовали раздачей жалования судьям. После 403 г. об этой должности нет никаких упоминаний.

[9] Мерой сыпучих тел является медимн (51,84 литра), мерой жидких тел—метрет (около 39 литров).

[10] Т. е. сын Дифила.

нический ценз имеет в виду этот признак. Впрочем вернее, что этот класс характеризовался по количеству мер дохода, так же как класс пентакосиомедимнов. К классу зевгитов должны были принадлежать те, которые получали 200 мер того и другого вместе, а остальные—к классу фетов, и эти последние не имели доступа ни к какой государственной должности. Поэтому и теперь, когда председательствующий спросит у человека, который хочет избираться по жребию на какую-нибудь должность, к какому классу он принадлежит, никто не скажет, что к фетам.

8. Высшие должности Солон сделал избирательными по жребию из числа предварительно выбранных, которых намечала каждая из фил. Намечала же в коллегию девяти архонтов каждая десятерых, и между ними бросали жребий. Вследствие этого еще и теперь остается за филами такой порядок, что каждая избирает по жребию десятерых, а затем из этого числа баллотируют бобами[1]. Доказательством же, что высшие должности Солон сделал выборными по жребию из людей, обладающих цензом, может служить закон о казначеях, который продолжает оставаться в силе еще и теперь: он повелевает избирать казначеев по жребию из пентакосиомедимнов. (2) Вот какие законы издал Солон относительно высших должностей. (В старину совет Ареопага приглашал к себе кандидата и, обсудив в своей среде его кандидатуру, назначал на каждую из должностей подходящего человека на год, после чего отпускал его.)

(3) Что касается фил, то их было четыре, как и раньше[2], и четыре филобасилевса[3]. Каждая фила разделялась на три триттии[4] и каждая триттия—на 12 навкрарий. Во главе навкрарии стояла должность «навкрара», установленная для приема поступающих взносов и для ведения текущих расходов. Поэтому и в законах Солона, которые теперь уже вышли из употребления, во многих местах значится: «взыскивать предоставляется навкрарам» и «расход производить из навкрарских сумм».

(4) Далее он учредил Совет четырехсот, по сто из каждой филы, а совету ареопагитов назначил охранять законы; как

---

[1] Бобы служили в качестве баллотировочных шаров.

[2] Исконное деление Аттики на четыре филы: гелеонтов, гоплетов, эгикореев и аргадеев.

[3] Филобасилевс—т. е. «царь филы».

[4] Триттия—треть.

и прежде, он имел надзор за государственным порядком, причем он обязан был не только следить вообще за большинством самых важных государственных дел, но между прочим и привлекать к ответственности виновных, имея власть налагать взыскания и кары, причем штрафы вносили в «город»[1], не указывая, по какому поводу платится штраф. Наконец он судил тех, кто составлял заговор для низвержения демократии, в силу того, что Солон издал закон о внесении относительно их чрезвычайного заявления[2].

(5) Видя, что в государстве часто происходят смуты, а из граждан некоторые по беспечности мирятся со всем, что бы ни происходило, Солон издал относительно их особый закон: «кто во время смуты в государстве не станет с оружием в руках ни за тех, ни за других, тот предается бесчестию и лишается гражданских прав».

9. Итак, что касается высших должностей, то дело обстояло таким образом. Повидимому вот какие три пункта в солоновском государственном устройстве являются наиболее демократичными: первое и самое важное—отмена личной кабалы в обеспечение ссуд; далее—предоставление всякому желающему возможности выступать истцом за потерпевших обиду; третье, отчего, как утверждают, приобрела особенную силу народная масса — апелляция к народному суду. И действительно, раз народ владычествует в голосовании, он становится властелином государства.

(2) Вместе с тем, так как законы не были написаны просто и ясно, но так же как закон о наследствах и наследницах[3], то неизбежно возникало много споров, и решать все дела—и общественные и частные—приходилось суду. Некоторые думают, что Солон нарочно сделал законы неясными, чтобы решение дел зависело от народа. Однако это предположение неправдоподобно, а скорее этот факт объясняется тем, что он не умел в общей форме выразить наилучшее. Несправедливо, в самом деле, судить о его намерении с точки зрения теперешних условий, но надо рассматривать его на основании всего вообще введенного им государственного порядка.

10. Итак, вот те пункты в законах Солона, которым он повидимому придал демократический характер. Но раньше законодательства он произвел отмену долгов, а после всего этого увеличение мер, весов и монеты. (2) Именно при нем и меры были увеличе-

---

[1] Πόλις в древнем значении, в смысле «акрополь».

[2] О так называемой «исангелии» см. ниже, гл. 43, 4.

[3] Ср. ниже гл. 35, 2 и самый закон у *Плутарха*, Solon, 20.

ны в сравнении с фидоновскими [1], и мина, имевшая прежде вес в 70 драхм, доведена была до 100 [2]. Старинный тип чеканки представлял собой монету двухдрахмового достоинства. Он сделал и вес сообразно с монетой, так что 63 мины равнялись таланту[3], и эти три мины, пропорционально распределенные, прибавились на каждый статер[4] и на другие меры веса.

11. Когда Солон устроил государство таким, как сказано, образом, к нему стали то и дело обращаться с докучливыми разговорами о законах, одни пункты порицая, о других расспрашивая. Ввиду этого он, не желая ни изменять их, ни навлекать на себя вражды, оставаясь в своем отечестве, предпринял путешествие в Египет отчасти по торговым делам, отчасти из любознательности, сказав, что не вернется в течение 10 лет. Он не считал себя в праве, если бы лично присутствовал, истолковывать законы, но думал, что каждый обязан исполнять написанное. (2) А вместе с тем многие из знати сделались его противниками вследствие отмены долгов. И обе партии переменили свое отношение к нему оттого, что установленный им порядок не оправдал их ожиданий. Именно, народ рассчитывал, что он произведет передел всего[5], а знатные—что он вернет опять прежний порядок или только немного его изменит. Но Солон воспротивился тем и другим и, хотя имел возможность, вступив в соглашение с любой партией, достичь тирании, предпочел навлечь на себя ненависть тех и других, но зато спасти отечество и дать наилучшие законы.

12. Что это было именно таким образом, об этом все говорят в один голос, да и сам Солон в своих произведениях упоминает в следующих выражениях:

Да, я народу почет предоставил, какой ему нужен—
Не сократил его прав, не дал и лишних зато.
Также подумал о тех я, кто силу имел и богатством
Славился,—чтоб никаких им не чинилось обид.

---

[1] Фидон—тиран г. Аргоса VIII или VII в. до н. э. Установленные им меры вошли в употребление в Пелопоннесе, через о. Эгину перешли и в Афины, где нередко называются «эгинскими». Начало чеканки монет в Греции относится приблизительно к 700 г. до н. э.

[2] Эгинская серебряная мина=630 граммов, эвбейская=436,7 грамма, следовательно эгинская драхма=6,3 грамма. Таким образом 100 эвбейских драхм=437,7:6,3=69 $^{30}/_{63}$ эгинских драхм, т. е. приблизительно 70.

[3] Обычный талант=60 минам.

[4] Статер=$^{1}/_{50}$ мины, т. е. 2 драхмы, 8,73 грамма. Другими словами, весовая единица увеличилась на 5%.

[5] Дело идет повидимому о переделе земли, ср. 12, 3,

Встал я, могучим щитом своим тех и других прикрывая,
И никому побеждать не дал неправо других.

(2) В другом месте, высказываясь относительно народной массы, как надо с ней обходиться, он говорит:

Будет тогда лишь народ всего лучше итти за вождями,
Коль не живет без узды, не угнетен выше сил.
От пресыщенья родится надменность, коль средства большие
Людям приходят таким, меры не знает чей нрав.

(3) И еще где-то в другом месте он говорит относительно тех, которые хотели поделить между собой землю:

Кто пришел затем, чтоб грабить, полон был надежд больших
И рассчитывал богатство тут великое найти,
Ждал, что я, лаская мягко, нрав суровый проявлю.
Но тогда они ошиблись, а теперь, сердясь за то,
На меня косые взгляды мечут все, как на врага.
Нужды нет: что обещал я, сделал с помощью богов
И трудился я не даром. Мне равно не по душе—
Силой править тирании, как и в пажитях родных
Дать худым и благородным долю равную иметь.

(4) Также и об отмене долгов и о людях, порабощенных сначала, а после освобожденных благодаря сисахфии:

Какой же я из тех задач не выполнил,
Во имя коих я тогда сплотил народ?
О том всех лучше перед Времени судом
Сказать могла б из олимпийцев высшая—
Мать черная Земля, с которой снял тогда
Столбов поставленных я много долговых[1],
Рабыня прежде, ныне же свободная.
На родину, в Афины, в богозданный град
Вернул я многих, в рабство проданных,
Кто кривдой, кто по праву, от нужды иных
Безвыходной бежавших, уж забывших речь
Аттическую—странников таков удел,
Иных еще, в позорном рабстве бывших здесь
И трепетавших перед прихотью господ
Всех я освободил. А этого достиг,
Закона властью силу с правом сочетав,
И так исполнил все я, как и обещал.
Законы я простому с знатным наравне,
Для каждого прямую правду указав,
Так написал. А если б кто другой, как я,
Стрекало взял—недобрый, алчный человек,—

---

[1] Так называемые ὅροι—пограничные столбы, на которых обозначалось, кому и в какой сумме заложено данное владение. Таких столбов немало сохранилось со времени конца IV в. См. *Dittenberger*, Sylloge inscriptionum Graecarum, 3 ed., № 1193—1197, *Dareste*, Haussoullier, Reinach. Recueil des inscriptions juridiques grecques, fasc. I, p. 1891, p. 107—142.

Народа б не сдержал он. Если б я хотел
Того, что нравилось тогда противникам,
Потом того, что указали б их враги,
Тогда мужей бы многих наш лишился град.
Затем-то, на борьбу все мужество собрав,
Я, точно волк, вертелся среди стаи псов.

(5) И в другом месте, порицая обе стороны за обращенные к нему впоследствии жалобы их на судьбу, он говорит:

Народ коль нужно прямо порицать, скажу:
Чем ныне обладают, никогда того
Не видели б глазами и во сне...
А кто знатней и с большей силой, должен бы
Меня хвалить и другом сделать бы своим,

потому что, если бы кто-нибудь другой, говорит он, достиг этой почести,

Народа б не сдержал и не отстал бы сам,
Пока не сбил бы масла, снявши молоко[1].
А я меж ними, как на спорном поле столб,
Стал на меже.

V. СМУТА ПОСЛЕ СОЛОНА

(гл. 13)

13. Вот по каким причинам Солон предпринял это путешествие. Он уехал, когда в государстве еще шли неурядицы; тем не менее после его отъезда в течение четырех лет жили спокойно. На пятый же год после правления Солона не могли выбрать архонта вследствие смуты, и дальше на пятый год по той же причине было безвластие. (2) А после этого, спустя такой же промежуток времени, Дамасий[2], избранный архонтом, управлял два года и два месяца, пока не был силой устранен с должности. Потом афиняне решили ввиду происходивших смут выбрать в архонты десятерых лиц: пятерых—из эвпатридов, троих—из земледельцев, двоих—из ремесленников, и эти архонты правили в течение года после Дамасия. Это и показывает, что архонт имел весьма большую силу, так как повидимому все время шла борьба

---

[1] Текст этого стиха испорчен. Перевод дан только по общему смыслу.

[2] Хронологический расчет этих событий остается спорным. Наиболее правдоподобным представляется нам расчет Кеннона: 594 г.—архонтство Солона; 594—591 или 593—590—первое четырехлетие; 590—первая анархия; 590—587 или 589—586—второе четырехлетие; 586—вторая анархия; 586—583 или 585—582—третье четырехлетие; 582—первый год архонтства Дамасия.

из-за этой должности. (3) Вообще же были постоянно нелады во взаимных отношениях, причем одни за начало и повод выставляли отмену долгов (это были как раз люди, разорившиеся от нее), другие были недовольны государственным порядком, так как произведенная в нем перемена оказалась серьезной, а некоторые—из взаимного соперничества.

(4) Этих партий было три: одна—паралийцев [1] с Мегаклом, сыном Алкмеона, во главе, которые повидимому преимущественно добивались среднего образа правления; другая—педиаков[2], которые стремились к олигархии, ими предводительствовал Ликург; третья—диакрийцев[3], во главе которой стоял Писистрат, казавшийся величайшим приверженцем демократии. (5) К этим последним примкнули, с одной стороны, те, которые лишились денег, отданных взаймы,—ввиду стесненного положения; с другой—люди нечистого происхождения—вследствие страха. Это видно из того, что после низвержения тиранов афиняне произвели пересмотр гражданских списков, так как многие пользовались гражданскими правами противозаконно. Все эти партии имели прозвания по тем местам, где они обрабатывали землю.

VI. ПРАВЛЕНИЕ ПИСИСТРАТА

(гл. 14—16)

14. Наиболее рьяным приверженцем демократии казался Писистрат, стяжавший большую славу во время войны с мегарцами[4]. Он сам нанес себе раны и под предлогом, будто это было делом его политических противников, убедил народ дать ему телохранителей. Письменное предложение об этом внес Аристион[5]. Получив в свое распоряжение отряд так называемых «дубинщиков», он с помощью их восстал против народа и занял

---

[1] Т. е. береговых жителей.

[2] Педиаки—жители равнины.

[3] Диакрийцы—горные жители.

[4] Плутарх (Солон, 8) представляет дело так, что это была та самая война из-за Саламина, которая началась по инициативе Солона. Однако эта война должна относиться приблизительно к 600 г., а Писистрат, который умер в 527 г., очевидно, не мог еще принимать активного участия в ней (см. ниже, гл. 17). Надо предполагать поэтому, что тут имеется в виду другая война с мегарцами, которая велась около 570 г. и во время которой Писистрат взял Нисею, гавань Мегар (ср. *Геродот*, 1,59; см. ниже, гл. 22, 3).

[5] По Плутарху (Солон, 30,2), Аристон. Подробнее рассказывает об этом событии Геродот, 1, 59 (см. приложение VI).

Акрополь на тридцать четвертом [1] году после законодательства, при архонте Комее. (2) Говорят, когда Писистрат просил об охране, Солон возражал против этого и сказал, что одних он превосходит умом, а других мужеством; умом превосходит тех, кто не знает, что Писистрат стремится к тирании; мужеством тех, которые знают это, да молчат. Но так как словами ему не удавалось убедить, то он стал с оружием перед дверьми и говорил, что помог отечеству по мере своих сил (он был уже весьма престарелым) и что ждет того же самого и от остальных[2].

(3). Итак, Солон ничего не достиг тогда своим призывом. Писистрат же, взяв в свои руки власть, управлял общественными делами скорее в духе гражданского равноправия, чем тирании. Но так как власть его еще не укрепилась, то приверженцы Мегакла и Ликурга, придя между собой к соглашению, изгнали его на шестом году после его первого прихода к власти, при архонте Гегесии[3]. (4) На двенадцатый же год после этого[4], наоборот, сам Мегакл, поставленный в безвыходное положение своими противниками, завел переговоры с Писистратом и, условившись, что он возьмет замуж его дочь, устроил его возвращение на старинный лад и слишком простым способом. Распространив предварительно слух, будто Афина собирается возвратить Писистрата, он разыскал высокого роста и красивую женщину—как утверждает Геродот [5], из дема Пеанийцев или, как некоторые говорят, из Коллита—продавщицу венков, фракиянку по имени Фию, нарядил ее наподобие этой богини и ввел в город вместе с ним. И Писистрат въезжал на колеснице, на которой рядом с ним стояла эта женщина, а жители города встречали их, преклоняясь ниц в восторге.

15. Вот при каких условиях произошло первое возвращение Писистрата. А после этого он был изгнан вторично, на седьмом приблизительно году после возвращения. Недолго удерживал он власть в своих руках, но вследствие того что не хотел жить с дочерью Мегакла, бежал, побоявшись обеих партий. (2) Сначала Писистрат основал поселение около Фермейского за-

---

[1] В рукописи читается: «тридцать втором», но так как Комей был архонтом в 560 г., а Солон в 594 г., то приходится предполагать в рукописи ошибку.

[2] Этот анекдот рассказывают Плутарх (Солон, 30 и Moralia, p. 794 E) и Диодор (IX, 29).

[3] Т. е. в 555 г.

[4] Т. е. после его первой тирании. Другие, ведя счет со времени изгнания, предполагают здесь описку и читают: «на четвертый год».

[5] *Геродот*, I,60. Это единственный случай, где Аристотель называет свой источник, кроме Солона.

лива[1], в местечке, которое называется Рекел, а оттуда переехал в окрестности Пангея [2]. Запасшись там деньгами и навербовав наемных солдат, он на одиннадцатом году приехал опять [3] в Эретрию и пытался тогда впервые вернуть себе власть силой, причем многие оказывали ему поддержку, в том числе особенно фиванцы и наксосец Лигдамид, а также всадники, в руках которых была тогда государственная власть в Эретрии. (3) Победив в сражении при Паллениде[4], Писистрат занял город и, отобрав у народа оружие, уже прочно утвердил свою тиранию. Затем он взял Наксос[5] и поставил правителем Лигдамида.

(4) Отобрал Писистрат оружие у народа следующим образом. Устроив смотр войска у Фесейона[6], он пробовал обратиться к народу с речью и говорил недолго [7]. Когда же присутствующие стали говорить, что не слышат, он попросил их подойти к преддверью Акрополя, чтобы могли лучше слышать его. А в то время как он произносил свою речь, люди, специально получившие такое распоряжение, подобрав оружие, заперли его в близлежащем здании—Фесейоне—и подойдя знаком сообщили об этом Писистрату. Окончив говорить о других делах, он сказал и об оружии—что по поводу случившегося не надо ни удивляться, ни беспокоиться, но следует возвратиться по домам и заниматься своими делами, а о всех общественных позаботится он сам.

16. Так вот тирания Писистрата с самого начала установилась таким образом и столько имела перемен. (2) А руководил государственными делами Писистрат, как сказано[8], с умерен-

---

[1] Залив, образуемый Халкедонским полуостровом.

[2] Гора во Фракии вблизи устья реки Стримона, известная своими золотыми россыпями.

[3] По словам Геродота (1,61), Писистрат после своего изгнания прежде всего обратился в Эретрию.

[4] Местечко по дороге из Марафона в Афины с храмом Афины Палленской.

[5] Самый крупный из Кикладских островов.

[6] Храм Фесея, который, судя по описанию *Павсания* (1,17, 2 и 18, 1—2), находился по близости от площади у подножия святилища Аглавры (северный склон Акрополя). Не надо смешивать этот храм с сохранившимся до сих пор так называемым «храмом Фесея» на холме Колона (на самом деле повидимому храм Гефеста). По другому источнику (Полиен—II в. до н. э.), дело происходило у Анакия, храма Диоскуров (Кастора и Полидевка).

[7] В рукописи здесь пробел. Может быть, следует читать: «говорил тихо».

[8] См. выше, гл. 14, 3.

ностью и скорее в духе гражданского равноправия, чем тиранически. Он был вообще гуманным и кротким человеком, снисходительным к провинившимся; бедных он даже снабжал вперед деньгами на сельские работы, чтобы они могли кормиться, занимаясь земледелием. (3) Это он делал по двум соображениям: с одной стороны, для того чтобы они не находились в городе, но были рассеяны по всей стране, с другой—для того чтобы, пользуясь средним достатком и занятые своими личными делами, они не имели ни желания, ни досуга заниматься общественными. (4) А вместе с тем и доходов поступало к нему больше при условии, если обрабатывалась земля, так как Писистрат взимал десятину с получавшихся доходов[1].

(5) По этим же соображениям он учредил и «судей по демам»[2], да и сам часто ездил по стране, наблюдая за ходом дел и примиряя тяжущихся, чтобы они не запускали своих работ, отправляясь в город. (6) Во время одного такого путешествия Писистрата случилось, как рассказывают, приключение с земледельцем, обрабатывавшим на Гиметте[3] местечко, получившее впоследствии прозвание «безоброчного». Увидав, что какой-то человек копается и трудится над одними камнями, Писистрат подивился этому и велел рабу спросить у него, сколько дохода получается с этого участка. Тот ответил: «Какие только есть муки и горе; да и от этих мук и горя десятину должен получить Писистрат». Человек этот ответил так, не зная его. Писистрат же в восхищении от его прямоты и трудолюбия сделал его свободным от всех повинностей.

(7) Вообще простой народ он старался ничем не раздражать во время своего правления, но всегда обеспечивал мир и поддерживал спокойствие. Вот почему и говаривали часто, что «тирания Писистрата—это жизнь при Кроносе». Впоследствии же, когда преемниками Писистрата сделались его сыновья, правление стало гораздо более суровым. (8) Но самым важным из всего сказанного было то, что он по своему характеру был демократичным и обходительным человеком. Во всех вообще случаях он хотел руководить всеми делами по законам, не допуская

---

[1] Фукидид (VI, 54, 5) говорит, что при тиранах взимался налог в размере одной двадцатой части, но это снижение налога вероятно было сделано только при сыновьях Писистрата.

[2] Этих судей при Перикле было 30 (см. гл. 26,5), позже — 40 (см. гл. 53,1). Они имели право самостоятельного решения гражданских дел, оцениваемых не свыше 10 драхм (около 4 руб.).

[3] Гиметт—гора в Аттике к юго-востоку от Афин (теперь Трело-Вуни и Мавро-Вуни).

для себя никакого преимущества. Так например, однажды, вызванный на суд в Ареопаг по обвинению в убийстве, он сам вышел на суд, чтобы оправдаться, но вызвавший его к ответу обвинитель побоялся и оставил дело[1]. (9) Поэтому-то и оставался он долгое время у власти и, если бывал изгнан, легко возвращал себе эту власть снова. За него стояло большинство как знатных, так и демократов. Одних он привлекал к себе, поддерживая с ними знакомство, других тем, что оказывал им помощь в их личных делах; он отличался таким характером, что умел ладить с теми и с другими. (10) А в ту пору и у афинян законы о тиранах были вообще мягкие, среди них также и тот, который относится как раз к установлению тирании. Именно, закон у них был следующий: «Таковы у афинян установления и обычаи отцов: если кто восстанет, чтобы быть тираном, или будет содействовать установлению тирании, тот да будет лишен гражданской чести и сам и его род».

VII. ПРАВЛЕНИЕ ПИСИСТРАТИДОВ

(гл. 17—19)

17. Писистрат состарился, оставаясь у власти, и умер от болезни при архонте Филонее[2]. Он прожил 33 года, с тех пор как впервые сделался тиранном, и при этом пробыл у власти 19 лет[3], остальное же время он провел в изгнании. (2) Поэтому очевидно вздором являются рассказы тех, которые утверждают, будто Писистрат был любимцем Солона и предводительствовал в войне с мегарцами из-за Саламина[4]. Это несовместимо с возрастом их обоих, если принять во внимание жизнь того и другого, а также при каком архонте каждый из них умер [5].

(3) После смерти Писистрата правление удерживали в своих руках его сыновья и руководили делами в том же духе [6]. Было их двое от его законной жены—Гиппий и Гиппарх—и двое

---

[1] Об этом случае упоминает Аристотель и в «Политике» (V, 9, 21, р. 1315 в 21; ср. *Плутарх*, Солон, 31).

[2] Архонт 528/527 г. Смерть Писистрата относится к весне 527 г.

[3] В «Политике» (V, 9, 23, р. 1315 b, 30) Аристотель определяет продолжительность его власти в 17 лет.

[4] Писистрат был предводителем в войне с мегарцами, но не в той, которая велась из-за Саламина, а в более поздней. Ср. выше—гл. 14, 1 и ниже—22, 3.

[5] Солон умер вскоре после 560 г.

[6] Ср. такой же отзыв о начальном периоде их правления у *Фукидида*, VI, 54, 5 и сл.

от аргивянки—Иофонт [1] и Гегесистрат, по прозвищу Фессал [2]. (4). Кроме того Писистрат женился еще и на дочери одного аргивянина из Аргоса[3], по имени Горгила—Тимонассе, на которой прежде был женат Архин, один ампракиец из рода кипселидов[4]. Отсюда и возникла у него дружба с аргивянами; оттого и сражались на его стороне в битве при Паллениде тысяча воинов, приведенных Гегесистратом. Женился же он на аргивянке, по словам одних, во время первого изгнания, по словам других— когда стоял у власти.

18. Делами управляли в силу своего достоинства и старшинства Гиппарх и Гиппий; при этом Гиппий как старший и как человек от природы одаренный способностями государственного деятеля и серьезный, стоял во главе правления. Между тем Гиппарх был человек легкомысленный, влюбчивый и поклонник муз: он-то и приглашал к себе разных поэтов вроде Анакреонта, Симонида и других. Фессал же был значительно моложе и в обращении дерзкий и надменный, из-за него-то [5] и начались у них все беды.

Он был влюблен в Гармодия и, не добившись его дружбы, не мог сдерживать своего гнева, но во всем выражал свое раздражение; наконец когда сестра Гармодия должна была исполнять обязанности канефоры на Панафинеях, он не позволил ей, сказав какую-то брань про Гармодия, будто он трус. Это и послужило причиной того, что возмущенные Гармодий и Аристогитон исполняют свое деяние при соучастии многих. Во время Панафиней они уже подстерегали на Акрополе Гиппия—он как-раз должен был встречать, а Гиппарх отправлять процессию. Тут они увидали, что один из участников дела любезно беседует с Гиппием, и подумали, что он выдает их; тогда, желая сделать что-нибудь, пока еще не арестованы, они сошли вниз [6] и начали свое дело, не дожидаясь остальных. Таким образом хотя им и удалось убить Гиппарха, когда он уста-

---

[1] Иофонт больше нигде не называется сыном Писистрата. Фукидид (VI, 55) называет только троих: Гиппия, Гиппарха и Фессала.

[2] Геродот (V, 94) называет этих двух сыновей незаконными с точки зрения понятий V в., так как они происходили от матери-иностранки (см. ниже, гл. 42, 1). Фукидид (VI, 55 и I, 20, 2) считает Фессала законным сыном. Его прозвище свидетельствует о связях с фессалийцами (ср. ниже, гл. 19, 5).

[3] Подчеркивается, что отец ее был из Аргоса, так как она была замужем за ампракийцем (Ампракия—город в Эпире у так называемого Ампраксийского залива).

[4] Кипсел—тиран города Коринфа с 658 или 655 г., около 30 лет правивший городом и основавший целую династию в Коринфе и в Ампракии.

[5] Фукидид (VI, 54) главным виновником считает Гиппарха.

[6] Т. е. с высоты Акрополя.

навливал порядок процессии около Леокория[1], однако они испортили все дело. (4) Из них Гармодий был убит копьеносцами[2] тут же, а Аристогитон погиб позднее: он был схвачен и подвергался долгое время пыткам. Он оговорил под пыткой многих людей, которые принадлежали к знати и были друзьями тиранов. Дело в том, что в этот момент тираны нигде не могли напасть на настоящие следы по этому делу; но рассказ, обыкновенно повторяемый, будто Гиппий велел участникам процессии сложить оружие и таким образом уличил тех, у кого были кинжалы, неверен, так как тогда не было принято ходить в этой процессии с оружием, но это установил позднее народ. (5) Оговаривал же Аристогитон друзей тирана, как утверждают демократы, нарочно, добиваясь, чтобы они совершили нечестие и вместе с тем ослабили свои силы, погубив неповинных и притом своих же друзей; но некоторые говорят, что он ничего не выдумывал, а показывал на своих действительных сообщников. (6) И под конец, когда, несмотря на все свои усилия, Аристогитон не мог добиться себе смерти, он обещал выдать еще многих других и убедил Гиппия дать ему правую руку в знак обещания безнаказанности; а потом, взяв его за руку, осыпал его бранью за то, что он дал руку убийце своего брата, и этим так раздражил Гиппия, что тот не мог сдержать себя от гнева и, выхвативши меч, убил его.

19. После этого тирания стала гораздо более суровой, так как Гиппий, мстя за брата, многих перебил и изгнал и вследствие этого стал всем внушать недоверие и озлобление. (2) А на четвертый приблизительно год после смерти Гиппарха положение его в городе стало настолько ненадежным, что он начал укреплять Мунихию[3], намереваясь туда переселиться. Но, в то время как он был занят этим делом, его изгнал лакедемонский царь Клеомен, так как лаконцам все время давались повеления оракула о низвержении тирании. А это происходило по следующей причине. (3) Как ни пытались изгнанники, среди которых первое место занимали Алкмеониды[4], своими собствен-

---

[1] Памятник дочерей мифического царя Леоса, которые будто бы добровольно согласились быть принесенными в жертву за спасение родины. Он находился в так называемом внутреннем Керамике, около площади. Тут впоследствии был поставлен памятник «тираноубийцам» после возвращения его из Персии, куда он был увезен Ксерксом.

[2] Обычный конвой тиранов.

[3] Мунихия—афинская гавань к востоку от Пирея, чрезвычайно важная в стратегическом отношении.

[4] После разрыва Писистрата с Мегаклом (см. выше. гл. 15,1) и утверждения тирании в Афинах всему роду Алкмеонидов пришлось уйти в изгнание.

ными силами добиться возвращения, они не могли этого сделать, но всякий раз терпели неудачу. Все их попытки оставались тщетными. Так, между прочим, они укрепили в самой стране местечко Липсидрий на Парнефе [1], и туда собрались некоторые из жителей города; однако они были выбиты оттуда тиранами. Оттого-то впоследствии, уже после этого несчастия, постоянно пели в сколиях [2]:

Ах, Липсидрий, ах, друзей предатель!
Ты каких воителей отважных
Погубил там—знать-то все какую!
Впрямь они там род свой оправдали!

Итак, терпя во всем неудачу, они взяли на откуп постройку храма в Дельфах; отсюда-то и явилось у них достаточно денег, для того чтобы призвать на помощь лаконцев [3]. А пифия постоянно объявляла лакедемонянам, когда они вопрошали оракула, что надо освободить Афины. Кончилось дело тем, что она склонила к этому спартанцев, хотя Писистратиды были с ними в отношениях гостеприимства [4]. Но не в меньшей степени на рвение лаконцев оказала свое влияние дружба, существовавшая у Писистратидов с аргивянами [5]. (5) И вот сначала они послали морем Анхимола [6] с войском. Однако он был побежден и убит, вследствие того что на помощь Писистратидам пришел фессалиец Киней во главе тысячи всадников. Тогда лаконцы, раздраженные происшедшим, послали царя Клеомена [7] с более сильным войском уже сухим путем; тот сначала победил фессалийскую конницу, преграждавшую ему движение в Аттику, потом запер Гиппия в так называемых пеласгических [8] стенах и стал осаждать его совместно с афинянами. Когда он держал Гиппия в осаде, случилось так, что сыновья Писистратидов при попытке незаметно выбраться оттуда попали в плен. После захвата их Пи-

---

[1] Парнеф—лесистый горный кряж на севере от Афин, на границе между Аттикой и Беотией, являющийся продолжением Киферона.

[2] Сколий—застольная песнь, строфы которой исполнялись отдельными пирующими по очереди.

[3] Геродот (V, 62,VI, 125) говорит о больших богатствах Алкмеонидов, что и позволило им взять на себя подряд.

[4] Так наз. ξενία—фамильная дружба между гражданами разных государств, требовавшая взаимной поддержки как в личных, так и в политических делах.

[5] Ср. о женитьбе Писистрата на аргивянке Тимонассе (выше, гл. 17,4).

[6] Ср. *Геродот*, V, 63.

[7] С. *Геродот*, V, 64.

[8] Так назывались остатки древнейших укреплений вокруг Акрополя, сооружение которых приписывалось преданием первоначальному населению Аттики—пеласгам.

систратиды заключили соглашение, выговорив пощаду для своих сыновей, и в пятидневный срок, отправив свое имущество из Афин, сдали Акрополь афинянам при архонте Гарпактиде. Таким образом они удерживали в своих руках тиранию после смерти отца приблизительно семнадцать лет, а всего, если считать и то время, когда правил отец, это составляет сорок девять лет[1].

VIII. РЕФОРМЫ КЛИСФЕНА И МЕРОПРИЯТИЯ БЛИЖАЙШИХ ЛЕТ

(гл. 20—22)

20. После низвержения тирании началась распря между Исагором, сыном Тисандра, другом тиранов, и Клисфеном, происходившим из рода Алкмеонидов. Побеждаемый гетериями[2], Клисфен привлек на свою сторону народ, обещая предоставить народной массе политические права. (2) Тогда Исагор, видя ослабление своих сил, снова пригласил Клеомена, который был с ним в отношениях гостеприимства, и убедил его принять участие в «изгнании скверны» под тем предлогом, что Алкмеониды считались принадлежащими к числу оскверненных[3].

(3) Клисфен ввиду этого тайно удалился, а Клеомен, придя с небольшим отрядом, начал гнать из города под видом очищения от скверны семьсот афинских семейств. Приведя это в исполнение, он пытался низложить Совет и отдать город под власть Исагора и трехсот его приверженцев. Однако Совет оказал сопротивление, и собрался народ. Тогда сторонники Клеомена и Исагора убежали на Акрополь, а народ, обложив их там, осаждал в течение двух дней; на третий день отпустили Клеомена и всех бывших с ним[4], обеспечив им свободный выход, а Клисфена и остальных изгнанников призвали обратно.

---

[1] Выше (гл. 17, I) было упомянуто, что со времени первой тирании Писистрат прожил 33 года. Таким образом весь период правления Писистратидов должен составить 50 лет (17+33) или, если тут были неполные годы, 49. В «Политике» (V, 9, 23 р. 1315 в. 32) правление сыновей Аристотель исчисляет в 18 лет. По Геродоту (V, 65), фактическое правление Писистрата и Писистратидов длилось 36 лет, т. е. 19+17, что соответствует показаниям данного сочинения. Расхождение с «Политикой» объясняется повидимому счетом неполных лет за целые годы.

[2] Аристотель выражается языком более позднего времени: гетерии ἑταιρεῖαι—олигархические клубы, игравшие важную роль в политических переворотах конца V в.

[3] Имеется в виду участие Алкмеонидов в так называемом «килоновом грехе», см. прим. к гл. I и приложение 1.

[4] Геродот (V, 72) говорит, что афиняне отпустили только Клеомена

(4) Когда народ взял в свои руки управление, Клисфен стал вождем и простатом народа. Это произошло потому, что чуть ли не главными виновниками изгнания тиранов были Алкмеониды и они же большею частью вели непрестанную политическую борьбу. (5) Но еще раньше Алкмеонидов пытался вести борьбу с тиранами Кедон [1]. Поэтому-то в честь его и пели в сколиях[2]:

И за Кедона налей, виночерпий: всегда его помни,
Если за добрых мужей очередь кубок налить.

21. Так вот по этим-то причинам народ и верил Клисфену.

А тут, находясь во главе народной партии, на четвертом году после низвержения тиранов, при архонте Исагоре [3] (2) он начал с того, что распределил всех граждан между десятью филами вместо четырех. Он хотел смешать их, чтобы большее число людей получило возможность участия в делах государства [4]. Отсюда и пошло выражение: «не считаться филами»—в ответ тем, кто хочет исследовать происхождение. (3) Затем он установил Совет пятисот вместо четырехсот, по пятидесяти из каждой филы, а до тех пор было по сто. Разделил же он не на двенадцать фил из того соображения, чтобы это деление не совпадало с существовавшим ранее делением на триттии: именно, в четырех филах было двенадцать триттий, так что в этом случае не удалось бы смешать народ.

(4) Кроме того Клисфен разделил и страну по демам на тридцать частей: десять взял из демов пригородных, десять—из демов прибрежной полосы, десять—из демов внутренней полосы. Назвав эти части триттиями, в каждую филу он назначил по жребию три триттии, так чтобы в состав каждой филы входили части из всех этих областей [5]. Далее, он заставил считаться демо-

---

с его спартанцами, а захваченных там афинян перебили, причем однако некоторым и в том числе Исагору удалось ускользнуть.

[1] Личность нам неизвестная. Некоторые иначе толкуют эту фразу: «но еще раньше пытался вести борьбу с тиранами Кедон из рода Алкмеонидов». Но тогда пропадает противопоставление с предыдущей фразой, а грамматические основания для этого слабы.

[2] Сколий—см. объяснение к гл. 19, 3.

[3] В 508/507 г. Хотя Исагор был изгнан и первым архонтом на его место был избран кто-то другой, повидимому сам Клисфен, но обозначение года остается по имени того, кто был в этой должности вначале.

[4] Эти слова указывают на увеличение состава граждан. В «Политике» (III, 2, 10 р. 1275 в 36 и VI, 4, 11 р. 1319 в 6) Аристотель определенно говорит о принятии в число граждан иностранцев (метеков) и рабов.

[5] Смысл этой реформы становится ясным после рассмотрения роли крупных аристократических родов. Эти роды естественно группировались

тами жителей каждого из демов, чтобы люди не выделяли новых граждан, называя их по отчеству, но чтобы публично называли по имени демов. Вот отчего афиняне и называют себя по именам демов[1]. Учредил он и должность демархов[2], которые имеют те же обязанности, что прежние навкрары, так как демы он образовал вместо навкрарий. Что касается названий, то некоторым из демов он дал их по местечкам, некоторым—по основателям, так как уже не все демы связаны были с местами[3].

(6) Роды же, фратрии и жречества он предоставил всем иметь по отеческим заветам. Филам он дал в качестве эпонимов[4] из ста предварительно намеченных архегетов[5] десятерых, которых изрекла пифия.

22. В результате этих изменений государственный строй стал гораздо более демократичным, чем солоновский. Это и понятно: законы Солона упразднила тирания, оставляя их без применения; между тем, издавая другие, новые законы, Клисфен имел в виду интересы народа. В их числе издан был и закон об остракисме[6].

каждый в определенном месте; поэтому в некоторых районах, особенно с наиболее плодородной почвой, как в так называемой «равнине», во внутренней полосе Аттики, аристократическое население было особенно сосредоточено и располагало большим политическим влиянием. Даже те отрывочные и далеко не полные документальные данные, которые сохранились в надписях, дают наглядное представление о силе и значении этих родов. Когда проведено было разделение на демы, оказалось, что например род Аминандридов размещался в 26 демах, род Keриков—в 19, род Эвмолпидов—в 10 и т. д. В действительности конечно это распространение было еще большее, и есть основание думать, что род Аминандридов располагался по крайней мере в 40 демах (см. Schöffer, Demoi, Pauly—Wissowa, Real-Encyclopädie).

[1] Позднее при официальном именовании граждан обычно соединялись оба способа обозначения—по отчеству и по дему, например Перикл, сын Ксанфиппа, холаргиец, Демосфен, сын Демосфена, пеаниец и т. д.

[2] Демарх—старшина дема.

[3] Некоторые названия местечек были вытеснены фамильными названиями, в других случаях при учреждении дема его нельзя было приурочить ни к какому из ранее существовавших местечек. Во всяком случае многие из названий демов имеют характер фамильных обозначений, как Лакиады, Бутады, Скамбониды и т. п.

[4] Эпонимы—герои, по именам которых названы отдельные филы, например Эрехфей, Эгей, Пандион и т. д., по именам которых названы филы Эрехфеида, Эгеида, Пандионида и т. д. Ср. ниже—гл. 43, 4.

[5] Архегеты—герои-родоначальники.

[6] Остракисм (от слова ὄστρακον—черепок) — специальное голосование путем подачи черепков, посредством которого можно было удалить в десятилетнее изгнание казавшегося опасным политического деятеля (см. приложение X).

(2) Впервые на восьмом году [1] после установления этого порядка, при архонте Гермокреонте, установили для Совета пятисот присягу, которую приносят еще и теперь [2]. Затем стали избирать по филам стратегов [3], по одному из каждой, предводителем же всей вообще армии был полемарх. (3) Далее, на двенадцатом году после этого, при архонте Фенипле [4], афиняне одержали победу в битве при Марафоне, а спустя два года после победы, когда народ стал уже чувствовать уверенность в себе, тогда впервые применили закон об остракисме, который был установлен ввиду подозрения к людям, пользующимся влиянием, так как Писистрат из демагога и полководца сделался тираном. (4) И первым подвергся остракисму один из его родственников Гиппарх, сын Харма [5], из Коллита, которого главным образом и имел в виду Клисфен, издавая этот закон, так как хотел его изгнать. Надо сказать, что афиняне со свойственной народу снисходительностью позволяли тем из сторонников тиранов, которые не принимали участия в их преступлениях во время смут, проживать в городе. Вот их-то вождем и простатом был Гиппарх.

(5) Но тотчас же на следующий год, при архонте Телесине [6], избрали по жребию девятерых архонтов по филам из предварительно намеченных демами пятисот кандидатов—тогда впервые после тирании, прежние же все были выборные [7]. Тут подвергся остракисму Мегакл, сын Гиппократа, из Алопеки [8]. (6) Таким образом в течение трех лет [9] изгоняли остракисмом сторонников тиранов, против которых был направлен этот закон; после же этого на четвертый год стали подвергать изгнанию и из остальных

---

[1] В рукописи: «на пятом году», что не вяжется с дальнейшим расчетом (время Марафонской битвы) и другими хронологическими данными. Восьмой год после реформы (508/507)—501/500 г.

[2] Во время написания сочинения, около 325 г. Эта присяга известна нам только в общих чертах по отрывочным цитатам, например у Демосфена, XXIV, 144.

[3] О стратегах в IV в.—см. ниже, гл. 61 и приложение.

[4] 490/489 г.

[5] Харм был тестем Гиппия.

[6] В 487/486 г.

[7] Имеется в виду только период со времени низвержения тирании. Солоновский же порядок избрания был такой же двухстепенный (см. гл. 8, 1).

[8] Сохранился относящийся к этому случаю черепок с надписью: «Мегакл, сын Гиппократа, из Алопеки». Подобных черепков найдено при раскопках на Акрополе свыше 50 с именами Ксанфиппа, Фемистокла, Фукидида и др. (ср. ниже, к гл. 28, 2).

[9] 487—485 гг.

граждан всякого, кто только казался слишком влиятельным. И первым подвергся остракисму из людей, посторонних тирании, Ксанфипп, сын Арифрона.

(7) А на третий год после этого, при архонте Никодеме [1], были открыты рудники в Маронии [2], и у города остались сбережения в сто талантов [3] от их разработки. Тогда некоторые советовали поделить эти деньги народу, но Фемистокл не допустил этого. Он не говорил, на что думает употребить эти деньги, но предлагал дать заимообразно ста богатейшим из афинян, каждому по одному таланту, а затем, если их расходование будет одобрено, трату принять в счет государства, в противном же случае взыскать эти деньги с получивших их в заем. Получив деньги на таких условиях, он распорядился построить сто триэр, причем каждый из этих ста человек строил одну. Это и были те триэры, на которых афиняне сражались при Саламине против варваров [4]. В это время подвергся остракисму Аристид, сын Лисимаха [5].

(8) На четвертый год, при архонте Гипсихиде, всех подвергшихся остракисму вернули ввиду похода Ксеркса [6]. При этом на будущее время определили, чтобы люди, подвергающиеся остракисму, проживали вне Гереста и Скиллея [7] под страхом в противном случае лишиться раз навсегда гражданских прав.

IX. ЭПОХА ГРЕКО-ПЕРСИДСКИХ ВОЙН

(гл. 23—25)

23. Вот какого положения достигло тогда государство, развиваясь постепенно вместе с ростом демократии.

После же мидийских [8] войн снова усилился совет Ареопага и стал управлять государством, взяв на себя руководство делами не в силу какого-нибудь постановления, но вследствие того что ему были обязаны успехом морской битвы при Саламине.

---

[1] 483/482 г.

[2] Местечко на юге Аттики, в 5 милях к северу от мыса Суния, поблизости от Лаврийских рудников.

[3] Около 240 тыс. руб.

[4] Об этой хитрости Фемистокла рассказывается еще у Полиэна (II в. н. э.). Геродот (VII, 144) говорит просто о постройке кораблей для войны с островом Эгиной.

[5] В 484/483 г.

[6] Весной 480 г.

[7] Герест—юго-восточная оконечность острова Эвбеи. Скиллей—восточная оконечность Арголиды (около города Трезена). Этими пунктами намечается линия, которую было воспрещено переступать изгнанным.

[8] Так обычно назывались персидские войны.

Именно стратеги совершенно растерялись, не зная, что делать, и объявили через глашатаев, чтобы каждый спасался как может; между тем Ареопаг, достав денег, роздал по восьми драхм на человека и посадил всех на корабли. (2) По этой-то причине и стали тогда подчиняться его авторитету, и действительно управление у афинян было прекрасное в эту пору. Им удалось в это время достигнуть успехов в военном деле, приобрести славу у греков и добиться гегемонии на море вопреки желанию лакедемонян [1].

(3) Простатами народа в эту пору были Аристид, сын Лисимаха, и Фемистокл, сын Неокла. Последний считался искусным в военных делах, первый—в гражданских; притом Аристид, по общему мнению, отличался еще между своими современниками справедливостью. Поэтому и обращались к одному как к полководцу, к другому—как к советнику. (4) Возведением стен [2] они распоряжались совместно, хотя и не ладили между собой; что же касается отпадения ионян от союза с лакедемонянами, то их побудил к этому Аристид, улучив момент, когда лаконцы навлекли на себя ненависть из-за Павсания. (5) Поэтому именно он установил для государств размер первоначальных взносов на третий год после морского сражения при Саламине, при архонте Тимосфене [3], и принес присягу ионянам в том, что у них должны быть общими враги и друзья, и в знак этого бросили в море куски металла [4].

24. Так как после этого государство стало уже чувствовать свою силу и были накоплены большие средства, Аристид советовал добиваться гегемонии, а гражданам переселиться из деревень и жить в городе. Пропитание, говорил он, будет у всех—у одних, если будут участвовать в походах, у других, если будут нести гарнизонную службу, у третьих, если будут исполнять общественные обязанности: тогда-то они и возьмут в свои

---

[1] Только у Плутарха (Аристид, 23) приводится сведение, будто это делалось с согласия спартанцев (см. приложение XIV).

[2] Имеются в виду стены вокруг Афин и так называемые «длинные стены», соединявшие Афины с их гаванью Пиреем (см. *Фукидид*, 1,89 и сл.)

[3] В 478/477 г. Размер первоначальных взносов со всех членов союза историки Фукидид (1,96), Плутарх (Аристид, 24) и Корнелий Непот (Аристид, 3) исчисляют в 460 талантов (около 1 100 тыс. руб.). Позднее эта сумма была повышена.

[4] Это же рассказывается у Плутарха (Аристид, 25): «Аристид привел к присяге греков и сам присягнул от имени афинян, причем, произнося клятву, бросил в море куски металла». Смысл этого акта тот, что договор остается нерушимым, пока эти куски не всплывут на поверхность воды (ср. *Геродот*, 1, 165).

руки гегемонию. (2) Афиняне послушались этого совета и, взяв в свои руки власть, стали слишком деспотично относиться к союзникам—ко всем кроме хиосцев, лесбосцев и самосцев [1]; а поименованные были у них в качестве стражей их державы, и им предоставляли политическую самостоятельность и власть над теми, кем они тогда управляли.

(3) Кроме того и большинству народа афиняне обеспечили возможность легко зарабатывать пропитание тем способом, как предложил Аристид. Дело происходило так, что на деньги от взносов и пошлин [2] содержалось более двадцати тысяч человек. Было шесть тысяч судей [3], тысяча шестьсот стрелков, кроме того тысяча двести всадников, членов Совета пятьсот, пятьсот стражников на верфях, да кроме них на акрополе пятьдесят, местных властей до семисот человек, зарубежных до семисот. Когда же впоследствии начали войну [4], помимо этих было еще две тысячи пятьсот гоплитов [5], двадцать сторожевых кораблей, еще корабли для перевозки гарнизонных солдат в числе двух тысяч, избранных по жребию бобами, затем пританей [6], сироты [7] и сторожа при заключенных в тюрьме [8]. Всем этим лицам содержание давалось из казны.

25. Таким вот образом обеспечивалось содержание народу.

В течение по крайней мере семнадцати лет после мидийских войн государство оставалось под главенством совета Ареопага, хотя и клонилось понемногу к упадку. Когда же сила народа стала возрастать, простатом его сделался Эфиальт, сын Софонида, пользовавшийся репутацией человека неподкупного и

---

[1] Остров Самос лишился своего исключительного положения после восстания 440 г., остров Лесбос—в 428 г., а Хиос сначала—в 425 г. и окончательно—в 412 г.

[2] Пропускаем слова: «и от союзников» как вставку, содержащую только объяснение предыдущих слов. Взносы и пошлины получались именно от союзников.

[3] Имеется в виду суд присяжных—«гелиея», однако оплата судьям стала даваться лишь позднее (см. гл. 27, 3).

[4] Так называемая Пелопоннесская война, 431—404 гг.

[5] Расчет ведется по мирному времени—число воинов, бывших в боевой готовности перед началом войны.

[6] Люди, которые за разные заслуги (государственную деятельность, победу на общегреческих состязаниях и т. п.) или за заслуги предков (например потомки Гармодия и Аристогитона) получали содержание в Пританее (см. гл. 3,5).

[7] Дети воинов, павших на войне. Их воспитывали на казенный счет, а по достижении совершеннолетия они получали казенное вооружение.

[8] Имеются в виду так называемые «одиннадцать», заведовавшие тюрьмой и исполнением приговоров (см. ниже, гл. 52,1).

справедливого в государственных делах; он-то и стал нападать на этот совет. (2) Прежде всего он добился устранения многих из ареопагитов, привлекая их к ответственности за действия при отправлении ими обязанностей. Затем, при архонте Кононе[1], он отнял у этого совета все дополнительно приобретенные им права, в силу которых в его руках сосредоточивалась охрана государственного порядка, и передал их частью Совету пятисот, частью народу[2] и судам.

(3) Он произвел это при содействии Фемистокла[3], который, хотя и принадлежал к числу ареопагитов, должен был судиться за сношения с мидянами[4]. Фемистокл, желая добиться упразднения этого совета, стал говорить Эфиальту, будто совет собирается его арестовать, ареопагитам же, что укажет некоторых лиц, составляющих заговор для ниспровержения государственного строя. Он привел особо избранных для этого членов совета к дому, где жил Эфиальт, чтобы показать собирающихся заговорщиков, и стал оживленно разговаривать с пришедшими. (4) Как только Эфиальт увидал это, он испугался и в одном хитоне сел к алтарю[5]. Все были в недоумении от случившегося, и, когда после этого собрался Совет пятисот, Эфиальт и Фемистокл выступили там с обвинением против ареопагитов, а потом таким же образом в народном собрании, пока у ареопагитов не была отнята власть[6]. Тогда...[7] но и Эфиальт спустя немного времени был коварно убит рукой Аристодика из Танагры.

X. РАЗВИТИЕ ДЕМОКРАТИИ

(гл. 26—28)

26. Вот каким образом у совета ареопагитов было отнято право надзора. А после этого государственный строй стал все более терять свой строгий порядок по вине людей, задававшихся демагогическими целями. В эту пору как раз произошло

---

[1] В 462/461 г.

[2] Народному собранию.

[3] В «Политике» (II, 9, 3, p. 1274 a 8) Аристотель приписывает это дело Периклу. Весь этот рассказ о Фемистокле носит характер анекдота и хронологически несовместим с его деятельностью, так как в это время (около 462 г.) его в Афинах не было (подвергнут остракизму в 471 г.).

[4] Т. е. с персами. Ср. выше, прим. к гл. 23, 1, стр. 49, 2.

[5] Садясь у домашнего алтаря, он ставил себя под защиту святыни.

[6] За Ареопагом сохранилась судебная компетенция в делах религиозного характера.

[7] Пропуск в тексте. Повидимому речь шла о судьбе Фемистокла.

такое совпадение, что партия благородных не имела даже вождя (первое место у них занимал Кимон, сын Мильтиада, человек слишком молодой[1] и поздно обратившийся к занятию государственными делами), да кроме того большинство их погибло на войне. Надо иметь в виду, что в те времена походные армии составлялись по списку[2] и в полководцы назначали людей, хотя и неопытных в военном деле, но пользовавшихся почетом только из-за славы их отцов; поэтому постоянно бывало, что из участников похода до двух или трех тысяч оказывалось убито[3]. Таким образом выбывали лучшие люди и из простого народа и из числа состоятельных

(2) Хотя во всем вообще управлении афиняне не так строго, как прежде, придерживались законов, тем не менее порядка избрания девяти архонтов не меняли; только на шестой год после смерти Эфиальта[4] решили предварительные выборы кандидатов для дальнейшей жеребьевки в комиссию девяти архонтов производить также и из зевгитов[5], и впервые из их числа архонтом был Мнесифид. А до этого времени все были из всадников и пентакосиомедимнов, зевгиты же обычно исполняли рядовые[6] должности, если только не допускалось какого-нибудь отступления от предписаний законов. (3) На пятый год после этого, при архонте Лисикрате[7], были снова учреждены тридцать судей, так называемых «по демам»[8], а на третий год после него, при Антидоте[9], вследствие чрезмерно большого количе-

---

[1] Кимон родился вероятно ранее 504 г., так как в 476 г. был стратегом в битве при Эионе (*Фукидид*, 1, 98) и следовательно имел уже около 30 лет отроду. Но деятели этой эпохи вообще поздно начинали свои политические выступления. Впрочем может быть здесь ошибка в тексте и надо читать: «слишком нерешительный».

[2] Разумеется список «гоплитов», т. е. граждан трех высших классов, в который не входили феты, служившие во флоте.

[3] Сохранившиеся документальные данные от 459/458 г. показывают, что убитых из одной филы Эрехфеиды было 177. Таким образом по всем 10 филам число может быть действительно приближалось к 2 тыс. Однако вернее всего такое число было исключительным.

[4] Т. е. в 457/456 г.

[5] По законам Солона (см. выше, гл. 8, 1) должность архонта предоставлялась только гражданам 1-го класса. Когда открыт был доступ гражданам 2-го класса, так называемым «всадникам», сведений у нас нет. Для 4-го класса (фетов) формально доступ оставался всегда закрытым (см. выше, гл. 7, 4).

[6] Ἐγκύκλιοι ἀρχαί—низшие должности, противополагаемые высшим должностям архонтов, стратегов, казначеев и т. д.

[7] 453/452 г.

[8] См. выше, гл. 16, 5 и ниже, гл 53, 1.

[9] 451/450 г.

ства граждан, по предложению Перикла, постановили, что не может иметь гражданских прав тот, кто происходит не от обоих граждан.

27. После этого в качестве демагога выступил Перикл. Он впервые получил известность, будучи молодым, когда обвинял Кимона при сдаче им отчета по должности стратега [1]. Тогда государственный строй стал еще более демократичным. Перикл отнял некоторые права у ареопагитов [2] и особенно решительно настаивал на развитии у государства морской силы. Благодаря ей простой народ почувствовал свою мощь и старался уже все политические права сосредоточить в своих руках.

(2) Затем на 49-й год после битвы при Саламине, при архонте Пифодоре [3], началась война с пелопоннесцами, во время которой народ, запертый в городе и привыкший на военной службе получать жалованье, отчасти сознательно, отчасти по необходимости стал проявлять более решительности, чтобы управлять государством самому.

(3) Также и жалованье в судах ввел впервые Перикл, употребляя демагогический прием в противовес богатству Кимона. Дело в том, что Кимон, имея чисто царское состояние, первое время исполнял блестящим образом только общественные литургии [4], затем стал давать содержание многим из своих демотов. Так, всякому желающему из лакиадов [5] можно было каждый день приходить к нему и получать скромное довольствие. Кроме того его поместья были все неогороженные, чтобы можно было всякому желающему пользоваться плодами. (4) Перикл, не имея такого состояния, чтобы соперничать с ним в щедрости, воспользовался советом Дамонида из Эи (этого Дамонида считали во многих делах советником Перикла, потому и подвергли его впоследствии остракизму). Совет этот состоял в том, что раз Перикл не обладает такими же личными средствами, как Кимон, то надо давать народу его же собственные средства. Из этих соображений Пе-

---

[1] После экспедиции на остров Фасос в 465—463 или 459—457 гг. Кимона обвиняли в том, что он не использовал результатов своей победы и не вторгся в Македонию, подкупленный будто бы македонским царем Александром. Дело кончилось оправданием Кимона.

[2] Ср. гл. 25, 3 об Эфиальте.

[3] 432/431 г. Война началась весной, следовательно в мае—июне 431 г.

[4] Литургии—крупные денежные повинности, которые возлагались на богатейших граждан; сюда принадлежат например триэрархия—постройка военного корабля, хорегия—постановка лирических или драматических произведений.

[5] Лакиады—родной дом Кимона.

рикл и ввел жалованье для судей [1]. На этом основании некоторые считают его виновником нравственного разложения, так как об избрании всегда хлопочут не столько порядочные люди, сколько случайные. (5) Начался после этого и подкуп, причем первым подал пример этого Анит, после того как был стратегом в походе под Пилос [2]. Будучи привлечен некоторыми к суду за потерю Пилоса, он подкупил суд и добился оправдания.

28. Пока Перикл стоял во главе народа [3], государственные дела шли сравнительно хорошо; когда же он умер, они пошли значительно хуже. Тогда впервые народ взял себе в качестве простата человека, не пользовавшегося уважением среди порядочных людей, между тем как в прежнее время демагогами всегда бывали люди достойные.

(2) В самом начале и притом первым простатом народа сделался Солон, вторым—Писистрат, оба из круга благородных и знатных; когда же была низвергнута тирания, выступил Клисфен, происходивший из рода Алкмеонидов. У него не было соперников из противной партии, после того как был изгнан Исагор со своими сторонниками. Потом во главе народа стоял Ксанфипп [4], а во главе знатных—Мильтиад, затем Фемистокл и Аристид. После них во главе народа стоял Эфиальт, а во главе состоятельных—Кимон, сын Мильтиада; далее, Перикл—во главе народа, Фукидид [5]—во главе противной партии (он был зятем Кимона). (3) После смерти Перикла во главе знатных стоял Никий—тот самый, который погиб в Сицилии; во главе народа—Клеон, сын Клеенета, который, как кажется, более всех развратил народ своей горячностью [6]. Он первый стал кричать на трибуне и ругаться и говорить перед народом, подвязав гиматий [7], тогда как остальные говорили благопристойно.

---

[1] Сначала повидимому было вознаграждение по 1 оболу (около 6 коп.) в день, позднее, около 428 г., плата повышена до 3 об. (см. гл. 62, 2).

[2] Пилос—гавань в западной части Пелопоннеса (современный Наварин), занятая в 425 г. афинянами, в 409 г. была взята спартанцами; тогда на выручку был послан Анит (впоследствии—обвинитель Сократа), но он не оправдал доверия и был привлечен к суду за неудачные действия.

[3] Приблизительно с 450 по 429 г.

[4] Ксанфипп—отец Перикла (см. выше, гл. 22, 6).

[5] Фукидид, сын Мелесия,—государственный деятель (не историк; Фукидид-историк—сын Олора), подвергся остракисму в 443 г. Сохранилось 16 черепков, относящихся к этому остракисму (см. выше, к гл. 22, 4).

[6] Ὁρμαῖς—своими порывистыми движениями, может быть вместо этого правильнее читать: διανομαῖς—«своими раздачами». Это как раз подходило бы к введенному по его предложению повышению платы судьям до 3 оболов, о чем говорит например Аристофан («Осы», 609).

[7] Т. е. подвязав плащ (гиматий), как ремесленник, фартуком.

После них во главе одной партии стоял Ферамен, сын Гагнона, во главе же народа—Клеофонт, фабрикант лир, который первый ввел и раздачу двух оболов [1]. И в течение некоторого времени он производил такие раздачи, но затем его самого отстранил [2] Калликрат из Пеании; он первый обещал прибавить к этим двум оболам еще один обол. Их обоих присудили впоследствии к смертной казни[3]. Так и бывает обыкновенно, что, если народ даже сначала и поддается на обман, впоследствии он ненавидит тех, кто побудил его делать что-нибудь нехорошее. (4) После Клеофонта уже непрерывно сменяли один другого в качестве демагогов люди, которые более всего хотели показывать свою кичливость и угождать вкусам толпы, имея в виду только выгоды данного момента.

(5) Самыми лучшими из политических деятелей в Афинах после деятелей старого времени повидимому являются Никий, Фукидид и Ферамен. При этом относительно Никия и Фукидида почти все согласно признают, что это были не только «прекрасные и добрые»[4], но и опытные в государственных делах, отечески относившиеся ко всему государству; что же касается Ферамена, то вследствие смут, наступивших в его время в государственной жизни, в оценке его существует разногласие. Но все-таки люди, серьезно судящие о деле, находят, что он не только не ниспровергал, как его обвиняют, все виды государственного строя, а, наоборот, направлял всякий строй, пока в нем соблюдалась законность. Этим он показывал, что может трудиться на пользу государства при всяком устройстве, как и подобает доброму гражданину, но, если этот строй допускает противозаконие, он не потворствует ему, а готов навлечь на себя ненависть.

XI. ОЛИГАРХИЯ ЧЕТЫРЕХСОТ

(гл. 29—33)

29. Пока в военных действиях не было перевеса ни на той, ни на другой стороне, афиняне сохраняли свой демократический

---

[1] Раздача начиная с 410 г. так называемых «зрелищных денег», которые раздавались беднейшим для посещения театра.

[2] Текст в этом месте повидимому испорчен.

[3] Относительно Калликрата у нас нет сведений. Клеофонт же был осужден в 404 г. под тем предлогом, что не явился на военный пост. Это была месть олигархической партии за его протест против требования спартанцев о срытии так называемых «длинных» стен после победы спартанцев.

[4] Καλοὶ κἀγαθοί—идеал физической и нравственной красоты—термин, которым пользовалась аристократия, выражая свой политический идеал.

строй. Но, когда после несчастия, случившегося в Сицилии [1], на стороне лакедемонян получилось преимущество благодаря союзу с царем [2], афиняне вынуждены были отменить демократию и установить государственный строй под главенством Четырехсот [3]. Слово перед голосованием произнес при этом Мелобий [4], а письменное предложение внес Пифодор из Анафлиста [5]. Народ согласился главным образом в том расчете, что царь скорее станет в этой войне на сторону афинян, если они отдадут государственное управление в руки немногих. (2) Законопроект Пифодора был приблизительно следующий: «Народу предлагается в дополнение к имеющимся уже налицо десяти пробулам [6] выбрать еще новых двадцать из людей в возрасте свыше сорока лет отроду, всех этих лиц привести к присяге в том, что они действительно будут предлагать меры, какие почтут наилучшими для государства, и вменить им в обязанность составить законопроект о мерах спасения. (3) При этом и из остальных граждан всякому желающему предоставляется право вносить письменные предложения, для того чтобы эти лица из всего этого имели возможность выбирать наилучшее».

Клитофонт со своей стороны заявил, что вполне соглашается с предложением Пифодора, но внес еще дополнительно письменное предложение о том, чтобы избранные лица сверх того рассмотрели отеческие законы, которые издал Клисфен, когда устанавливал демократию, и чтобы, заслушав также и их, приняли наилучшее решение—потому, говорил он, что государственный строй Клисфена был не демократический, а близкий к солоновскому [7].

(4) Избранные прежде всего внесли предложение, чтобы пританам [8] вменено было в обязанность ставить на голосование все заявления, имеющие в виду благо государства; затем они

---

[1] Полный разгром афинской армии, которым закончился поход в Сицилию 415—412 гг.

[2] Персидским. В 412 г. спартанцы заключили договор с персами, признав за ними власть над малоазиатскими греками, и получили за это обещание помощи против Афин.

[3] Подробное изложение событий дает Фукидид (VIII, 54—97).

[4] Позднее участник «тирании тридцати» в 404 г.

[5] Повидимому тот самый, который был архонтом в 404/403 г.

[6] Повидимому та самая комиссия, которая была избрана после сицилийской катастрофы (*Фукидид*, VIII, 67) и имела целью ограничить демократию.

[7] Эта смутность представлений о прежнем государственном устройстве дает возможность каждой партии представлять его по-своему, а идеализация «строя отцов» становится лозунгом олигархических кружков.

[8] Дежурная часть совета—см. ниже, гл. 43, 2.

приостановили действие жалоб на противозакония [1], заявлений чрезвычайного характера [2], требований явиться к ответу [3], чтобы все желающие из афинян имели возможность подавать советы о поставленных вопросах. К этому присовокупили, что если кто-нибудь за такое предложение станет налагать взыскание, требовать к ответу или привлекать к суду, то его действия подлежат экстренному обжалованию [4], и сам он подвергается аресту и приводу к стратегам, а стратеги в свою очередь обязаны препроводить его к одиннадцати для предания его смертной казни.

(5) После этого комиссия наметила следующий план государственного устройства: деньги, поступающие в казну, воспрещается расходовать на что бы то ни было кроме войны; все должностные лица исправляют свои обязанности безвозмездно, пока будет длиться война, за исключением девяти архонтов и пританов, какие только будут на этом посту [5]; они будут получать каждый по три обола в день. Все вообще политическое управление поручается тем из афинян, кто оказывается наиболее способным служить государству как лично, так и материально, в количестве не менее пяти тысяч на все время, пока будет длиться война. Им предоставляется полномочие заключать также и договоры с кем найдут нужным. А в данный момент из каждой филы надлежит выбрать десять лиц, имеющих свыше 40 лет отроду, с тем чтобы они, принеся присягу над взрослыми [6] жертвенными животными, составили список пяти тысяч граждан.

30. Вот какой законопроект составила эта избранная комиссия.

---

[1] Γραφὴ παρανόμων—обвинение лица, внесшего неправильный законопроект. Это средство считалось оплотом существующего строя против попыток его изменения, так как всякий автор законопроекта подлежал личной ответственности за то, что ввел в заблуждение народ, если обнаруживалось какое-нибудь несогласие его с существующим законодательством (см. приложение XXI).

[2] Εἰσαγγελία—заявление пританам (совету) о каком-нибудь чрезвычайном преступлении государственного или общественного характера.

[3] Πρόσκλησις—требование явиться на суд или к должностному лицу для ответа.

[4] Ἔνδειξις—заявление должностному лицу о важном преступлении и требование немедленного ареста.

[5] Так как дежурство членов Совета в течение года распределяется между группами представителей отдельных фил и каждая такая группа несет дежурство в течение $^{1}/_{10}$ года, то и оплату пританы должны получать только за этот срок.

[6] При жертвоприношениях обращалось много внимания на качества животного и соблюдались в разных случаях разные требования. При принесении присяги полагалось в жертву приносить взрослых животных.

Когда он был утвержден, пять тысяч избрали из своей среды сто человек для составления проекта государственного устройства.

Выборные составили и внесли на рассмотрение следующий проект. (2) Членами Совета состоят в течение года лица в возрасте свыше тридцати лет отроду совершенно безвозмездно. В состав их входят стратеги, девять архонтов, гиеромнемон[1], таксиархи, гиппархи, филархи, коменданты крепостей [2], десять казначеев священной казны богини [3] и прочих богов, казначеи эллинской [4] казны и казны светского назначения в числе двадцати, которые должны распоряжаться денежными суммами, гиеропеи [5] и попечители [6] по десяти тех и других. Выборы всех их производятся из предварительно намеченных кандидатов, причем кандидаты намечаются из действующего в данное время состава Совета в большем чем требуется числе. А на все остальные должности избираются по жребию, но не из состава Совета. Только казначеи эллинской казны, заведующие денежными суммами, не принимают участия в заседаниях Совета [7]. (3) Советов на будущее время образуют четыре [8] из означенного возраста, и каждый из них заседает по очереди в том порядке, как укажет жребий. Также и остальных граждан [9] распределяют на каждую смену. Далее упомянутые сто лиц распределяют самих себя и всех остальных [10] на четыре

---

[1] Гиеромнемон—должность вроде нотариуса, к которому поступали записи о частных сделках, судебные решения и т. п. Таксиархи, числом 10,—помощники стратегов, командовавшие пешими отрядами отдельных фил (см. ниже, гл. 61, 3). Гиппархи, числом 2,—начальники конницы (см. ниже, гл. 61, 4). Филархи, числом 10,—начальники фил (см. ниже, гл. 61, 5).

[2] Эти крепости следующие: Элевсин, Анафлист, Суний, Форик, Панакт, Эноя, Фила, Афидна и Рампунт.

[3] Т. е. Афины—см. ниже, гл. 47,1.

[4] В Афинах различались казначеи священной казны богини Афины от эллинотамиев—казначеев союзной казны (ср. выше, гл. 23,5); последние существовали до конца Пелопоннесской войны, когда кончил свое существование и морской союз.

[5] Гиеропеи—священнослужители—см. ниже, гл. 54, 6.

[6] Разумеются попечители, наблюдающие за сохранностью и ремонтом храмовых зданий.

[7] Коллегия казначеев союзной казны (эллинотамии) разделялась повидимому на две группы, из которых одна несла активную финансовую работу, другая занималась теоретическими вопросами. Только последняя могла принимать участие в заседаниях Совета.

[8] Т. е. четыре смены.

[9] Т. е. пять тысяч.

[10] Т. е. пять тысяч.

части, по мере возможности равномерно, и устанавливают по жребию очередь. Все они в течение года несут обязанности членов Совета. (4) Они имеют суждение о том, как, по их мнению, лучше всего устроить финансы, чтобы они сберегались в сохранности и расходовались на необходимые нужды, а также и об остальных вопросах со всей возможной тщательностью. В тех же случаях, когда найдут нужным обсудить какой-нибудь вопрос в большем составе, каждый имеет право приглашать еще в качестве особо приглашенных кого пожелает из лиц того же возраста [1]. Заседания Совета устраивают каждую пятидневку, если не потребуется чаще [2]. (5) Выбирают по жребию ту или иную группу Совета [3] девять архонтов, а подсчет голосов производят пять лиц, избранных по жребию из состава Совета, и из этих пяти выбирается по жребию на каждый день один [4], который должен ставить вопросы на голосование. Эти же пять лиц, избранных по жребию, распределяют по жребию очередь между желающими получить аудиенцию в Совете [5], во-первых, по делам религии, во-вторых, для герольдов, в-третьих, для посольств, в-четвертых, по всем остальным делам. Что же касается военных дел, то в случае надобности стратеги имеют право внести их вне очереди и поставить на обсуждение Совета. (6) Кто из членов Совета не явится в заранее объявленное время в Совет, облагается штрафом в одну драхму за каждый пропущенный день, если только на такое отсутствие не имеет разрешения Совета.

31. Вот какой план государственного устройства составили они на будущее время, а на текущий момент следующий: Совет состоит из четырехсот членов, согласно заветам отцов, по сорока из каждой филы. Их избирают члены фил из предварительно намеченных кандидатов [6]—из лиц, имеющих свыше тридцати лет отроду. Эти члены Совета назначают властей и устанавливают порядок, в котором те должны принести присягу. В вопро-

---

[1] Т. е. свыше 30 лет—ср. выше, § 2.

[2] При прежнем демократическом порядке ежедневно кроме праздничных или нерабочих дней (см. ниже, гл. 43, 3).

[3] Текст этого места не вполне ясен. Возможно и другое понимание: «Совет выбирает по жребию девятерых архонтов».

[4] Он является таким образом председателем собрания (ср. ниже, гл. 44, 2).

[5] О порядке рассмотрения дел при демократическом строе—см. гл. 43, 6.

[6] Фукидид (VIII, 67, 3) описывает дело иначе: в народном собрании избрано 5 лиц, которые затем избирают 100 членов, а эти последние кооптируют каждый троих.

сах, касающихся законов, принятия отчетов и всего прочего, они действуют так, как находят полезным. (2) Что касается законов о государственных порядках, то члены Совета применяют все, какие изданы, и не имеют права изменять их или издавать иные. Что же касается стратегов, то в данный момент следует производить выборы их из всех пяти тысяч, а Совет, когда станет у власти, должен сделать смотр граждан, носящих полное вооружение, и выбрать десятерых лиц и секретаря к ним. Эти избранные лица [1] исправляют обязанности в течение наступающего года с неограниченными полномочиями, а в случае надобности обсуждают дела совместно с Советом. (3) Кроме того выбирают одного гиппарха и десятерых филархов [2]. А впредь избрание должен производить Совет согласно с вышеизложенным [3]. Из всех вообще должностей, кроме членов Совета и стратегов, не разрешается никому—ни этим лицам, ни кому бы то ни было другому—занимать одну и ту же должность более одного раза. А на будущее время, чтобы весь состав Четырехсот был поделен на четыре очереди, комиссия ста должна заняться их распределением, когда явится возможность заседать им в Совете вместе с остальными [4].

32. Вот какой план государственного устройства составила эта комиссия из ста лиц, избранных пятью тысячами. Затем Аристомах [5] поставил этот законопроект на голосование, и он был утвержден народом. Совет, что был при архонте Каллии [6], прежде чем истек срок его полномочий, был распущен в месяце фаргелионе [7] 14-го числа; четыреста же вступили в исполнение своих обязанностей 22 фаргелиона. А избранному боба-

---

[1] Некоторые исследователи в этих «десятерых избранных лицах» видят стратегов. Но правильнее будет отличать их от стратегов и видеть в них только что упомянутую коллегию десятерых лиц.

[2] См. выше, прим. к гл. 30, 2 и ниже, гл. 61, 4—5.

[3] См. выше, гл. 30, 2.

[4] Смысл этого неясного места повидимому тот, что, как выше (гл. 30, 3) было указано, в дальнейшем образуются 4 смены Совета и все 5 тысяч граждан должны поочередно заседать в этих сменах, а настоящий Совет четырехсот тоже делится на 4 смены, из которых каждая войдет как основное ядро в будущий состав Совета. Таким образом под словом «остальные» разумеются 5 тысяч граждан. Впрочем возможно, что эта неясность текста объясняется его порчей.

[5] Личность нам неизвестная.

[6] Т. е. 412/411 г.

[7] Месяц фаргелион соответствует маю—июню; 14 фаргелиона приходится на конец мая, 29 фаргелиона—приблизительно 8 июня. Это уже конец аттического года и следовательно 411 год.

ми [1] Совету полагалось вступать в исполнение обязанностей 14 скирофориона [2].

(2) Так установилась олигархия при архонте Каллии [3], сто приблизительно лет спустя после изгнания тиранов [4]. Руководящая роль в этом деле принадлежала главным образом Писандру, Антифонту и Ферамену [5], людям, которые не только были благородного происхождения, но еще и пользовались репутацией выдающихся по уму и образу мыслей. (3) Когда был введен этот государственный строй, пять тысяч были избраны только для виду, на самом же деле правили государством, войдя в здание Совета, Четыреста вместе с десятью лицами, облеченными неограниченными полномочиями. Они между прочим отправили посольство к лакедемонянам и предлагали прекратить войну на условии сохранения обеими сторонами того, чем они в то время владели. Но так как те не соглашались иначе как при условии, чтобы афиняне отказались от владычества на море, то они так и оставили свое намерение.

33. Государственный строй Четырехсот продержался может быть месяца четыре. В течение двух месяцев архонтом был из их среды Мнесилох—в год архонтства Феопомпа [6], который исполнял эти обязанности в течение остальных десяти месяцев. Тут афиняне потерпели поражение в морской битве близ Эретрии [7], а затем отпала вся Эвбея кроме Орея [8]. Афиняне были удручены этим несчастьем более, чем всеми прежними: надо иметь в виду, что в это время с Эвбеи они получали больше доходов, чем из Аттики. Поэтому они низвергли правительство Четырехсот и передали правление пяти тысячам из лиц, имеющих тяжелое вооружение; при этом они постановили, чтобы никакая должность не оплачивалась жалованьем. (2) Главная роль

---

[1] Бобы вместо баллотировочных шаров—обычный способ избрания, и таким образом Совет, избранный этим обычным способом, противополагается новому.

[2] Скирофорион—июнь—июль и 14 скирофориона—конец июня.

[3] Т. е. в 411 г.

[4] В 510 г.—см. выше, гл. 19, 6.

[5] Позднее Писандр бежал к спартанцам, Антифонт был казнен, Ферамен играл роль и в дальнейших событиях—см. ниже, гл. 33—37; ср. выше, гл. 28, 5.

[6] Т. е. 411/410 г. Переворот начался приблизительно в конце апреля, причем старый Совет некоторое время исполнял свои обязанности; низвергнут Совет четырехсот в августе.

[7] Город в средней части острова Эвбеи со стороны пролива.

[8] Город в северной части Эвбеи.

в низвержении принадлежала Аристократу[1] и Ферамену, которые были недовольны тем, как шло дело под руководством Четырехсот—именно тем, что это правительство все дела решало самостоятельно, ничего не передавая на рассмотрение пяти тысяч. В эту пору повидимому у афинян было действительно хорошее управление: шла непрерывно война, и руководство государством принадлежало тем, кто обладал тяжелым вооружением.

XII. КОНЕЦ ВОЙНЫ

(гл. 34)

34. Вскоре[2] у этого правительства народ отнял власть. Затем на шестой год после низвержения Четырехсот, при архонте Каллии из Ангелы[3], произошло морское сражение при Аргинуссах. Тут прежде всего были подвергнуты суду десять стратегов, победивших в сражении, все зараз одним общим голосованием—в том числе даже и такие, которые или вовсе не участвовали в сражении, или же спаслись на чужом корабле. Это произошло вследствие того, что народ был обманут людьми, которые нарочно вызвали его гнев. Когда затем лакедемоняне хотели уйти из Декелеи[4] и предлагали заключить мир на условии сохранения обеими сторонами своих тогдашних владений, некоторые энергично поддерживали это предложение, но народ не послушался, обманутый Клеофонтом, который явился в народное собрание пьяный и одетый в панцырь и помешал заключению мира, говоря, что не допустит этого иначе как при условии, чтобы лакедемоняне вернули все города[5].

(2) Афиняне тогда не сумели воспользоваться надлежащим образом обстоятельствами, но по прошествии недолгого времени они поняли свою ошибку. Именно, в следующем году, при архонте Алексии[6], они потерпели неудачу в морском сражении при Эгоспотамосе, в результате чего Лисандр взял в свои руки

---

[1] Впоследствии один из полководцев-победителей при Аргинусских островах в 406 г.

[2] Вероятно после победы при Кизике в 410 г.

[3] В 406/405 г. Этого Каллия не надо смешивать с одноименным архонтом 412/411 г. (ср. выше, гл. 32, 1).

[4] Крепость в северо-восточной части Аттики, которую заняли спартанцы в 413 г. и удерживали до конца войны.

[5] Разумеется города афинских союзников, перешедших на сторону Спарты.

[6] 405/404 г.

всю власть над государством и установил правление Тридцати при следующих обстоятельствах. (3) Мир был заключен у афинян на том условии, чтобы они управлялись по заветам отцов. И вот демократы старались сохранить демократию, а из знатных одна часть—люди, принадлежавшие к гетериям[1], и некоторые из изгнанников, вернувшиеся на родину после заключения мира [2],—желала олигархии. Другая часть—люди, не состоявшие ни в какой гетерии, но вообще по своей репутации не уступавшие никому из граждан,—думала о восстановлении отеческого строя. К числу их принадлежали Архин[3], Анит [4], Клитофонт[5], Формисий и многие другие, а главную роль между ними играл преимущественно Ферамен [6]. Когда же Лисандр принял сторону приверженцев олигархии, народ в страхе был вынужден голосовать за олигархию. В письменном виде внес проект постановления Драконтид из Афидны [7].

XIII. ПРАВЛЕНИЕ ТРИДЦАТИ

(гл. 35—37)

35. Вот каким образом Тридцать[8] стали у власти, при архонте Пифодоре [9]. Взяв в свои руки управление государством, они не стали считаться ни с какими постановлениями, касающимися государственного устройства. Они назначили пятьсот членов Совета и прочих должностных лиц из предварительно намеченной тысячи кандидатов и, избрав сверх того в помощники себе десятерых правителей Пирея[10], одиннадцать стражей

---

[1] Гетерия (ἑταιρεία)—политический клуб. См. прим. к гл. 20,1.

[2] Обращает на себя внимание тот факт, что Алкивиад, ушедший вторично в изгнание в 407 г., не возвратился в это время.

[3] Об Архине—см. еще ниже, гл. 40.

[4] Об Аните—см. выше, гл. 27, 5.

[5] О Клитофонте—см. выше, гл. 29, 3.

[6] Впоследствии член правительства Тридцати. См. ниже, гл. 36 и 37; ср. выше, гл. 28, 5; 32, 2; 33, 2.

[7] В дальнейшем повидимому член правительства Тридцати (*Xenophon*, Hell., II, 3, 2).

[8] Числовое обозначение—обычная форма названия коллегиальных должностей. Название «тиранов» утвердилось за этим правительством только много позднее (впервые встречается в литературе у *Диодора*, XIX, 32). Имена их приводит Ксенофонт (Hell., II, 3, 2).

[9] 404/403 г. Обычно этот год не называется по имени архонта, а обозначается как «год анархии» (*Xenophon*, Hell., II, 3, 1).

[10] Они были назначены Лисандром и позднее, по восстановлении демократии, вместе с другими членами правительства Тридцати изъяты из общей амнистии. См. ниже, гл. 39, 6.

тюрьмы [1] и триста биченосцев в качестве служителей [2], распоряжались государством по своему усмотрению.

(2) Первое время они проявляли умеренность по отношению к гражданам и делали вид, что стремятся к восстановлению отеческого строя. Они велели убрать из Ареопага законы Эфиальта и Архестрата [3] относительно ареопагитов и из законов Солона те, которые возбуждали спорные толкования, а также отменили предоставленное судьям право окончательного разрешения спорных вопросов[4]. Этим самым они как будто восстановляли государственный строй и делали его свободным от всяких споров. Например закон о праве каждого отдать свое имущество кому он пожелает они утвердили безусловно, а осложняющие дело оговорки к нему—«буде он не лишился рассудка, не выжил из ума от старости или не подпал под влияние женщины»[5]—отменили, чтобы не было повода для придирок со стороны сикофантов[6]. Одинаково делали это и в остальных случаях.

(3) Так вот с самого начала они держались такого образа действий, устраняли сикофантов и людей, подлаживавшихся в речах своих к народу вопреки его настоящим интересам, аферистов и негодяев, и государство радовалось этому, думая, что они делают это во имя высших интересов. Но, когда они укрепили власть свою в государстве, они не стали щадить никого из граждан, но убивали всех, кто только выдавался по состоянию или по происхождению или пользовался уважением. Так делали они, стараясь незаметно устранять опасные элементы и желая грабить их имущество. Так за короткое время они погубили не менее полуторы тысячи человек.

36. Когда таким образом в государстве дела стали итти все

---

[1] Об этой коллегии—см. ниже, гл. 52, 1. Они также были изъяты из амнистии. См. ниже, гл. 39, 6.

[2] Ксенофонт не упоминает об этих биченосцах, но говорит только о молодых людях, исполнявших распоряжения Тридцати, числа же их не обозначает (Hell., II, 3, 23).

[3] Повидимому он был сотрудником Эфиальта.—См. выше, гл. 25.

[4] Выше (гл. 9) Аристотель указывал, что демократичность законодательства Солона состояла именно в том, что он дал широкие полномочия суду (гелиее), предоставляя ему истолкование законов, а кроме того суду подлежало рассмотрение таких важных в политическом отношении вопросов, как отчетность должностных лиц, проверка прав кандидатов на должности (δοκιμασία) и т. д.

[5] Древнейшее право признавало только родовую собственность. Впервые Солон допустил право свободного распоряжения имуществом и передачу его по завещанию посторонним лицам. См. выше, гл. 9, 2.

[6] Сикофанты—мошенники, занимавшиеся вымогательством и шантажировавшие людей путем доносов и кляузничества. Ср. ниже, гл. 43,5.

хуже и хуже, Ферамен, возмущенный происходившим, стал уговаривать[1] своих сотоварищей прекратить такой необузданный образ действий и дать участие в делах правления лучшим людям. Они сначала воспротивились этому, но потом, когда распространились в народе слухи о речах Ферамена и к нему стало сочувственно относиться большинство населения, они испугались, чтобы он не сделался простатом народа и не низверг их господства. Поэтому они составляют список, включая в него три тысячи граждан, под видом того, что хотят дать им участие в государственном управлении.

(2). Но Ферамен опять-таки возражал и против этого — во-первых, с той точки зрения, что они, желая дать место благородным людям, дают его только трем тысячам, как будто именно в этом числе сосредоточено все благородство, затем он указывал на то, что они совершают две прямо противоположные вещи — основывают власть на насилии и в то же время делают ее слабее подчиненных. Тридцать не придали значения его словам, а обнародование списка трех тысяч долгое время откладывали и хранили у себя имена намеченных, а если иногда и приходили к решению опубликовать его, то некоторых из занесенных в него начинали вычеркивать и вписывать вместо них кого-нибудь нового.

37. Наступила уже зима, когда Фрасибул с изгнанниками занял Филу[2]. Тридцать вывели было против них свою армию, но вернулись, потерпев неудачу. После этого они решили всех вообще граждан обезоружить, а Ферамена погубить[3] следующим образом. Они внесли в Совет два законопроекта и предложили их голосовать. Из этих законопроектов один давал полномочия Тридцати казнить любого из граждан, не принадлежащих к списку трех тысяч, а другой лишал политических прав при

---

[1] Подробно об этом рассказывает Ксенофонт (Hell., II, 3, 15—17).

[2] Фила — местечко у прохода в горах Парнефа на пути из Аттики в Беотию. Здесь под начальством Фрасибула сосредоточилась небольшая группа эмигрантов и недовольных, не насчитывавшая первоначально и ста человек; но по мере продвижения она постепенно возрастала, пополняясь беглецами из Афин, так что наконец составилась внушительная армия, способная противостоять армии правителей. Судя по рассказу Аристотеля, занятие Филы произошло вскоре после утверждения власти Тридцати, т. е. приблизительно в мае 404 г. (взятие Афин произошло 16 мунихиона — конец апреля). Правление Тридцати продолжалось около 8 месяцев, следовательно приблизительно до конца декабря. Остатки укреплений, сделанных Фрасибулом в Филе, сохранились там до сих пор.

[3] По рассказу Ксенофонта (Hell., II, 3, 23—56), оппозиция и смерть Ферамена предшествовали разоружению граждан и занятию Филы Фрасибулом.

настоящем государственном строе тех лиц, которые или участвовали в срытии стены в Этионее[1] или оказали в чем-нибудь сопротивление Четыремстам[2], установившим первую олигархию. В том и другом как раз принимал участие Ферамен. Таким образом в случае утверждения этих законопроектов он оказывался исключенным из гражданского состава и Тридцать получали право казнить его. (2) После казни Ферамена они отобрали оружие у всех кроме трех тысяч и вообще во всех отношениях стали проявлять еще в большей степени жестокость и злодейские наклонности. Отправив послов в Лакедемон, они обвиняли Ферамена[3] и просили себе помощи. Выслушав этих послов, лакедемоняне послали гармостом[4] Каллибия с отрядом приблизительно в семьсот воинов. Они пришли и стали гарнизоном на Акрополе.

XIV. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ

(гл. 38—40)

38. После этого, когда граждане, наступавшие из-под Филы, заняли Мунихию[5] и победили в сражении сторонников Тридцати[6], пришедших им на подмогу, городское население, возвратившись по миновании опасности, собралось на следующий день на площадь и низложило власть Тридцати; тут оно избрало десятерых [7] из граждан и дало им неограниченные полномочия для прекращения войны. Однако, взяв в свои руки власть, они не принимали никаких мер к осуществлению того, для чего были избраны; наоборот, они посылали в Лакедемон с просьбой

---

[1] Эта стена—вроде мола—служила прикрытием с северной стороны входа в Пирей. Она была возведена во время правления Четырехсот. После низвержения этого правительства демократы разрушили ее из боязни, что это место может послужить опорным пунктом для действий олигархов с помощью спартанского флота.

[2] См. выше, гл. 29 и сл.

[3] Автор повидимому хочет сказать, что Тридцать сваливали вину за свои неудачи на Ферамена. Правда, несколько странно это обвинение Ферамена после его смерти. Может быть правильно мнение, что вся эта часть от слов «Отправив послов» до конца главы должна быть отнесена к концу гл. 36.

[4] Гармост—командир спартанского гарнизона и наместник в подчиненном им городе.

[5] Гавань Афин восточнее Пирея. О событиях подробнее рассказывают Ксенофонт (Hell., II; 4, 11—19) и Андокид (1,80).

[6] По рассказу Ксенофонта (Hell., II, 4, 10 sqq), сражение произошло в самом Пирее; тут были убиты самый жестокий из Тридцати—Критий—и с ним еще много олигархов.

[7] Об их действиях рассказывает подробнее Лисий (XII, 53—60).

оказать им помощь и ссудить деньгами. (2) Но так как это возбудило негодование тех, кто имел гражданские права, то они, боясь лишиться власти и желая навести на всех страх (что и случилось), схватили Демарета, человека далеко не заурядного среди граждан, и казнили. После этого они крепко держали в своих руках управление благодаря содействию Каллибия и бывших там пелопоннесцев, а кроме того и некоторых лиц, принадлежавших к сословию всадников. Дело в том, что некоторые из всадников более других граждан старались помешать возвращению эмигрантов из Филы.

(3) Когда же на сторону граждан, занявших Пирей и Мунихию, перешел весь народ и эта партия стала одолевать в войне, тогда в городе низложили коллегию десятерых этого первого избрания и избрали новых десятерых—таких, которые пользовались репутацией наилучших людей [1]. При них-то и при их энергичном содействии состоялось примирение между сторонами и возвратилась демократическая партия. Руководящую роль среди них играли преимущественно Ринон из Пеании [2] и Фаилл из Ахердунта [3]. Они еще до прихода Павсания [4] стали вести переговоры с находившимися в Пирее, а после его прихода общими стараниями добились возвращения изгнанников. (4) Окончательно водворил мир и уладил заключение договора лакедемонский царь Павсаний совместно с десятью [5] посредниками, прибывшими позднее из Лакедемона по его настоянию. Комиссия Ринона заслужила одобрение за сочувственное отношение к народу. Хотя члены ее взяли дела в свои руки при олигархии, им удалось благополучно сдать отчет при демократии, и никто не выставил против них никакого обвинения, ни из тех, которые оставались в городе, ни из тех, которые вернулись из Пирея. Наоборот, за свои заслуги в этом деле Ринон был даже выбран сейчас же в стратеги.

39. Примирение состоялось, при архонте Эвклиде [6], на следующих условиях: из афинян, остававшихся в городе, всем, желающим выселиться предоставляется право жить в Элев-

---

[1] Об этих десятерых не упоминают ни Ксенофонт, ни Лисий.

[2] Оратор Исократ (XVIII, 17, 49: ср. XVIII, 6, 5) причисляет его к первой коллегии десяти.

[3] Фаилл—личность нам неизвестная.

[4] Спартанский царь Павсаний из соперничества с Лисандром явился с войском в Афины, вступил в переговоры с обеими партиями и добился заключения общего мира.

[5] Ксенофонт (Hell., II, 4, 38) называет их 15—может быть здесь в тексте простая описка и следует принять соответствующую поправку.

[6] В 403/402 г. События относятся к концу лета 403 г.

сине[1] с сохранением всех гражданских прав, полной свободы, личной независимости и правом пользоваться доходами от своего имущества. (2) Что касается храма[2], то доступ к нему должен быть предоставлен одинаково тем и другим, а попечение о нем должно лежать на обязанности Кериков и Эвмолпидов[3] по отеческим заветам. Далее, ни жителям Элевсина не дозволяется приходить в город, ни жителям города в Элевсин; разрешается это тем и другим только во время мистерий. Вносить подати с доходов в союзную казну[4] элевсинцы должны наравне с остальными афинянами. А буде кто-нибудь из лиц, собирающихся переселиться, пожелает занять дом в Элевсине, он должен получить на это согласие от владельца; в случае же невозможности достигнуть соглашения каждая сторона должна выбрать троих оценщиков, и какую цену назначат эти последние, такую и следует брать. Из элевсинцев предоставляется жить с ними тем, кого они сами пожелают к себе пустить. (4) Запись желающих выселиться должна быть произведена для тех, кто находится в наличности, в течение десяти дней, после того как принесут присягу[5], а выезд должен последовать в течение двадцати дней; для тех же, которые находятся в отъезде, остаются те же условия, считая с момента их возвращения. (5) Человек, проживающий в Элевсине, не имеет права занимать никакой должности в Афинах, пока не запишется снова на жительство в городе. Дела об убийстве должны вестись по отеческим заветам—в случае, если кто-нибудь собственноручно убил или ранил человека[6]. За прошлое никто не имеет права искать возмездия ни с кого, кроме членов коллегий тридцати, десяти, одиннадцати и правителей Пирея, да и с них нельзя искать, если они представят отчет. А представить отчет правившие в Пирее должны перед судом в Пирее, правившие в Афинах—перед собранием из лиц, могущих показать имущественный ценз. После этого желающим предоставляется право

---

[1] Элевсин—одно из крупнейших местечек Аттики, на северо-запад от Афин, знаменитое своими мистериями Деметры и Коры. Расположенный в наиболее плодородной части «равнины», Элевсин с древнейших времен был главным средоточием землевладельческой аристократии.

[2] Храм Деметры и Коры (Персефоны).

[3] Керики и Эвмолпиды—два древних знатных рода, представители которых несли главные жреческие обязанности в культе великих элевсинских мистерий. См. ниже, гл. 57, 1.

[4] После победы спартанцев Афины были вынуждены вступить в союз под главенством Спарты и соответственно этому вносить членские взносы в союзную казну.

[5] Присяга на соблюдение условий мирного договора.

[6] Это замечание показывает, что в правлении Тридцати сделаны были какие-то изменения в порядке судопроизводства.

выезда. Что касается денег, которые занимали на войну, то каждая сторона должна выплатить их самостоятельно.

40. Когда состоялось такое соглашение, люди, воевавшие на стороне Тридцати, находились в страхе. Многие думали выселяться, но откладывали запись на последние дни, как это обыкновенно все делают; тогда Архин[1], увидав их многочисленность и желая удержать их, закрыл запись в остававшиеся дни, так что многие поневоле вынуждены были оставаться, пока понемногу не успокоились.

(2) И повидимому Архин правильно поступил как в этом отношении, так и в том, что после этого он подал жалобу на противозаконие в проекте Фрасибула, в котором тот предлагал дать гражданские права всем участникам возвращения из Пирея (в числе их некоторые были заведомо рабы); в-третьих, еще в том, что, когда кто-то из возвратившихся начал искать возмездия за прошлое, он велел арестовать его и, приведя в Совет, убедил казнить без суда[2]. Он объяснял, что теперь членам Совета предстоит показать, хотят ли они спасать демократию и соблюдать присягу: если отпустят этого человека, то это будет поощрением и для остальных, если же казнят, это будет примером для всех. Так и случилось. После его казни уже никто никогда потом не искал возмездия за прошлое. Наоборот, афиняне, кажется, превосходно и в высшей степени дальновидно с политической точки зрения воспользовались и в частных и в общественных отношениях пережитыми несчастьями. (3) Они не только пресекли обвинения по делам о прошлом, но и возвратили из общих средств лакедемонянам те деньги, которые Тридцать[3] заняли для войны, хотя договор[4] предоставлял отдавать порознь обеим партиям — партии города и партии Пирея. Они видели в этом первое, что должно служить началом для взаимного согласия. Между тем в остальных государствах демократия в случае своей победы не только не добавляет своих денег на общие расходы, но еще и

---

[1] Архин — представитель умеренной демократии. По его предложению в 403 г. в Афинах введен ионийский алфавит.

[2] Афинский закон предоставлял право каждому гражданину, заставшему преступника на месте преступления или уличившему в очевидном преступлении, схватить его и привести (ἀπάγειν, ἀπαγωγή) в Совет к пританам. По важнейшим политическим и уголовным делам в этом случае назначалось разбирательство в экстренном порядке. См. ниже, гл. 45, 1.

[3] Аристотель раньше нигде не упоминал об этом займе Тридцати, зато говорил о займе, заключенном коллегией десяти (гл. 38, 1). Скорее всего здесь надо видеть простое смешение этих двух моментов.

[4] См. выше, гл. 39, 6.

производит раздел земли [1]. Примирились они и с теми, которые поселились в Элевсине на третий год после выселения, при архонте Ксененете [2].

XV. ОБЗОР ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

(гл. 41)

41. Это произошло позднее, а в тот момент народ, сделавшись владыкой государства, установил существующий поныне [3] государственный строй, при архонте Пифодоре [4]. Кажется, народ имел полное право взять в свои руки государственную власть, так как он собственными силами добился своего возвращения.

(2) Это было по счету одиннадцатое преобразование. Первым с самого начала было преобразование, когда переселился Ион [5] со своими сподвижниками. Тогда впервые жители были распределены по четырем филам и учредили должность царей фил[6]. Вторым преобразованием, первым после этого, имевшим вид правильного государственного устройства, было преобразование, сделанное при Фесее [7]. Оно немного отклонялось от самодержавного [8] строя. После него было преобразование при Драконте—то самое, при котором впервые опубликовали законы [9]. Третьим было преобразование при Солоне после смуты,

---

[1] Аристотель вероятно имеет в виду события на о-ве Самосе в 412 г. См. *Фукидид*, VIII, 21.

[2] В 401/400 г. Ксенофонт говорит о том, что перед этим примирением едва не произошло серьезного столкновения (Hell., II, 4, 43).

[3] Трактат Аристотеля написан около 325 г. (см. Введение).

[4] В 404/403 г. Возвращение демократов произошло приблизительно в январе 403 г., окончательный же договор был заключен при архонте Эвклиде (403/402 г.).

[5] Этот мифический период афинской истории, так называемый «синойкизм» Иона (объединение в едином государстве разрозненных первоначально общин), был изложен Аристотелем в начальной, не дошедшей до нас, части трактата (см. фрагмент 1).

[6] Φυλοβασιλεῖς—«цари фил»—должность, остававшаяся и в позднейшие времена (см. выше, гл. 8, 3 и ниже, гл. 57, 4), но уже почти исключительно с религиозным значением, в противоположность филархам (старшинам фил). См. ниже, гл. 61, 5.

[7] Эпизод из мифического прошлого, рассказанный Аристотелем в не дошедшей начальной части трактата. См. фрагменты 3—6.

[8] По-гречески βασιλικῆς.

[9] См. выше, гл. 4. Характерно, что здесь это «преобразование» не берется в счет по порядку. Это дает основание предполагать, что как рассказ об этом преобразовании в гл. 4, так и вся фраза здесь, относящаяся к Драконту, являются позднейшим добавлением к тексту Аристотеля. См. прим. к гл. 4.

то самое, с которого началась демократия. Четвертым—тирания при Писистрате. Пятым было после низвержения тиранов преобразование при Клисфене, более демократичное, чем солоново. Шестым было преобразование после мидийских войн, когда главенство принадлежало совету Ареопага. Седьмым было следующее за ним преобразование, которое наметил Аристид, а осуществил Эфиальт, когда низверг совет Ареопага. При этом устройстве государству пришлось совершать весьма часто ошибки под влиянием демагогов ради поддержания владычества на море. Восьмым преобразованием было установление власти Четырехсот и после этого девятым—восстановление демократии. Десятым—тирания Тридцати и Десяти. Одиннадцатым—преобразование после возвращения из-под Филы и из Пирея. Со времени возвращения этот порядок сохраняется и до сих пор, причем постоянно дает развиваться власти народных масс. Действительно, народ сам сделал себя владыкой всего, и все управляется его постановлениями и судами, в которых он является властелином. Надо иметь в виду, что судопроизводство Совета перешло к народу. И в этом отношении афиняне, кажется, поступают правильно, потому что немногие скорее поддаются соблазну корысти и личных симпатий, чем большое количество[1].

(3) Плату за посещение народных собраний первоначально [2] решили не вводить, но, когда на собрания не стал собираться народ и пританы[3] должны были придумывать разные ухищрения, чтобы являлось число, достаточное для действительности голосования, сперва Агиррий[4] изыскал средства для платы по одному оболу, а после него Гераклид Клазоменский, по прозвищу Царь[5], —по два обола; потом снова Агиррий—по три обола.

---

[1] Эта мысль встречается и в «Политике» (III, 15 p. 1286 a 30); ср. также у псевдо-Ксенофонта (приложение XXII), III, 7.

[2] Т. е. после восстановления демократии.

[3] Дежурная часть Совета, которая должна созывать народное собрание и руководить им.—См. ниже, гл. 43, 2 и сл.

[4] Агиррий—государственный деятель, игравший видную роль как финансист в начале IV в.

[5] Иностранец по происхождению (из малоазиатского города Клазомен), он получил права гражданства в Афинах и занимал даже ответственные должности (повидимому был стратегом).

Часть вторая

СОВРЕМЕННЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ АФИНЯН

(Гл. 42—69)

I. ГРАЖДАНСКИЕ СПИСКИ И ВОСПИТАНИЕ ЭФЕБОВ

(гл. 42)

42. Теперешнее[1] государственное устройство имеет следующий характер.

Гражданскими правами пользуются люди, которых родители оба—граждане[2]. Они вносятся в списки демотов[3] по достижении восемнадцатилетнего возраста. Всякий раз когда производится их запись, демоты решают голосованием под присягой относительно их: во-первых, находят ли, что они достигли положенного законом возраста (в случае отрицательного решения молодые люди опять поступают в разряд несовершеннолетних); во-вторых, свободный ли каждый из них в отдельности и законно ли рожденный. Затем, если его отвергнут, признав несвободным, он имеет право апеллировать в суд. Демоты выбирают в качестве обвинителей пятерых из своей среды, и, если будет признано, что он не имеет права быть записанным, государство продает его в рабство; если же он выиграет дело, демоты обязаны его вписать. (2) После этого вписанных подвергает докимасии[4] Совет и, если окажется, что данное лицо моложе 18 лет, налагает взыскание на демотов, внесших его в список.

После того как эфебы[5] подвергнутся докимасии, отцы их собираются по филам и, принеся присягу, выбирают троих из членов фил в возрасте свыше 40 лет отроду—таких, которые,

---

[1] С точки зрения Аристотеля, т. е. около 325 г., когда писался трактат.

[2] Закон, внесенный Периклом. См. выше, гл. 26, 4.

[3] Демоты—члены дема. Из этого места видно, что гражданские права получаются в силу принадлежности человека к дему: раз члены дема признают данное лицо своим сочленом, этим признаются его гражданские права.

[4] Докимасия—проверка.

[5] Эфебы—молодые люди в возрасте 18—20 лет. Признанные официально гражданами государства, они еще не могли фактически осуществлять своих прав, а только подготовлялись к этому и особенно к несению военной службы.

по их мнению, будут наилучшими и наиболее пригодными, чтобы иметь попечение об эфебах, а из них народ выбирает поднятием рук по одному от каждой филы в качестве софрониста [1] и из всех вообще афинян—космета [2] над всеми. (3) Эти лица, собрав эфебов, прежде всего обходят храмы богов, затем отправляются в Пирей и несут гарнизонную службу—одни в Мунихии [3], другие в Акте.

Далее, народ выбирает для них поднятием рук и двух педогрибов [4] и учителей, которые должны обучать их фехтованию, стрельбе из лука, метанию дротика и спусканию катапульта [5].

На содержание народ выдает софронистам по 1 драхме [6] каждому, а эфебам—по 4 обола каждому. Каждый софронист получает деньги эфебов своей филы, закупает припасы для всех в общее хозяйство (они обедают вместе по филам) и заботится обо всем остальном.

(4) Таким образом они проводят первый год. На следующий же год, после народного собрания в театре, эфебы показывают народу строевые приемы и получают от государства щит и копье. После этого они охраняют границы страны, дежуря все время на сторожевых постах. Гарнизонную службу они исполняют в течение двух лет, нося хламиды [7], и на это время освобождаются от всех повинностей [8]. Перед судом они не выступают ни в качестве ответчиков, ни в качестве истцов, чтобы не было повода отлучаться—разве только возникнет дело о наследстве или наследнице, или если кому-нибудь придется в его роде выполнять жреческие обязанности. По истечении этих двух лет они становятся уже на один уровень с остальными гражданами.

---

[1] Нечто в роде общего руководителя или директора.

[2] Нечто в роде попечителя.

[3] Мунихия—гавань к востоку от Пирея; Акта—южный мыс Пирея, самая возвышенная часть его. Сохранившиеся надписи показывают, что в некоторых случаях служба эфебов не ограничивалась этими местами.

[4] Педотрибы—специалисты в деле физического воспитания, преподававшие гимнастику в особых школах, так называемых палестрах, нередко и сами заведовавшие такими школами.

[5] Καταπάλτης (у римлян — catapulta)—машина, с помощью которой метали стрелы и дротики.

[6] Оплата исчисляется по дням.

[7] Как бы форма эфебов, верхняя накидка, состоящая из продолговатого четырехугольного куска материи.

[8] За исключением триэрархии для богатых, от которой освобождаются только сироты, но и то лишь в первый год.

II. ПОРЯДОК ИЗБРАНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ. СОВЕТ ПЯТИСОТ И НАРОДНОЕ СОБРАНИЕ

(гл. 43—46)

43. Вот как обстоит дело с внесением граждан в списки и с положением эфебов.

На все вообще должности, входящие в круг обычного управления, афиняне выбирают кандидатов по жребию, за исключением казначея воинских сумм [1], заведующего зрелищным фондом и попечителя водопроводов. На эти должности избирают поднятием рук, и избранные таким порядком исполняют обязанности от Панафиней до Панафиней [2]. Кроме того поднятием рук избирают и на все военные должности [3].

(2). Совет состоит из пятисот членов, избираемых по жребию, по 50 от каждой филы. Обязанности пританов исполняет каждая из фил [4] по очереди, как выпадет жребий, первые четыре—по 36 дней каждая, а следующие шесть—по 35 дней каждая (как известно, афиняне считают год по луне) [5]. (3) Те из состава Совета, которые несут обязанности пританов, имеют общий стол в фоле [6], получая на это деньги от государства [7]. Затем они собирают и Совет и народ—Совет ежедневно кроме неприсутственных дней [8], а народ—четыре раза в каждую пританию. При этом

---

[1] Эта должность была учреждена повидимому в 338 г., выделенная из круга ведения эллинотамиев (казначеев общегреческой казны), когда зрелищный фонд пришлось обратить на военные нужды.

[2] Праздник великих Панафиней (в честь богини Афины) справлялся один раз в 4 года в месяце гекатомбеоне (конец июля), и следовательно эти должностные лица избирались на четырехлетие.

[3] Т. е. стратеги и их подчиненные: гиппархи, филархи и таксиархи (см. ниже, гл. 61, 1). Должности финансовые и военные, для которых требовалась известная квалификация — имущественная или техническая, заполнялись выборами через поднятие рук, тогда как на остальные должности назначали по жребию, считая всякого гражданина способным к их занятию.

[4] Дежурная часть Совета составлялась из членов одной филы.

[5] Нормальный аттический год равен 354 дням. Он распределяется на 10 притании по количеству дежурящих фил. Приведенное распределение по количеству дней принадлежит повидимому времени Аристотеля.

[6] Фол—круглое здание поблизости от здания Совета (булевтерий), на северо-восток от холма Ареопага.

[7] См. ниже, гл. 62, 2.

[8] Неприсутственных дней было у афинян очень много; это были всевозможные праздники, а также разные «несчастливые» дни (ἀποφράδες), например все седьмые дни месяцев, когда поминали умерших, и особенно канун праздника Анфестерий (начало марта) и др. О праздниках—см. *псевдо-Ксенофонт,* Афинская полития, III, 8, приложение XXII.

они составляют программу, сколько дел и что именно предстоит обсуждать Совету в каждый день и где должно происходить заседание [1]. (4) Кроме того они назначают и народные собрания[2]. Одно—главное, в котором полагается производить проверку избрания властей—находит ли народ их распоряжения правильными, затем обсуждать вопросы относительно продовольствия и защиты страны; далее, в этот день могут делать чрезвычайные заявления [3] все желающие; наконец, полагается читать описи конфискуемых имуществ и заявления об утверждении в правах наследства и о наследницах, чтобы все были осведомлены о каждом открывшемся неследстве. (5) В шестую пританию [4], кроме означенного, пританы ставят на голосование поднятием рук еще вопрос относительно остракисма—находят ли нужным производить его или нет, затем предложения предварительных приговоров [5] против сикофантов от афинян и от метеков, не более трех от тех и других; наконец, такие дела, когда кто-нибудь, дав то или иное обещание народу, не выполнит его.

(6) Другое народное собрание назначают для рассмотрения ходатайств; тут всякий желающий, возложив молитвенную ветвь [6], мог рассказать народу о каких пожелает личных или

---

[1] Обычным местом заседаний Совета было специальное здание, так называемый булевтерий, но в некоторых случаях заседания происходили и в других местах, каковы: афинский Элевсиний, храм Фесея, Панафинейский стадий, Акрополь, Пирей и т. д.

[2] Оповещение о предстоящем народном собрании обычно делалось пританами за 4 дня.

[3] Так называемые εἰσαγγελίαι—заявления о преступлениях государственной важности, как измена, заговор против демократии, подкуп оратора и т. п., а также о притеснении сирот, наследниц и вдов. Процедура эта регулирована законом в середине IV в., но применялась нередко и раньше в важных политических делах (против Фемистокла, Перикла, по делу 10 стратегов и т. д.), но особенно когда преступление не было предусмотрено законом. Обычно эти заявления направлялись через Совет (через пританов) и только последнего рода дела (о сиротах, наследницах и вдовах)—через первого архонта. См. также выше, гл. 8, 4.

[4] В обычный невисокосный год шестая притания приходилась на январь. В это время ставился только принципиальный вопрос, нужно ли производить остракисм; самый же остракисм производился в восьмую пританию, в заранее назначенный день. См. приложение X.

[5] Προβολαί—предложения проекта приговора по делам о преступлениях (например привлечение к суду обвинителей по делу афинских стратегов, дело Демосфена против Мидия). При этом обвинитель желает получить предварительное суждение народа, чтобы затем дело было передано на рассмотрение суда.

[6] Масличная ветвь, повязанная шерстяной лентой, служила признаком мольбы.

общественных делах. Остальные два народных собрания отводятся для всех прочих дел. На них законы повелевают обсуждать три дела по вопросам религии, три дела по докладам герольдов и посольств, три—по вопросам светского характера. Обсуждают иногда и без предварительного голосования[1]. Обращаются же и герольды и послы прежде всего к пританам; точно так же и лица, приносящие письма, передают их им.

44. Председателем[2] пританов бывает одно лицо, избранное по жребию. Оно состоит председателем в течение ночи и дня, и нельзя ни пробыть в этой должности дольше, ни дважды занимать ее одному и тому же человеку. Председатель хранит ключи от храмов[3], в которых находятся казна и документы государства и государственная печать. Он обязан все время оставаться в фоле, равно как и третья часть пританов, которой он прикажет. (2) И когда пританы соберут Совет или народ, он избирает жребием девять проэдров[4], по одному из каждой филы, за исключением той, которая несет обязанности пританов, и из их среды в свою очередь одного председателя[5] и передает им повестку. (3) Последние, получив ее, следят за порядком и объявляют вопросы, подлежащие обсуждению, ведут подсчет голосов и распоряжаются вообще всеми делами; они имеют право и распустить собрание. Быть председателем[6] нельзя более одного раза в год, а проэдром можно быть однажды в каждую пританию.

(4) Кроме того пританы производят в народном собрании выборы стратегов, гиппархов и прочих властей, имеющих отношение к войне[7], сообразно с тем, как решит народ. Эти выборы производят пританы, исполняющие обязанности после шестой притании,—те, в чье дежурство будет благоприятное знамение[8].

---

[1] Предварительным голосованием решался вопрос, нужно ли просто рассмотреть данный вопрос в этом же заседании или следует отложить его обсуждение до другого заседания (см. объяснение у *Kalinka*, Ps. xenophontische Ἀθηναίων πολιτεία, Leipzig 1913, S. 259).

[2] Ἐπιστάτης τῶν πρυτάνεων.

[3] Имеется в виду главным образом Парфенон, в задней части (опистодоме) которого хранилась государственная казна. В храме Матери богов (Μητρῷον) находился государственный архив. Сохранились многочисленные надписи с описями и протоколами о приеме их казначеями при вступлении в должность.

[4] Πρόεδροι—эта комиссия ведет происхождение только с начала IV в.

[5] Ἐπιστάτης τῶν προέδρων, который делается председателем народного собрания, что ранее (в V в.) лежало на обязанности председателя пританов.

[6] Разумеется председателем проэдров.

[7] Об этом см. ниже, гл. 61.

[8] Имеется в виду прежде всего благоприятная погода.

Но и об этом должно состояться предварительное постановление Совета.

45. В прежнее время Совет имел право подвергать денежному взысканию [1], заключать в тюрьму и казнить...[2]. И вот он препроводил к государственному палачу Лисимаха[3], и, когда этот последний сидел уже в ожидании казни, его освободил Эвмелид[4] из Алопеки, заявив, что ни одного гражданина нельзя казнить без приговора суда. Когда состоялось разбирательство дела в суде, Лисимах был оправдан—он получил прозвание «из-под дубины»[5], а народ отнял у Совета право предавать смертной казни, заключать в оковы и налагать денежные взыскания[6]. Он установил закон что если Совет признает кого-нибудь виновным или наложит взыскание, то эти обвинительные приговоры и взыскания фесмофеты[7] должны представлять на рассмотрение суда, и то, что постановят судьи, должно иметь законную силу.

(2) Далее, Совет судит большинство должностных лиц и особенно тех, которые распоряжаются денежными суммами. Но его приговор не имеет окончательной силы и может быть обжалован в суде. Также и частным лицам предоставляется право подавать заявления относительно любого из должностных лиц, обвиняя его в том, что оно поступает противозаконно. Но и этим должностным лицам, в случае если Совет признáет их виновными, возможна апелляция в суд.

(3) Помимо всего этого Совет производит докимасию[8] кандидатов в члены Совета на следующий год и девяти архонтов. Притом прежде он имел право окончательного отвода кандидатов, теперь же им предоставляется право апеллировать в суд[9].

(4) Вот те случаи, в которых решение Совета не имеет окончательной силы. Он составляет предварительные заключения для внесения в народное собрание, и народ ни по какому вопросу

---

[1] Штраф в размере не свыше 500 драхм (около 120 руб.). Более высокий штраф мог быть наложен только по постановлению суда.

[2] Повидимому здесь в тексте небольшой пропуск.

[3] Может быть это то лицо, которое играло некоторую роль в правлении Тридцати (*Xenophon*, Hell., II, 4, 8); таким образом это было бы актом политического преследования.

[4] Личность, более ничем не известная.

[5] Один из видов смертной казни для убийц и злодеев состоял в том, что осужденного забивали на смерть палками (ἀποτυμπανίζειν).

[6] См. выше, гл. 41, 2: «судопроизводство Совета перешло к народу».

[7] Т. е. архонты-фесмофеты. О них см. выше, гл. 3, 4, и ниже, гл. 59.

[8] Т. е. проверку. См. выше, гл. 42, 2.

[9] См. ниже, гл. 55, 2.

не может вынести постановления, если об этом не состоялось предварительного заключения Совета или если этого не поставили на повестку пританы. В силу этого всякий, кто проведет какой-нибудь законопроект без соблюдения этих условий, подлежит обвинению в противозаконии[1].

46. Далее, Совет следит и за построенными триэрами[2], за оснасткой их и за доками[3], строит новые триэры или тетреры[4], в зависимости от того, какой из этих двух видов решит построить народ, дает им оснастку и строит доки. А строителей для кораблей выбирает народ поднятием рук. Если Совет не передаст этого в готовом виде новому составу Совета, он не может получить полагающуюся награду, так как ее получают при следующем составе Совета. Для постройки триэры он избирает из своей среды десять человек в качестве строителей триэр.

(2) Наконец, Совет наблюдает и за всеми общественными зданиями и, если найдет тут проступок с чьей-нибудь стороны, о виновном докладывает народу и, дав заключение о его виновности, передает дело в суд.

III. СОВЕТ И АДМИНИСТРАЦИЯ

(гл. 47—54)

47. Далее, Совет распоряжается большинством дел совместно с остальными властями.

Прежде всего есть десять казначеев Афины[5]. Избираются они жребием по одному из каждой филы—из класса пентакосиомедимнов, согласно закону Солона (этот закон все еще сохраняет силу), но в действительности исправлять должность может всякий, кому выпадет жребий, хотя бы он был очень беден. Они принимают статую Афины[6] и изобра-

---

[1] Т. е. γραφὴ παρανόμων. Всякое постановление народного собрания могло быть в течение годичного срока обжаловано как незаконное. В этом случае вносилась жалоба на противозаконие (γραφὴ παρανόμων). Рассмотрение спора передавалось суду присяжных, а действие этого постановления приостанавливалось до разрешения дела судом. В случае признания последним неправильности постановление совершенно отменялось. См. приложение XXI, ср. гл. 29, 4.

[2] Триэра—военный корабль с тройным рядом весел.

[3] Νεώσοικοι —собственно сараи, в которых ставились вытащенные из воды корабли.

[4] Тетрера—военный корабль с четырьмя рядами весел.

[5] Полное название их «казначеи священной казны Афины».

[6] Имеется в виду знаменитая статуя Афины-Девы работы Фидия в Парфеноне.

жения Ник[1], все вообще убранство[2] и казну в присутствии Совета.

(2). Далее, есть десять полетов[3]. Избираются они жребием по одному из каждой филы. Они заключают все арендные контракты[4], устраивают торги на разработку рудников[5] и на сбор податей совместно с казначеем воинской казны[6] и лицами, избранными для заведования зрелищным фондом[7], в заседании Совета, а потом утверждают за теми, кому Совет определит поднятием рук, отданные с торгов рудники как приносящие доход—их сдают на три года, так и условно[8] предоставленные—их сдают в аренду на десять[9] лет. Кроме того они продают с аукциона в заседании Совета также имущество преступников, осужденных судом Ареопага[10], и прочих, а утверждают это девять архонтов. Равным образом они передают Совету сведения и о податях, отданных на откуп[11] на один год, причем записывают на выбеленных табличках[12] имя откупщика и цену, за какую он взял откуп. (3) Записывают они отдельно в десяти списках, кому надо вносить каждую пританию,—отдельно тех, которые должны платить трижды в год, причем для каждого взноса составляют особый список, отдельно тех, которым приходится вносить в девятую пританию[13]. Кроме того они публи-

---

[1] Ника—богиня победы. Инвентари Парфенона,сохранившиеся в надписях, упоминают 10 золотых изображений ее. В случае материальных затруднений они употреблялись в качестве денежного фонда.

[2] Всевозможная утварь и приспособления для процессии во время Великих Панафиней.

[3] Буквально «продавцы».

[4] Имеются в виду контракты на производство различных работ, например постройки стен, гравирование официальных надписей и т. п.

[5] Это главным образом рудники Лавриона. Ср. выше о рудниках в Маронее, гл. 22, 7.

[6] Ср. выше, гл. 43, 1.

[7] Ср. выше, гл. 43, 1.

[8] Т. е. на пробу, когда начинают разработку, не зная наверное, получатся ли какие-нибудь результаты.

[9] Число в рукописи стерто и восстанавливается по догадке.

[10] Ареопаг после реформы Эфиальта (см. выше, гл. 25, 2) сохранил за собой только судебные функции по делам религиозного характера, к которым относится между прочим предумышленное убийство (см. ниже, гл. 57, 3). Осужденного за предумышленное убийство ожидали смертная казнь, которой он мог избежать, уйдя добровольно в изгнание до произнесения приговора, и конфискация имущества. См. приложение XX.

[11] Сбор обычных податей, как налог на капитал, пошлины, таможенные сборы и т. п., государство не производило само, а сдавало на откуп богатым гражданам.

[12] Доски, выбеленные гипсом (латинское album).

[13] Приблизительно в апреле.

куют списки земельных участков и домов, конфискованных и отданных в аренду через суд[1]. Дело в том, что и на это устраивают торги они же. За дома надо вернуть стоимость в течение пяти лет, а за земельные участки—в течение десяти лет. Вносят эти деньги в девятую пританию.

(4) Докладывает Совету также и архонт-царь о сдаче в аренду священных участков[2], причем заносит их на выбеленные таблички. Равным образом и они сдаются в аренду на десять лет, а взносы делаются в девятую пританию; потому-то в эту пританию собирается наибольшее количество денег.

(5) Итак, в Совет вносятся списки, распределенные по срокам платежей, а хранит их государственный секретарь[3]. Всякий раз как наступает срок платежа денег, он достает с полок те списки, по которым в этот день должны быть внесены и вычеркнуты деньги, и передает их аподектам[4]. А остальные лежат отдельно, чтобы не были вычеркнуты преждевременно.

48. Затем есть десять аподектов[5], избираемых жребием по филам. Получив списки, они отмечают вносимые деньги в присутствии Совета в булевтерии[6] и возвращают списки обратно государственному секретарю. Таким образом, если кто-нибудь пропустит срок платежа, его имя там записано, и он должен вносить сумму долга в двойном размере, или, в противном случае, подвергнуться заключению. Взыскивать это, равно как и заключить неисправного в тюрьму, Совет имеет по законам безапелляционное право[7]. (2) Один день аподекты принимают все взносы и распределяют их между должностными лицами, а на следующий день докладывают об этом распределении, записав его на доску; потом они читают по порядку в здании Совета и предлагают в заседании Совета высказаться, если кто знает, что тот или другой человек—должностное или частное лицо—повинен в неправильном распределении, и, если кого-нибудь находят виновным в каком-либо проступке, ставят вопрос о нем на голосование.

(3). Еще избирают члены Совета из своей среды десять логи-

---

[1] Доклад об этом в народное собрание делает Совет. См. выше, гл. 43, 4.

[2] Храмовые участки, иногда значительного размера, сдавались для эксплоатации в аренду частным лицам.

[3] Эту обязанность повидимому исполнял государственный раб.

[4] См. гл. 48.

[5] Ἀποδέκται—буквально «приемщики».

[6] Т. е. в здании Совета.

[7] Ср. выше, гл. 45, 1.

стов[1], которые обязаны проверять отчетность у должностных лиц в каждую пританию. Далее, они избирают жребием эвфинов[2] по одному из каждой филы и по два товарища при каждом из эвфинов, которые должны в дни собраний[3] заседать возле эпонима[4] каждой филы. И если у одного из сдавших отчет перед судом кто-нибудь пожелает в течение трех дней после сдачи потребовать нового отчета по частному или государственному делу, он пишет на выбеленной дощечке имя свое, имя обвиняемого и проступок, в котором его обвиняет; обозначает также наказание, которое находит для него нужным, и подает эвфину. (5). Последний, приняв это заявление, рассматривает его и, в случае если признает обвинение основательным, передает частные дела на разбирательство судьям по демам, которые разбирают тяжбы этой филы, а дела государственного значения препровождает со своим заключением фесмофетам[5]. Фесмофеты в свою очередь, если примут такое заявление, вторично вносят эту отчетность на рассмотрение в суд, и что признàют судьи, то имеет окончательную силу.

49. Кроме того Совет подвергает проверке и лошадей и, если найдет, что человек, имеющий хорошую лошадь, плохо ее содержит, штрафует его в размере содержания. А тем лошадям, которые не могут итти за хозяином или настолько не приучены[6], что не хотят стоять смирно, накладывают на челюсть клеймо в виде круга, и лошадь, у которой сделана такая пометка, считается негодной. Совет подвергает проверке и конных разведчиков, выбирая подходящих, по его мнению, для этой службы людей, и если кого забракует поднятием рук, тот сходит с коня[7]. Проверяет и пехотинцев-кавалеристов[8], и, если кого отвергнет поднятием рук, тот лишается жалованья.

(2) Всадников заносит в списки учетная комиссия[9]—десять человек, избираемых народом поднятием рук. Перечень записан-

---

[1] Нечто вроде контролеров. Эту комиссию повидимому надо отличать от другой одноименной комиссии, о которой см. ниже, гл. 54, 2.

[2] Нечто в роде ревизионной комиссии.

[3] Каждая фила имела свои общие собрания, которые происходили на какой-нибудь из площадей.

[4] Статуя родоначальника филы. См. выше, гл. 21, 6.

[5] Архонты-фесмофеты. О них см. ниже, гл. 59.

[6] В рукописи это место испорчено. Перевод дается по догадкам ван-Леувена.

[7] Т. е. делается простым пехотинцем.

[8] Особый вид войска—легковооруженные пехотинцы, которые садились на лошадей к всадникам и во время сражения, ворвавшись в ряды неприятеля, соскакивали с лошадей и начинали бой как пехотинцы.

[9] Καταλογεῖς—каталогизаторы.

ных они передают гиппархам[1] и филархам, а эти в свою очередь, получив список, докладывают его Совету. Там они вскрывают таблицу, в которой запечатан список имен всадников[2]. Если при этом кто-нибудь из числа записанных уже прежде будет под присягой заявлять, что по состоянию здоровья не может быть всадником, того вычеркивают. Затем вызывают вновь зачисленных и, если кто заявит под присягой, что или здоровье или средства не позволяют ему быть всадником, того отпускают. Относительно же того, кто не приносит такой клятвы, члены Совета решают поднятием рук, пригоден он быть всадником или нет, и, если признàют годным, записывают в таблицу, если же нет, то отпускают и его.

(3) Прежде Совет обсуждал также проекты построек и облаченье для статуи Афины, а теперь это обсуждает судебная комиссия, взятая по жребию, так как стали находить, что Совет бывал пристрастен в своем суждении. Равным образом и о сооружении статуй Ники[3] и о наградах на состязаниях на Панафинеях [4] Совет заботится совместно с казначеем воинской казны.

(4) Кроме того Совет подвергает проверке инвалидов. Существует закон, который повелевает Совету производить проверку людей, владеющих имуществом не свыше трех мин [5] и имеющих настолько серьезные телесные недостатки, что не могут заниматься никаким ремеслом. Закон повелевает выдавать этим людям из казны на содержание каждому по два обола[6] в день. И есть у них казначей, избираемый по жребию.

Точно так же и с остальными должностными лицами Совет разделяет, можно сказать, большинство обязанностей.

50. Итак, вот что находится в ведении Совета.

Кроме того по жребию избираются в качестве заведующих ремонтом храмов десять человек, которые, получая тридцать мин от аподектов[7], ремонтируют наиболее нуждающиеся в этом

---

[1] Гиппархи—начальники конницы, филархи—старшины фил, начальники конницы своей филы. См. ниже, гл. 61, 4 и сл.

[2] Тут различается список вновь включаемых от постоянного списка в запечатанной таблице всего состава всадников.

[3] См. выше, гл. 47, 1.

[4] До нас дошло большое количество амфор (сосудов), дававшихся в награду победителям на этих состязаниях. На них имеются надписи: «Я (говорит как бы сама амфора)—одна из наград в Афинах». Ср. ниже, гл. 60, 1.

[5] Мина—около 40 руб.

[6] Обол—около 6 коп.

[7] См. выше, гл. 48, 2.

храмы. (2) Далее, избираются десять астиномов[1]. Из них пять несут обязанности в Пирее, пять—в городе. Они следят за флейтистками, арфистками и кифаристками, чтобы нанимались не дороже двух драхм[2], и, если одной и той же станут добиваться несколько человек сразу, они кидают между ними жребий и отдают ее внаймы тому, кому выпадет жребий. Заботятся также и о том, чтобы никто из уборщиков нечистот не сваливал их ближе десяти стадиев[3] от городской стены. Далее, они не позволяют застраивать улицы, перекидывать над улицами балконы, делать висячие желоба, имеющие сток на улицу, и окна, открывающиеся на улицу[4]. Они же хоронят людей, умерших на улице, и имеют для этой цели в своем распоряжении казенных служителей.

51. Избираются по жребию также десять рыночных надзирателей[5]—пять для Пирея, пять для города. На них возлагается законами обязанность наблюдать за всеми товарами, чтобы их продавали без примеси и без подделки.

(2) Еще избираются по жребию десять надзирателей за мерами[6]—пять для города и пять для Пирея. Они наблюдают за всеми мерами и весами, чтобы торговцы употребляли правильные.

(3) Далее, хлебных надзирателей, избирающихся по жребию, раньше было десять—пять для Пирея и пять для города[7],—теперь же их двадцать для города и пятнадцать для Пирея. Они наблюдают прежде всего за тем, чтобы на рынке зерновой хлеб продавался добросовестно; далее, чтобы мельники продавали ячменную муку в соответствии со стоимостью ячменя, а булочники—пшеничный хлеб в соответствии с ценой пшеницы, и притом чтобы булки имели такой вес, какой они им укажут. Закон велит надзирателям устанавливать это.

(4) Далее, избирают по жребию десять портовых попечителей[8]. Им вменяется в обязанность наблюдать за торго-

---

[1] Городские надзиратели, нечто вроде комиссаров милиции.

[2] Драхма—около 40 коп.

[3] Стадий—177,4 метра.

[4] При тесноте улиц в греческих городах приходилось принимать меры против всякого загражденпя их. Окна в домах обычно открывались во внутренний дворик, так называемый перистиль; на улицу выходили окна только в верхних этажах.

[5] Ἀγορανόμοι.

[6] Μετρονόμοι.

[7] Это число существовало еще в начале IV в., как видно из речи Лисия «Против хлебных торговцев» (XXII).

[8] Ἐμπορίου ἐπιμεληταί.

выми пристанями, и из приходящего в хлебную пристань хлеба они должны заставлять торговцев две трети доставлять в город.

52. Еще назначают по жребию коллегию одиннадцати. Эти лица должны иметь под своим ведением содержащихся в тюрьме узников и подвергать смертной казни взятых под арест [1] воров, охотников за рабами [2] и грабителей в случае их собственного сознания, а в случае запирательства приводить на суд и, если будут оправданы, отпускать, в случае же осуждения—предавать смерти. Они должны еще представлять в суд описи конфискуемых земельных владений и домов, и те, которые будут признаны казенной собственностью, передавать полетам [3]. Наконец, должны представлять на разбирательство донесения [4] о проступках (этим донесениям дают ход Одиннадцать). Но некоторые из таких донесений вносят и фесмофеты [5].

(2) Затем избирают по жребию и пятерых докладчиков [6], которые дают ход месячным тяжбам, каждый для двух фил. Месячными процессами являются, во-первых, дела о приданом [7], когда кто-нибудь, обязанный вернуть его, не отдает; во-вторых, когда человек, заняв деньги под процент в одну драхму [8], не платит долга; в-третьих, когда кто-нибудь, желая открыть мастерскую на площади, займет у другого средства на обзаведение. Далее, дела об оскорблении, об обществах и товариществах, о рабах и вьючных животных [9], о триэрар-

---

[1] Под арест брали (специальный термин—ἀπάγειν) лишь заведомых преступников, преимущественно таких, которых захватывали с поличным.

[2] Ἀνδραποδισταί—захватывающие свободного человека и обращающие его в рабство или завладевающие чужими рабами.

[3] См. выше, гл. 47, 2 и сл.

[4] Ἔνδειξις—особая форма жалобы-доноса на таких лиц, которые, будучи присуждены за свои проступки к лишению гражданских прав (атимия) или к штрафу, начинают осуществлять гражданские права, заняв государственную должность или посещая общественные места, а также на людей, нарушающих запрещения о ввозе и вывозе, на людей, доставляющих продовольствие неприятелю, и может быть на виновных в продаже казенного имущества.

[5] У нас нет сведений о том, какие именно дела этого рода входят в компетенцию фесмофетов.

[6] Εἰσαγωγεῖς.

[7] В случаях развода или смерти мужа женщина имела право через посредство своего попечителя (κύριος) требовать возвращения ей приданого.

[8] Счет ведется по месяцам с одной мины (=100 драхм); таким образом в год это составляет 12%.

[9] За всякий ущерб, причиненный рабами или животными, ответственным является их хозяин. Может быть, дело идет и об обмане при продаже рабов или животных с телесными недостатками, искусно скрытыми продавцом.

хиях [1] и денежных операциях. (3) Вот какие дела разбирают эти должностные лица, давая им ход в месячный срок. Аподекты же разбирают дела, возбуждаемые откупщиками [2] и против откупщиков, причем в делах на сумму не свыше десяти драхм их решение имеет окончательную силу, а остальные они вносят в суд для рассмотрения в месячный срок.

53. Избирают по жребию еще и комиссию сорока—по четыре из каждой филы. В этой комиссии возбуждают все остальные иски. Она прежде состояла из тридцати лиц, которые судили, обходя по демам [3], а после олигархии Тридцати их число доведено было до сорока. Дела на сумму не свыше десяти драхм они имеют право решать окончательно, а свыше этой суммы передают диэтетам [4]. (2) Последние принимают дело и, если не в состоянии будут примирить стороны, выносят свое решение. Если обе стороны останутся довольны приговором и согласятся с ним, тяжба прекращается. Если же один из тяжущихся подаст апелляцию в суд, тогда они кладут показания свидетелей, запросы [5] и тексты законов [6] в ящики—отдельно со стороны истца и отдельно со стороны ответчика, запечатывают их и, приложив решение диэтета, написанное на особом листе, передают четырем судьям, разбирающим дела филы ответчика [7]. (3) Последние, приняв этот материал, направляют его в суд: дела на сумму не свыше тысячи драхм—в комиссию двухсот одного, дела свыше тысячи драхм—в комиссию четырехсот одного. Там уже нельзя пользоваться ни законами, ни запросами, ни свидетельскими показаниями помимо тех, которые были представлены у диэтета (судьи) и положены в ящики.

(4) Диэтетами могут быть люди, которым идет шестидесятый год. Это определяется по архонтам и эпонимам. Дело вот в чем: есть десять эпонимов фил [8] и 42 эпонима возра-

---

[1] Один из видов общественных повинностей (так называемых литургий), возлагавшихся на богатых граждан: постройка военного корабля (триэры).

[2] См. выше, гл. 47, 2.

[3] Так называемые «судьи по демам», учрежденные Писистратом (см. выше, гл. 16, 5; ср. 26, 3; 48, 5).

[4] Διαιτηταί—нечто в роде третейских судей, но с постоянными функциями и не ограничивавшихся разбирательством одного определенного дела.

[5] Πρόκλησις—всякого рода предложения с той и другой стороны о мерах для выяснения дела, например приведение к присяге, предложения пытать рабов, вызвать свидетелей, показать документы и т. п.

[6] Т. е. выписки из законов, на которые ссылаются стороны.

[7] Повидимому из числа упомянутых выше сорока.

[8] См. выше. гл, 21, 6.

стов [1]. Прежде, когда производилась запись в эфебы, их имена заносили на выбеленные таблички, причем у них обозначались архонт, при котором они были записаны, и эпоним диэтетов предыдущего года, а теперь эфебов записывают на бронзовую плиту, и эта плита ставится перед зданием Совета возле эпонимов [2]. (5) Сорок берут последнего из эпонимов [3], распределяют между людьми, записанными под его именем, обязанности судей и определяют по жребию, какие каждый из них должен исполнять. И каждый должен выполнить до конца судейские обязанности, которые ему достанутся. Закон повелевает, чтобы тот, кто не будет диэтетом в соответствующем возрасте, был лишен гражданской чести. Исключение допускается только для тех, кто в этот год исправлял какую-нибудь должность или находился в отъезде. Только такие лица освобождаются от этой повинности.

(6) Можно вносить и чрезвычайные заявления в коллегию диэтетов в случае несправедливости со стороны одного из них. При этом законы повелевают, чтобы тот диэтет, кого они признают виновным, подвергался лишению гражданской чести [4]. Но и такие люди имеют право апелляции. (7) Эпонимами пользуются и для военных походов и, когда собираются послать известный возраст, вывешивают объявление, с какого архонта и эпонима до какого должны итти в поход.

54. Еще избирают по жребию следующих должностных лиц: пять строителей дорог, которым вменяется в обязанность исправлять пути; для этого они имеют в своем распоряжении казенных рабочих. (2) Далее десять логистов [5] и при них десять синегоров [6]. Перед ними должны сдать отчет все, кто исправлял какую-либо должность. Это—единственный орган, который кон-

---

[1] Это место у Аристотеля заставляет предполагать в этих эпонимах возрастов не архонтов, при которых граждане были записаны в число эфебов, а аттических героев, именами которых обозначался каждый из 42 призывных годов (военную службу несли с 18 до 60-летнего возраста), причем список этих эпонимов через каждые 42 года начинался снова. Таким образом каждый новый призыв эфебов обозначался именем того эпонима, под которым числились люди, в предыдущем году вышедшие из военнообязанных, т. е. те, которым тогда шел 60-й год.

[2] Здесь имеются в виду эпонимы фил; статуи их находились перед зданием Совета.

[3] Список граждан, помеченных именем последнего из эпонимов, именно тех граждан, которым в это время идет 60-й год. Таким образом фактически этот год жизни посвящался не военной службе, а несению обязанностей диэтетов.

[4] О таком случае атимии (лишения гражданской чести) упоминает Демосфен (XXI, 83 и сл.) с неким Стратоном.

[5] Λογισταί—контролеры; ср. одноименную коллегию выше, гл. 48, 3.

[6] Συνήγοροι—нечто в роде советников или помощников.

тролирует сдающих отчеты и вносит дела об отчетности в суд. И если логисты уличат кого-нибудь в хищении, то судьи признают его виновным в воровстве, и сумма обнаруженного хищения уплачивается в десятикратном размере. Если логисты установят, что кто-нибудь принял подарки, и судьи признáют его виновным, то определяют его проступок как взяточничество; уплачивается и за это в десятикратном размере. Если логисты признáют кого-нибудь виновным в неправильных действиях, судьи определяют его преступление как злоупотребление, и причиненный ущерб возмещается в настоящей своей стоимости, если виновный выплатит эту сумму до девятой притании[1]; в противном случае она удваивается. Однако десятикратный штраф не удваивается.

(3) Еще избирают по жребию секретаря—так называемого «по притании». Он заведует документами и хранит издаваемые постановления, все вообще документы скрепляет своей подписью и находится при Совете во время заседания. Прежде на эту должность выборы производились поднятием рук, и тогда избирали наиболее известных и пользующихся доверием людей. Как известно, на плитах[2] при публикации договоров о союзах, даровании звания проксена[3] и даровании прав гражданства обозначается его имя. А теперь на эту должность стали избирать по жребию[4]. (4) Еще одного секретаря избирают по жребию, чтобы ведать законами. Он состоит при Совете во время заседаний и тоже скрепляет своей подписью все законы. (5) Кроме того и народ избирает поднятием рук секретаря, который должен читать документы народу и Совету. Этот секретарь не имеет других полномочий кроме обязанности читать.

(6) По жребию избирает народ еще десять гиеропеев[5], так называемых «для искупительных жертвоприношений». Они приносят жертвы как самостоятельно, по назначению оракула, так и совместно с гадателями, когда нужно бывает получить благоприятное знамение. (7) Кроме того народ избирает по жребию еще других десять, так называемых «годичных». Они совершают

---

[1] Приблизительно в апреле.

[2] Документы вырезывались на мраморных или бронзовых плитах (στῆλαι) и выставлялись в публичных местах. Благодаря прочности этих материалов большое количество древних документов сохранилось до нас.

[3] Этот титул давался гражданам других государств, которые брали на себя там защиту интересов граждан данного государства,—нечто вроде современных консулов. Позднее этот титул давался и метекам и сопровождался особыми правами (см. гл. 58, 2).

[4] Приблизительно с 367—363 гг.

[5] ἱεροποιοί—«священнослужители».

некоторые жертвоприношения и заведуют всеми пятилетними празднествами[1] кроме Панафиней[2]. А к числу пятилетних празднеств относятся: во-первых, паломничество на Делос (есть также и семилетнее паломничество туда); во-вторых, Бравронии[3]; в-третьих, Гераклии; в-четвертых, Элевсинии[4], в-пятых, Панафинеи. Из всех этих празднеств ни одно не совпадает с другим. Теперь прибавились со времени архонта Кефисофонта[5] еще Гефестии.

(8) Наконец избирают по жребию и архонта на Саламин[6] и демарха в Пирей[7], которые устраивают в том и другом месте Дионисии[8] и назначают хорегов[9]. На Саламине имя этого архонта обозначается и на официальных документах[10].

IV. АРХОНТЫ

(гл. 55—59)

55. Итак, означенные должности замещаются по жребию. Выше перечислены также и полномочия, которыми они обладают.

Что же касается так называемых девяти архонтов, то выше было уже сказано, каким образом с самого начала производилось их назначение[11]. В настоящее время[12] избирают по жребию шестерых фесмофетов и секретаря к ним; кроме того архонта, царя и полемарха—одного из каждой филы по очереди. (2) Они подвергаются докимасии[13] прежде всего в Совете пятисот—все

---

[1] Т. е. совершающимися каждые четыре года.

[2] Об этом празднике—см. ниже, гл. 60, 1 и выше, гл. 18, 2; 43, 1; 49, 3; 62, 2.

[3] Праздник в честь Артемиды Бравронской. Браврон — аттический дем на восточном побережье. Но позднее этот культ был перенесен на Акрополь.

[4] Праздник в честь элевсинских богинь Деметры и Коры (Персефоны),—не надо смешивать с малыми элевсинскими мистериями, которые совершались ежегодно.

[5] 329/328 г. до н. э.

[6] Ср. ниже, гл. 62, 2.

[7] Обычно демархи (старшины демов) избирались поднятием рук в самих демах. Обособление Пирея объясняется его исключительным значением.

[8] Имеются в виду сельские Дионисии.

[9] Хорег—богатый гражданин, на которого возлагается общественная повинность (литургия) на свой счет обучить хор для праздничного представления.

[10] Т. е. имеет такое же значение, как имя архонта-эпонима в Афинах.

[11] См. выше, гл. 3, 2—4; 8, 1; 22, 5; 26, 2.

[12] Т. е. во время написания трактата, около 325 г. до н. э.

[13] Докимасия—проверка, ср. выше, гл. 42, 2; 45, 3; 49, 1, 4; ниже, гл. 56, 1; 59, 4; 60, 1.

кроме секретаря, а этот последний только в суде, как и прочие должностные лица (все избранные и жребием и поднятием рук вступают в должность лишь после докимасии), девять же архонтов—и в Совете и вторично в суде. При этом в прежнее время тот, кого отвергал на докимасии Совет, уже не мог вступать в должность, теперь же допускается апелляция в суд, и этому последнему принадлежит решающий голос в докимасии.

(3) Когда производят докимасию, прежде всего предлагают вопрос: «Кто у тебя отец и из какого он дема, кто отец отца, кто мать, кто отец матери и из какого он дема?». Затем спрашивают о том, есть ли у него Аполлон Отчий и Зевс Оградный и где находятся эти святыни; далее, есть ли усыпальницы[1] и где они находятся; наконец, исполняет ли он свой долг по отношению к родителям, платит ли подати и отбывал ли военные походы. Допросив об этом, председатель говорит: «Пригласи свидетелей в подтверждение этого». (4) Когда он представит свидетелей, председатель ставит вопрос: «Угодно ли кому-нибудь выступить с обвинением против него?». И, если выступит кто-нибудь обвинителем, он предоставляет слово и для обвинения и для защиты и после того ставит вопрос на голосование—в Совете поднятием рук, а в суде—подачей камешков. Если же никто не пожелает выступить с обвинением, он тотчас же производит голосование. В прежнее время кто-нибудь один опускал в урну камешек[2], а теперь полагается всем подавать голоса о кандидатах, и таким образом, если какой-нибудь кандидат, не имея твердых нравственных устоев, сумеет заставить обвинителей молчать, у судей будет возможность отвергнуть его на докимасии.

(5) Подвергшись докимасии таким образом, избранные идут к камню, на котором положены внутренности закланных жертв (это тот самый камень, с которого приносят присягу и диэтеты[3], когда объявляют свои решения, и свидетели, когда утверждают, что не знают ничего по делу). Взойдя на него, избранные клянутся исполнять обязанности добросовестно и согласно с законами, не принимать подарков за исполнение обязанностей, а если возьмут взятку, посвятить золотую статую[4]. Принеся присягу, они

---

[1] Разумеются родовые усыпальницы, являющиеся центрами родовых культов. В этих вопросах сохраняются пережитки родовых отношений.

[2] Следовательно дело сводилось к простой формальности.

[3] См. выше, гл. 53 и ниже, гл. 58, 2. Это место находилось на городской площади.

[4] Предполагается статуя размером в рост самого виновного. В случае невыполнения он как неоплатный должник государства должен итти в изгнание (см. выше, гл. 7, 1).

идут оттуда на Акрополь и там снова приносят такую же присягу и только после этого приступают к исполнению обязанностей.

56. Архонт, царь и полемарх берут себе каждый двух товарищей по собственному выбору, и эти последние только тогда могут приступить к исполнению обязанностей товарищей, когда пройдут докимасию в суде, а по окончании своей службы они сдают отчет.

(2) Архонт сейчас же по вступлении в должность первым делом объявляет через глашатая, что всем предоставляется владеть имуществом, какое каждый имел до вступления его в должность, и сохранять его до конца его управления[1]. (3) Затем он назначает хорегами для представления трагедий троих наиболее богатых[2] из всех афинян. Прежде же он назначал и на представление комедий пятерых[3], но теперь их избирают филы. Далее, он принимает хорегов, избранных филами на Дионисии[4] для хоров взрослых и мальчиков и для комедий и на Фаргелии[5] для взрослых и мальчиков (на Дионосии они избираются по одному на каждую филу, на Фаргелии же—по одному для двух фил; каждая из двух фил представляет их по очереди); он устраивает между ними обмен имущества[6] и дает ход заявлениям об отказе, который мотивируется или тем, что данное лицо ранее исполняло уже эту литургию, или что оно не подлежит этой литургии, так как только что исполняло другую и еще не истекло время свободы его от повинностей[7], или что не достигло надлежащего возраста: например, лицо, исполняющее обязанности хорега при хоре мальчиков, должно иметь свыше 40 лет отроду. Архонт же назначает и на Делос[8] хорегов и архифеора[9] для

---

[1] Особая форма провозглашения принципа неприкосновенности имущества.

[2] Представления происходили на Дионисиях весной, а эти назначения делались в начале аттического года, т. е. в конце лета. Число хорегов соответствует числу трагических поэтов, допускавшихся к состязанию.

[3] Первоначально и комедии ставились по три в каждый праздник—на Дионисиях и Ленеях, и только в IV в. число их увеличено до пяти.

[4] Разумеются великие, или городские, Дионисии—в конце марта. Помимо трагедий и комедий здесь были еще и лирические состязания при исполнении религиозных песнопений.

[5] Аттический праздник в честь Аполлона и Артемиды в конце мая.

[6] Если гражданин, на которого возложили ту или иную литургию, был недоволен этим и находил, что есть более богатые люди, он мог предложить кому-нибудь из них взять эту обязанность на себя, в случае же отказа с его стороны—потребовать поменяться с ним имуществом.

[7] Обычно такие литургии падали на богатых граждан через два года.

[8] См. выше, гл. 54, 7.

[9] Так назывался начальник священного паломничества, которое отправлялось на остров Делос в воспоминание о той дани из 7 юношей и 7 де-

тридцативесельного корабля, везущего юношей. (4) Под его ведением находятся процессии: во-первых, та, которая устраивается в честь Асклепия, когда мисты «домовничают»[1], и во-вторых, на великих Дионисиях[2], когда ему помогают попечители, которых прежде избирал народ поднятием рук в количестве десяти (они должны были покрывать из собственных средств издержки на эту процессию), а теперь избирает жребием по одному из каждой филы, причем дает на оборудование сто мин. Архонт заведует и процессиями в Фаргелии и в честь Зевса-Спасителя[3]. Он же устраивает и состязания на Дионисиях и Фаргелиях. Вот празднества, о которых он имеет попечение.

(6) Кроме того ему подаются жалобы по государственным и частным делам. Он рассматривает их и направляет в суд. Сюда относятся дела о дурном обхождении с родителями (эти процессы не сопряжены ни с каким взысканием[4] для того, кто хочет выступать обвинителем), о дурном обращении с сиротами (эти направляются против опекунов), о дурном обращении с наследницей (эти направляются против опекунов и мужей), о нанесении ущерба сиротскому имуществу (эти тоже направляются против опекунов), об умопомешательстве, когда кто-нибудь обвиняет другого в том, что он, выживши из ума, расточает свое состояние; дела по избранию ликвидационной комиссии, когда кто-нибудь не желает производить раздел общего имущества; дела об учреждении опеки, по поводу разрешения споров об опекунстве, по поводу предъявления документов, касающихся записи себя опекуном, тяжбы о наследствах и наследницах. (7) Архонт имеет попечение также и о сиротах, о наследницах и о женщинах, которые заявляют, что по смерти мужа остались беременными. При этом он имеет право на виновных налагать дисциплинарные взыскания или привлекать к суду. Далее, он сдает в аренду имущество[5] сирот и наследниц до того срока, пока

вушек, которую, по мифу, афиняне должны были посылать на Крит царю Миносу для чудовища Минотавра и которая была прекращена благодаря Фесею, убившему Минотавра.

[1] Повидимому 18 боэдромиона (начало октября), накануне процессии в Элевсин, мисты проводили ночь в храме Асклепия.

[2] Приблизительно 28 марта. В процессии переносили статую Диониса из его храма в Академию и оттуда в театр. Это было предварением театральных представлений.

[3] Праздник, справлявшийся 14 скирофориона (конец июня).

[4] Т. е. в том случае, если бы обвинение не подтвердилось на суде.

[5] Опекуны, чтобы избавиться от хлопот по управлению имуществом малолетних, имели право сдать его целиком в аренду. Но арендатор дол-

женщине не исполнится 14 лет, и берет от арендаторов обеспечение. Наконец, он же взыскивает с опекунов содержание, если они не выдают его детям.

57. Вот каковы обязанности архонта.

Царь же ведает прежде всего мистериями совместно с попечителями, из которых двоих народ выбирает поднятием рук из всех афинян—одного из Эвмолпидов и одного из Кериков[1]; затем Дионисиями, что на Ленее[2]. Этот праздник состоит из процессии и состязания. Процессию отправляют сообща царь и попечители, а состязания устраивает царь единолично. Он устраивает и все состязания с факелами[3]; также и отчими жертвоприношениями он заведует, можно сказать, всеми.

(2) Ему подаются письменные жалобы по делам о нечестии, а также и в тех случаях, когда кто-нибудь оспаривает у другого право на жречество. Затем, он разбирает все споры между родами и жрецами по вопросам богослужения. Наконец, у него возбуждаются все процессы об убийстве, и в его обязанность входит объявлять преступника лишенным покровительства законов.

(3) Процессы об убийстве и нанесении ран, если кто предумышленно убьет или поранит другого, разбираются в Ареопаге[4]; также и дела об отравлении, если кто причинит смерть, давши яду, и дела о поджоге. Это составляет исключительно круг дел, по которым судит совет Ареопага. Дела же о непредумышленных убийствах и об умышлении убийства, а также если кто убьет раба, метека или иностранца, решают судьи, заседающие при Палладии[5]. В тех же случаях, когда человек сам сознается в убийстве, но утверждает, что имел на это право по законам, например потому, что захватил прелюбодея, или на войне по ошибке, или во время состязания в борьбе, того судят при Дельфинии[6]; если же кто-нибудь, находясь в изгнании за деяние, по которому

жен был при этом дать обеспечение сохранности отданного ему имущества. Особая комиссия производила расценку представленного им обеспечения, обычно—земельного участка.

[1] Эвмолпиды и Керики—два наиболее древних и знатных элевсинских рода (ср. выше, гл. 39, 2).

[2] В квартале Лимны на юго-восток от Акрополя. Обычно этот праздник назывался Ленеи. Он справлялся в конце января. Во время него ставились на сцене комедии.

[3] Бег с факелами происходил на праздниках Панафиней, Гефестий, Промефий и в честь Пана.

[4] См. об этих делах приложение XX.

[5] Храм Паллады-Афины на северо-восток от Акрополя.

[6] Храм Аполлона-Дельфиния на северо-восток от Акрополя.

возможно примирение[1], обвиняется в том, что убил или ранил еще кого-нибудь, того судят при святилище Фреата[2], а защищается он, подъехав к берегу на лодке. (4) По всем этим делам, за исключением случаев, подлежащих ведению Ареопага, судят эфеты[3], избранные по жребию; руководит такими делами царь. Судьи заседают в священном месте под открытым небом, и царь во время суда снимает с себя венок[4]. Человек, на ком тяготеет такое обвинение, все это время не допускается к священным местам, и даже на площадь не полагается ему заходить; но в этот момент он вступает в священное место и там говорит в свое оправдание. В тех случаях, когда истец не знает преступника, он начинает дело вообще против причинившего смерть. Тогда судебное разбирательство производит царь вместе с царями фил[5]—будут ли тут виновными неодушевленные предметы или живые существа.

58. Полемарх совершает жертвоприношение Артемиде-Охотнице и Эниалию[6], устраивает надгробные состязания в честь павших на войне и совершает поминки в честь Гармодия и Аристогитона[7]. (2) У него же возбуждаются частные судебные процессы, касающиеся метеков, равнообязанных[8] и проксенов[9]. При этом он должен, приняв эти дела, распределить их на десять частей и передать каждой филе указанную жребием часть, а судьи, разбирающие дела данной филы, должны передать их диэте-

---

[1] Примирение с родственниками убитого—путем ли уплаты им какого-нибудь вознаграждения или другим способом—смягченная форма первоначальной кровавой мести.

[2] Имя местного героя. Место, где происходило разбирательство этого рода дел, называется Фреаттó (ср. φρέαρ—колодезь); оно находилось около гавани Зеи, к востоку от Пирея, у самого моря.

[3] Особая комиссия из 51 члена, заседавшая в судилищах при Палладии, Дельфинии, Фреатто и Пританее (см. ниже, приложение XX).

[4] Венок—обычный признак исполнения общественной или религиозной обязанности.

[5] Φυλοβασιλεῖς—цари фил (см. выше, гл. 8, 3; 41, 2).

[6] Одно из прозвищ Ареса, иногда обозначает самостоятельное божество.

[7] Дело идет о религиозном культе в память борцов против тирании (см. выше, гл. 18).

[8] Под этим названием разумеется особая группа привилегированных метеков, которые за какие-нибудь заслуги перед государством были освобождены от обычной подати метеков и уравнены в этом отношении с гражданами.

[9] Почетный титул, который давался проживавшим в Аттике иностранцам-метекам за оказанные ими услуги государству. Этот титул сопровождался особыми правами, каковы: право владения землей и домом, освобождение от податей, почетное место на собраниях, например, в театре, и т. д.

там[1]. (3) Он самолично ведет в суде тяжбы о нарушении обязанностей по отношению к бывшему хозяину и о неимении простата[2], о наследствах и наследницах у метеков, и вообще полемарх ведает всеми теми делами у метеков, которые у граждан разбирает архонт.

59. Фесмофеты имеют полномочия, прежде всего, назначать, какие судебные комиссии и в какие дни должны творить суд, затем передавать руководство этими комиссиями должностным лицам: эти последние действуют сообразно тому, как укажут фесмофеты. (2) Затем, они докладывают народу о поступивших чрезвычайных заявлениях[3], ставят на рассмотрение дела о смещении должностных лиц путем проверочного голосования[4], всякого рода предложения предварительных приговоров[5], жалобы на противозакония[6] и заявления о том, что предложенный закон непригоден, также и о действиях проэдров и эпистатов[7] и об отчетности стратегов[8]. (3) К ним же поступают жалобы, при которых полагается залог—на незаконное присвоение гражданских прав и на освобождение от такого обвинения путем подкупа, если кто-нибудь, дав взятку, оправдается по делу о присвоении гражданских прав. Затем, о преступлениях сикофантов, взяточничестве, облыжном внесении в список государственных должников, ложном выступлении на суде в качестве понятого[9], об умышленном неснятии из списка государственных должников, равно как и о невнесении в этот список, о прелюбодеянии.

---

[1] См. выше, гл. 53.

[2] Первое относится к вольноотпущенникам, второе—к метекам. Вольноотпущенники оставались в известных отношениях зависимости перед своими прежними хозяевами, которые оставались их патронами; метеки не имели права выступать с какими-нибудь делами самостоятельно, без патрона. Нарушение этих правил вольноотпущенниками каралось законом.

[3] Так называемые εἰσαγγελίαι—см. выше, гл. 4, 4; 8, 4; 29, 4; 43, 4; 45, 2; 53, 6.

[4] Об этом проверочном голосовании см. выше, гл. 43, 4; ср. ниже, гл. 61, 2.

[5] Особый вид ускоренного судопроизводства в делах, касающихся оскорбления религии, против должностных лиц и против сикофантов, причем обвинитель добивается в этой инстанции только предварительного принципиального суждения (см. выше, гл. 43, 5).

[6] Γραφὴ παρανόμων—см. выше, гл. 29, 4; 40, 2; 45, 4 и приложение XXI.

[7] Президиум Совета (см. выше, гл. 44).

[8] Отчета можно было потребовать с них даже до окончания срока их службы (ср. выше, гл. 27, 1 и 48, 4 и сл., ниже 61,2).

[9] По афинским законам, обвинитель должен был в присутствии понятых заявить ответчику о вызове его в суд. Таким образом, если бы нашлись лжесвидетели, утверждающие, что такое оповещение сделано, подсудимый мог не явиться на разбирательство дела и быть осужден заочно.

(4) Затем, они ставят на рассмотрение докимасии[1] для всех должностных лиц дела о лицах, не принятых в дем демотами[2], и обвинительные приговоры Совета[3]. (5) Кроме того они назначают к рассмотрению и частные иски, касающиеся крупной торговли и рудников, а также относительно рабов, в случае если раб наносит словесное оскорбление свободному человеку. При этом они же распределяют по жребию между должностными лицами судебные комиссии по частным и общественным делам. (6) Они же утверждают соглашения с другими государствами[4] и руководят процессами, проистекающими на основании этих соглашений, и делами о лжесвидетельстве перед Ареопагом[5].

(7) Избрание судей жребием производят все девять архонтов и десятый—секретарь фесмофетов—каждый в своей филе.

V. АФЛОФЕТЫ[6]

(гл. 60)

60. Такой характер имеет деятельность девяти архонтов.

Наконец, народ избирает по жребию еще десять афлофетов по одному от каждой филы. Они подвергаются докимасии и после этого остаются в должности в течение четырех лет. На их обязанности лежит устраивать процессию на Панафинеях[7], музыкальное состязание[8], гимнастическое состязание, конское ристание, заказывать облачение[9], совместно с Советом заказывать амфоры[10] и давать борцам оливковое масло. (2) Это масло собирается со священных маслин. Его взимает архонт с владельцев земельных участков, на которых растут такие маслины, по полторы котилы[11] с каждого дерева. В прежнее время[12] государство про-

---

[1] См. выше, гл. 55, 2—4.

[2] См. выше, гл. 42, 1.

[3] См. выше, гл. 45, 1.

[4] Разумеются частноправовые договоры (σύμβολα), обеспечивающие юридическую защиту для коммерческих сделок между гражданами различных государств.

[5] Обычно дела о лжесвидетельстве подлежали ведению тех лиц, под председательством которых данный случай лжесвидетельства имел место.

[6] Т. е. устроители состязаний.

[7] См. выше, гл. 18, 2 и сл.; 43, 1; 49, 3; 54, 7; и ниже, гл. 62, 2.

[8] Эти состязания ведут начало со времени Перикла.

[9] Для статуи богини Афины (см. выше, гл. 49, 3).

[10] Наградой на панафинейских состязаниях была оливковая ветвь и сосуд (амфора) с маслом. Такие амфоры сохранились до нашего времени.

[11] Котила—около $^1/_4$ литра.

[12] Еще в начале IV в., как видно из речи Лисия (VII, 2), относящейся ко времени после 395 г.

давало урожай с торгов. А если кто-нибудь выкапывал или срубал священную маслину, его судил совет Ареопага[1], и в случае обвинительного приговора его предавали смертной казни[2]. Но, с тех пор как владелец участка платит оливковым маслом, суд уже не применяется, хотя закон остается. Что же касается масла, то оно взимается в пользу государства пропорционально владению, а не по количеству деревьев. (3) Так вот архонт, собрав масло от урожая своего года, передает его казначеям на Акрополь, и он не может вступить в Ареопаг[3], пока не сдаст всего сбора казначеям. Казначеи со своей стороны хранят его до определенного времени на Акрополе, а во время Панафиней выдают его в известном количестве афлофетам, а эти последние—борцам, оказавшимся победителями на состязаниях. Надо иметь в виду, что в качестве наград победителям в музыкальных состязаниях назначаются денежное вознаграждение[4] и золотые вещи, победителям в военных упражнениях — щиты, победителям в гимнастических состязаниях и конских ристаниях—оливковое масло.

VI. ДОЛЖНОСТИ, ИЗБИРАЕМЫЕ ПОДНЯТИЕМ РУК

(гл. 61)

61...[5]Избирают поднятием рук также и на все военные должности, в том числе десятерых стратегов—прежде по одному от каждой филы, а теперь[6] из всего состава граждан. При этом поднятием рук дают им определенное назначение: одному—для гоплитов, и он командует ими, когда они выступают в поход; одному—для своей страны, и он охраняет ее, а если военные действия начинаются в ее пределах, ведет там войну. Двоих назначают для Пирея, в том числе одного—в Мунихию, другого—

---

[1] Образец такого процесса дает седьмая речь Лисия.

[2] Судя по речи Лисия (VII, 41), виновному грозили изгнание и конфискация имущества.

[3] Лицо, занимавшее должность архонта, на следующий год, в случае благополучной сдачи отчета, делалось членом Ареопага.

[4] Эти вознаграждения исчислялись в 300—1000 драхм, т. е. 120—400 руб.

[5] Возможно, что в этом месте имеется в нашем тексте пропуск (ср. гл. 43, 1).

[6] Первый случай отступления от первоначального порядка известен нам в 440/439 г., когда из 10 стратегов Перикл и Главкон принадлежали к одной филе—Акамантиде. Однако и после этого, приблизительно до середины IV в., повидимому соблюдалось правило распределения по филам.

в Акту[1]. На них возлагается забота об охране всего находящегося в Пирее. Далее, одного назначают для симморий[2]: он составляет списки триэрархов[3], устраивает между ними обмен имущества[4] и руководит разбирательством споров между ними. Остальным дают назначения сообразно с текущими обстоятельствами.

(2) В каждую пританию производится проверка избрания стратегов для выяснения того, находит ли народ, что они правильно исполняют обязанности[5]. И если кого отвергнут голосованием, его предают суду и в случае признания виновным определяют наказание, которому он должен подвергнуться, или штраф, который он должен выплатить; если же его оправдают, он продолжает нести свои обязанности. Когда стратеги исполняют обязанности командиров, они имеют право заключить в тюрьму нарушающего дисциплину, изгнать путем объявления через глашатая и наложить дисциплинарное взыскание. Впрочем обыкновенно они не налагают взысканий.

(3) Поднятием рук избирают еще десятерых таксиархов[6]—по одному из каждой филы. Каждый из них командует гражданами своей филы и назначает лохагов[7].

(4) Поднятием рук избирают и двух гиппархов[8] из всего состава граждан. Они командуют всадниками, причем каждый берет себе по пяти фил. Они имеют ту же власть, как стратеги над гоплитами. Они также подвергаются проверочному голосованию.

(5) Далее, поднятием рук избирают десятерых филархов[9]—по одному от филы; они должны командовать всадниками, как таксиархи гоплитами.

(6) Поднятием рук избирают еще гиппарха на Лемнос[10]; он заведует всадниками на Лемносе.

---

[1] Мунихия—укрепленное место в северо-восточной части Пирея (см. выше, гл. 19, 2 и 42, 3). Акта—южный полуостров Пирея (см. выше гл. 42, 3).

[2] Симмории—группы богатых граждан, на которых возлагалась обязанность общими средствами снарядить военный корабль—триэру.

[3] Богатые граждане, на которых возлагалось снаряжение триэры, а вместе с этим и командование ею в качестве капитанов. Это—одна из литургий (общественных повинностей), к которым привлекались богатые граждане (ср. выше гл. 52,2).

[4] Ср. выше, гл. 56, 3.

[5] Ср. выше, гл. 43, 4.

[6] Таксиарх—начальник пехоты.

[7] Лохаг—начальник лоха (отряда).

[8] Гиппарх—начальник конницы.

[9] Филарх—начальник филы.

[10] Лемнос—остров в северной части Эгейского моря. Там была афинская «клерухия».

(7) Наконец, поднятием рук избирают и казначея «Парала» и отдельно еще для корабля Аммона[1].

VII. ВЫБОРЫ ПО ЖРЕБИЮ. ЖАЛОВАНЬЕ. ПОВТОРНОСТЬ ЗАНЯТИЯ ДОЛЖНОСТЕЙ

(гл. 62)

62. В числе назначаемых по жребию должностных лиц в прежнее время одни избирались из целой филы вместе с девятью архонтами[2], другие, избиравшиеся в храме Фесея, распределялись по демам. Но так как в демах началась тоговля местами, то и на эти должности теперь избирают из целой филы за исключением членов Совета и стражей. Выборы этих последних передают в демы.

(2) Жалованье получает, во-первых, народ за рядовые народные собрания по драхме[3], а за главные—по девяти оболов[4]. Затем, в судах получают по три обола[5]; далее, члены Совета—по пяти оболов, а тем из них, которые несут обязанности пританов, прибавляется на продовольствие один обол. Кроме того девять архонтов получают на продовольствие по четыре обола каждый, причем они содержат глашатая и флейтиста[6]; затем, архонт, назначаемый на Саламин[7], получает по одной драхме в день. Афлофеты[8] обедают в Пританее в течение месяца гекатомбеона[9], когда справляются Панафинеи, начиная с четвертого числа. Амфиктионы[10], назначаемые на Делос, получают по драхме еже-

---

[1] «Парал» и «Аммонйада» (корабль Аммона)—два государственных корабля, служивших для особо важных государственных поручений—посольств, священных миссий, перевозки казенных денег и т. п. Второй первоначально назывался Саламиния; в честь египетского бога Амона (на греческий лад—Аммона) он назван в эпоху Александра.

[2] Место их избрания неизвестно (ср. выше, гл. 8, 1).

[3] Драхма—около 40 коп. Выше (гл. 41,3) была названа плата за посещение народного собрания в.3 обола; эта плата упоминается и Аристофаном (Eccl. 185 и сл. и схолии). Очевидно она была позднее повышена.

[4] Обол—около 6 коп.

[5] Жалованье судьям в 1 обол установлено Periклом (см. выше, гл. 27, 3) и повышено до 3 оболов Клеоном.

[6] Один—в качестве курьера другой—в качестве сигнальщика.

[7] См. выше, гл. 54, 8.

[8] См. выше, гл. 60.

[9] Конец июля и начало августа.

[10] Афины являлись членом Делосской амфиктионии, т.е. древнего союза религиозного характера. На обязанности амфиктионов было управление храмовой казной, причем города, участвовавшие в амфиктионии, несли эти обязанности поочередно в течение года, посылая представителей.

дневно с Делоса. Наконец, и все должностные лица, которые посылаются на Самос, Скирос, Лемнос или Имброс[1], тоже получают деньги на продовольствие.

(3) Военные должности можно занимать по нескольку раз[2], а из остальных ни одной нельзя занимать вторично; только членом Совета можно быть дважды.

VIII. ОРГАНИЗАЦИЯ СУДОВ

(гл. 63—69)

63. В состав судебных отделений выборы производят по жребию девять архонтов, каждый в одной филе, а секретарь фесмофетов в десятой филе[3]. (2) В судебные помещения ведут десять входов, один для каждой филы. В них есть двадцать баллотировочных помещений, по два для каждой филы, и сто ящичков[4], по десяти на каждую филу, и еще другие ящички, в которые кладут таблички[5] с именами избранных жребием судей и две урны. Кроме того у каждого входа кладутся трости[6] в количестве, соответствующем числу судей. В урну кладутся желуди[7] в одинаковом количестве с тростями. На желудях обозначены буквы, начиная с одиннадцатой, с «Λ»—сообразно с тем, сколько судебных комиссий предполагается составить.

(3) Судьями могут быть люди, имеющие свыше тридцати лет отроду, при условии если они не состоят государственными должниками или не лишены гражданской чести. Если же в состав суда попадет кто-нибудь из таких людей, которые не имеют на это права, о нем вносят заявление[8] и его привлекают к суду. В случае доказанности обвинения судьи присуждают его еще к новому наказанию или к уплате штрафа, смотря по тому, чего, по их мнению, он заслуживает. Если он будет присужден к денежному штрафу, то должен содержаться в заключении, пока не выплатит прежнего долга, который послужил основа-

---

[1] Острова Эгейского моря, находившиеся в зависимости от Афин. Туда посылались военные командиры (ср. 61, 6). Остров Самос освободился от этой зависимости в 322 г.

[2] Так, Перикл занимал должность стратега 15 раз, Фокион—45.

[3] Ср. выше гл. 59, 7. Каждая судебная комиссия составляется из граждан всех десяти фил.

[4] См. о них и ниже, гл. 64.

[5] Πινάκια—бронзовые, а может быть и деревянные таблички. Значительное число бронзовых табличек сохранилось до настоящего времени.

[6] См. об этом ниже, гл. 65, 1 и сл.; 69, 2.

[7] Повидимому, металлические.

[8] Особая форма жалобы—ἔνδειξις, о которой см. выше, гл. 29, 4.

нием поданного на него заявления, а также и той суммы, которую сверх того определит ему суд.

(4) Каждый судья имеет на руках табличку самшитового дерева[1] с написанными на ней его именем, отчеством и демом, а также с обозначением одной из букв до «К», так как судьи распределяются в каждой филе на десять групп, приблизительно поровну под каждой буквой[2]. (5) Фесмофет[3] бросает жребий, чтобы распределить буквы, которыми следует обозначить судебные места; после этого служитель разносит и выставляет у каждого места выпавшую ему по жребию букву.

64. Упомянутые десять ящичков поставлены перед входом у каждой филы. На них написаны буквы до «К». Судьи бросают свои таблички в ящичек, на котором обозначена та же буква, что и на табличке у него; потом служитель перетряхивает их, и фесмофет вынимает из каждого ящичка одну табличку. (2) Лицо, обозначенное в ней, называется раскладчиком; он прибивает таблички, доставаемые из ящичка, к полочке[4], на которой стоит та же буква, что и на ящичке. Это лицо избирается по жребию, чтобы не могло быть с его стороны злоупотреблений, если бы раскладкой занимался всегда один и тот же человек. Этих полочек в каждом из баллотировочных помещений имеется пять. (3) Архонт[5] бросает кубики в ящички[6] и затем по жребию избирает филу в каждом баллотировочном помещении. Кубики эти бронзовые, частью черные, частью белые. Смотря по тому, сколько нужно избрать судей, столько и кладут белых кубиков—по одному на пять табличек[7], и таким же точно образом черные. По мере того как архонт вынимает кубики, глашатай выкликает избранных. В их число входит и раскладчик. (4) Всякий, кто вызван, откликается и вынимает желудь из урны; затем подает его и, держа его буквой кверху, показывает прежде всего председательствующему архонту. Архонт, посмотрев желудь, кладет табличку этого лица в ящичек, на котором значится та же буква, что и на желуде, чтобы всякий входил в то помещение, куда назначено ему жребием, а не в то, в которое он

---

[1] См. вышеупомянутые таблички (§ 2).

[2] Таким образом в каждую группу входят судьи из всех 10 фил.

[3] См. выше, гл. 59, 7.

[4] Имеется в виду нечто в роде витрины, деревянной рамы, разделенной на клеточки, в которые вставляются таблички избранных.

[5] Один в каждой из девяти фил и секретарь фесмофетов в десятой (см. выше, гл. 63, 1).

[6] Бронзовые кубики вроде игральных костей, но без очков.

[7] Для сокращения времени баллотировка производится группами: одному кубику соответствуют пять имен.

сам пожелает, и чтобы никто не мог подобрать в судебном отделении состав по собственному желанию. (5) Возле архонта ставится столько ящичков[1], сколько нужно будет составить отделений суда, и каждый ящичек имеет ту букву, которая досталась по жребию каждому отделению суда.

65. После этого судья показывает желудь еще раз служителю и тогда уже проходит внутрь загородки. Служитель дает ему трость той же окраски, как и судебное отделение, которое должно иметь ту же букву, какая обозначена на желуде, чтобы он обязательно вошел в то именно отделение суда, которое было ему указано жребием; если он войдет в другое, его выдает цвет его трости. (2) Дело в том, что в каждом судебном отделении притолока у входа окрашена в особый цвет. Судья, получив трость, идет в отделение суда того цвета, что и его трость, и с той же буквой, какая на желуде. Войдя внутрь, он получает государственную марку от лица, выбранного для этой цели по жребию. (3) Затем эти судьи, войдя таким образом в судебное помещение, садятся там [2], имея в руках желудь и трость. Тем же, которые по жребию не попали в это число, раскладчики возвращают их таблички. (4) Между тем государственные рабы передают от каждой филы в каждое судебное отделение один из тех ящичков, в которых находятся имена граждан филы, зачисленных в данное отделение суда. Они передают их судьям, числом пять[3], избираемым по жребию для этой цели в каждом отделении суда и обязанным возвращать по счету эти таблички владельцам; вызывая по ним, они должны выплачивать жалованье.

66. Когда во всех отделениях суда наберется полный состав, в первом из отделений ставят две баллотировочных урны и кладут бронзовые кубики, окрашенные в цвета судебных отделений, и еще другие кубики, на которых написаны имена должностных лиц. Двое из фесмофетов, избранные по жребию, кладут отдельно кубики того и другого рода, один—цветные—в одну урну, другой — с именами должностных лиц—в другую. Кто из должностных лиц будет первым избран по жребию, того и объявляют через глашатая председателем в первом же, какое будет избрано по жребию, отделении суда; кто—вторым, того—председателем во втором, и так же делается и для остальных.

---

[1] Не надо смешивать эти ящички с теми, которые упоминались в гл. 64, 1; тех—десять, этих—число неопределенное и обозначаются они буквами, начиная с «Λ».

[2] Место дополнено по догадке; в папирусе стерлось. Другие читают: «Складывают тут желудь и трость».

[3] Число в тексте пропущено.

Этим предусматривается, чтобы никто не знал наперед, в каком отделении он будет, но чтобы каждый председательствовал в том, которое будет определено ему по жребию.

(2) Когда судьи явятся и будут распределены по всем судебным отделениям, в каждом из них должностное лицо, исполняющее обязанности председателя, вынимает из каждого ящичка одну табличку, чтобы составилось десять—по одному лицу из каждой филы,—и кладет эти таблички в другой, пустой ящичек. Затем, из этих лиц распределяет пятерых, на которых прежде всего падет жребий,—одного к воде[1], а остальных четверых к баллотировочным камешкам[2], чтобы никто не мог вступить в сделку ни с заведующим водой, ни с заведующим баллотировочными камешками и чтобы в этом отношении не было никакого злоупотребления. (3) Пятеро не попавших по жребию в это число получают от председателей предписание относительно того, по какому расчету и в каком месте в самом суде должна будет получать жалованье каждая из фил, когда окончит суд. Это делается для того, чтобы судьи получали деньги в разное время и небольшими группами во избежание взаимных неудовольствий, случающихся при скоплении большой толпы в одном месте.

67. По окончании этого председательствующие объявляют об открытии судопроизводства—частного, когда разбирают частные дела (обыкновенно берут счетом четыре[3] дела из всех исков, полагающихся по закону; при этом стороны приносят присягу говорить по существу дела); когда же предстоит разбирать дела государственного характера, объявляют о государственных процессах и разбирают из них всего один.

(2) Там стоят клепсидры[4], снабженные трубками и сточными отверстиями. В эти клепсидры наливают воду, по которой должно размерять длительность произносимых на суде речей. Клепсидра дается вместимостью в десять хоев[5] для процессов на сумму свыше пяти тысяч драхм[6] и в три хоя для второй речи[7]; в семь хоев и в два хоя для процессов на сумму не свыше пяти тысяч драхм; в пять хоев и в два хоя—для процессов на сумму не свыше тысячи драхм; в шесть хоев для споров о правоспособ-

---

[1] Имеются в виду водяные часы (клепсидра), так как для речей ораторов назначалось определенное время.

[2] Для подсчета голосов.

[3] Текст очень испорчен.

[4] Водяные часы.

[5] Хой—мера жидких тел, несколько более 3 литров.

[6] Около 2 тыс. руб.

[7] Каждой стороне давалось на суде по две речи.

ности, при которых второй речи уже не полагается вовсе. Лицо, приставленное по жребию к воде[1], закрывает трубку[2], когда секретарю предстоит читать закон или свидетельское показание, или контракт[3]. Когда же для процесса отводится точно распределенный день[4], тогда заведующий не закрывает ее, но равное количество воды дается и истцу и ответчику. (4) Это распределение устанавливается применительно к продолжительности дня в месяце посейдеоне[5]. Это—время, когда дни бывают короче[6]... чтобы всегда получали одинаковое количество воды, имеются два сосуда—один для обвинителей, другой для подсудимых. (5) В процессах без предусмотренного законом наказания... вторичном голосовании. День бывает строго распределен при разбирательстве особо важных процессов, которые влекут за собой заключение в тюрьму, смертную казнь, изгнание, лишение гражданской чести или конфискацию имущества. Сюда относятся и такие случаи, когда в законах не обозначено, какому наказанию или штрафу должен подвергнуться виновный[7].

68. Большинство судебных отделений состоит из пятисот одного члена, <им предоставляется судить по общественным делам.> Когда требуется поставить особенно серьезное дело на обсуждение тысячного состава, в гелиею собирается двойной состав суда. Дела исключительной важности передаются на рассмотрение тысячи пятисот судей, т. е. тройного состава суда.

(2) Баллотировочные «камешки»—медные с трубочкой по середине[8]; одна половина их—просверленные, другая—цельные. Когда прения сторон закончены, те лица, которым выпало

---

[1] См. выше, гл. 66, 2.

[2] В текстах греческих ораторов нередко встречается после обращения к секретарю с просьбой прочитать какой-нибудь из приложенных к делу документов такое обращение к заведующему клепсидрой: «Останови пожалуйста воду».

[3] Детали текста в этом месте очень ненадежны.

[4] В случаях особенной важности процесса на него отводится целый день, причем точно распределяется время для отдельных моментов—для обвинения, защиты, голосования судей и т. д. Примером такого дела является процесс по обвинению Эсхина в преступном использовании посольских обязанностей (Aesch. II, 126).

[5] Декабрь—январь. Продолжительность дня в это время исчисляется в $9^1/_2$ часов. Эсхин определяет это время счетом в 11 амфор.

[6] Текст этой части сохранился очень плохо; 12 строк папируса настолько искрошились, что не дают связного чтения. Конец 67 и гл. 68 § 1 восстанавливаются очень ненадежно.

[7] Таким «не оцененным» процессом был процесс Сократа.

[8] Образцы таких «камешков» (ψῆφοι)—медных круглых пластинок имеются и у нас. Название является пережитком, показывая, что первоначально тут применялись настоящие камешки.

по жребию состоять при баллотировочных камешках, вручают каждому из судей по два камешка—просверленный и цельный, и обе спорящие стороны должны видеть это, чтобы никто не мог получить ни оба цельных, ни оба просверленных. Другое лицо, избранное по жребию, отбирает трости[1], вместо которых каждый подающий голос получает бронзовую марку с проставленной на ней цифрой «3» (возвращая ее, он получает три обола), для того чтобы все подавали голоса, так как никто не может получить марку, если он не будет участвовать в голосовании.

(3). В суде стоят две амфоры—одна бронзовая, другая деревянная. Они поставлены порознь одна от другой, чтобы нельзя было подкинуть незаметно лишних камешков. В эти амфоры опускают свои камешки судьи. Бронзовая имеет решающее значение, деревянная не берется в расчет. Бронзовая покрыта крышкой с просверленным отверстием, через которое может пройти только один баллотировочный камешек, чтобы одно лицо не могло опустить двух.

(4) Перед тем как судьи должны будут приступить к голосованию, глашатай объявляет сначала, не предполагают ли противники сделать обжалование свидетельских показаний. Дело в том, что обжалование не допускается, когда судьи начнут подавать голоса. Затем он снова объявляет: «просверленный камешек—за первого говорившего, цельный—за говорившего последним»[2]. После этого судья берет камешек с подставки светильника и, стараясь просунуть трубку камешка так, чтобы при этом не показывать тяжущимся ни просверленного, ни цельного, опускает камешек, выражающий его приговор, в бронзовую амфору, камешек, не имеющий такого значения,—в деревянную.

69. Когда все подадут голоса, служители берут амфору с решающим значением и высыпают на счетную доску, снабженную дырками, все какие есть камешки, чтобы они лежали на виду и их легко было подсчитывать и чтобы просверленные и цельные были видны тяжущимся. Лица, приставленные по жребию к баллотировочным камешкам, подсчитывают их на счетной доске, отдельно цельные, отдельно просверленные. Затем глашатай объявляет число голосов, причем просверленные идут за истца, цельные—за ответчика. За кого окажется больше, тот выигрывает дело, а если голосов окажется поровну, выигрывает подсудимый.

---

[1] Место сохранилось плохо и восстанавливается по догадке; другие читают: «марки».

[2] Этот порядок подтверждается и другими авторами: Aesch., 1, 79; *Xenophon*, Hell., I, 7, 9; Lys. XIII, *Aristophanes*, Vespae, 987—990.

(2) После этого еще производят оценку[1], если требуется ее сделать, причем подают голоса таким же образом: возвращают марку и получают обратно трость[2]. На эту оценку отводится каждой стороне время, измеряемое полхоем воды.

Когда судьями выполнены все возлагаемые на них по законам судейские обязанности, они получают жалованье по очереди в том месте, где каждому назначено жребием[3].

ОТРЫВКИ ИЗ НЕ ДОШЕДШЕЙ ДО НАС НАЧАЛЬНОЙ ЧАСТИ «АФИНСКОЙ ПОЛИТИИ»[4]

1

Афиняне первоначально имели у себя царскую власть. Когда же у них поселился Ион, тогда впервые они стали называться ионянами (*Гераклид*, эпитома 1). И Аполлон прозван был у них «отчим», так как полемарх афинян Ион был сыном Аполлона и Креусы, супруги Ксуфа.

2

Пандион, вступивший на престол после Эрехфея, разделил власть между своими сыновьями (эпитома 1): Эгею он дал область вокруг города, Лику—горную, Палланту—прибрежную область, Нису—Мегариду. *Они постоянно враждовали друг с другом* (эпитома 2).

3

Но Фесей кликнул клич и собрал их на равных и справедливых условиях (эпитома 2).

4

Желая еще более увеличить город, Фесей приглашал всех на равных правах, и возглас: «Сюда идите, все народы» стал, как говорят, кличем Фесея, когда он устанавливал какое-ни-

---

[1] Разумеется процесс, «подлежащий оценке» (ἀγὼν τιμητός), т. е. по такому преступлению, за которое законами не установлено определенного наказания. Суду в этих случаях предоставляется не только установить самый факт виновности, но и определить наказание для преступника.

[2] Ср. выше, гл. 68, 2. Потом эти марки снова возвращаются судьям для получения по ним жалованья.

[3] См. выше, гл. 66, 3.

[4] Ниже приводим важнейшие отрывки, сохранившиеся в цитатах разных писателей, иногда дословных, иногда передающих только общий смысл; курсивом отмечены цитаты, близко передающие текст Аристотеля.

будь всенародное собрание. Впрочем он не оставил без внимания того обстоятельства, что демократия стала неблагоустроенной и смешанной вследствие нахлынувшего неразделенного множества народа, но первый выделил особо эвпатридов, геоморов и демиургов и предоставил эвпатридам решать божественные дела, поставлять должностных лиц и быть изъяснителями законов и истолкователями светских и религиозных дел. Этим он поставил их как бы наравне с остальными гражданами, причем эвпатриды, как казалось, превышали остальных славой, геоморы—приносимой пользой, а демиурги—численностью. Что он первый сделал уклон в интересах толпы, как говорит Аристотель, и отказался от монархического образа правления, об этом свидетельствует, кажется, и Гомер в «Перечне кораблей» (Ил., II, 547), назвав одних только афинян «народом» (демос) (*Плутарх*, Фесей, 25).

5

Геннеты. В древности афинский народ, прежде чем Клисфен устроил разделение на филы, был разделен на земледельцев и ремесленников. И они составляли четыре филы. Каждая из фил имела три части, которые назывались фатриями и триттиями. Из них каждая состояла из 30 родов, и каждый род имел 30 мужчин, причисленных к родам и называвшихся геннетами. Из их числа избирались по жребию на жреческие должности, у каждого свои особенные, например Эвмолпиды, Керики и Этеобутады, как рассказывает Аристотель в «Афинской политии», который говорит следующее: «*Они были разделены на четыре филы наподобие времен года; каждая из фил была разделена на три части так, чтобы в общем составилось двенадцать частей,— столько, сколько месяцев в году. Они назывались триттиями и фатриями. Фатрия была составлена из тридцати родов, как месяц из дней, а род состоял из тридцати мужчин* (Lexicon Dem. Patm., p. 152)».

Аристотель говорит, что весь народ в Афинах был разделен на земледельцев и ремесленников и составлял четыре филы, а в каждой филе было три части, которые называются триттиями и фатриями. В каждой из последних было по тридцати родов, а каждый род состоял из тридцати мужчин. Эти последние, причисленные к родам, называются геннетами (Схолии к Платону, Аксиох 371 Д.).

Триттия. Триттия есть третья часть филы; фила разделяется на три части: триттии, племена и фатрии, как говорит

Аристотель в «Афинской политии» (Гарпократион, τριττύς; ср. в Moeris γεννηταί, Harp. γενν. Suidas, γενν. 1).

6

Он (Фесей), придя на Скирос, погиб, сброшенный со скал Ликомедом, так как тот боялся, чтобы он не завладел островом. Афиняне впоследствии, после мидийских войн, перенесли к себе его останки (эпитома 2).

Аристотель рассказывает, что Фесей, придя на Скирос, естественно, вследствие родства с Эгеем, чтобы посмотреть страну, погиб, сброшенный со скал, так как бывший тогда царем Ликомед побоялся его. Афиняне же после мидийских войн, согласно прорицанию, взяли его останки к себе и предали погребению (Ватиканские схолии к Эврипиду, Ипполит, 11).

ЭПИТОМА ГЕРАКЛИДА[1]

1. Афиняне первоначально имели у себя царскую власть. Когда же Ион поселился с ними, тогда впервые они стали называться ионянами. Пандион, вступивший на престол после Эрехфея, разделил власть между сыновьями. 2. Эти последние постоянно враждовали между собой. Но Фесей кликнул клич и собрал их[2] на справедливых и равных началах. Придя на Скирос, он там погиб, сброшенный со скал Ликомедом, так как тот боялся, чтобы он не завладел островом. Афиняне впоследствии, после мидийских войн, перенесли к себе его останки. 3. Со времени же Кодридов царей более не избирали, так как казалось, что они предаются роскоши и сделались слабыми. Гиппомен, один из Кодридов, желая избавить себя от нареканий и застав любовника у своей дочери Леймоны, погубил его, запрягши в колесницу, а ее привязал к лошади, так что она погибла. 4. Сторонников Килона, бежавших к алтарю богини вследствие обвинения в захвате тирании, убили сторонники Мегакла. И совершивших это изгнали как нечестивцев. 5. Солон, составляя

---

[1] Эпитома—сокращение. Гераклид Понтийский—крупный философ и естествоиспытатель, ученик Платона и Аристотеля, живший во второй половине IV в. до н. э. Ему приписывается сочинение «О государственных устройствах» (περὶ πολιτειῶν), компиляция из «Политий» Аристотеля. Отрывочно и небрежно составленные кем-то выдержки из этого сочинения приводятся здесь. Ценность их двоякая: 1) как свидетельство о принадлежности нашего трактата Аристотелю, 2) как некоторое восполнение недостающих начальных частей трактата.

[2] Т. е. жителей Аттики.

законы для афинян, произвел также и отмену долгов, так называемую сисахфию. Но, так как некоторые досаждали ему относительно законов, он уехал в Египет. 6. Писистрат, пробыв тираном 33 года, умер стариком. Гиппарх, сын Писистрата, был легкомысленный, склонный к любовным похождениям и любитель муз, младший же, Фессал, кроме того и дерзкий. Несмотря на то, что он[1] был тираном, убить его не удалось, а убили его брата Гиппарха. А Гиппий стал править как тиран самым жестоким образом. 7. И он [2] предложил закон об остракисме, который был направлен против людей, стремящихся к тирании. В числе изгнанных остракисмом были Ксанфипп и Аристид. 8. Эфиальт...

<Кимон> предоставлял со своих полей собирать урожай желающим, из которых многих угощал обедами. 9. Клеон, взяв власть в свои руки, расшатал политический строй.

А еще более это сделали после него те[3], которые все переполнили беззаконием и погубили не менее 1 500 человек. После того как они были низвергнуты, во главе государства стояли Фрасибул и Ринон, человек прекрасный и честный. 10. Фемистокл и Аристид... Совет Ареопага имел большую силу.

11. Они [4] заботятся также и об улицах, чтобы кто-нибудь не застраивал их или не возводил над ними балконов. Равным образом назначают [5] и одиннадцать, на обязанности которых должно быть попечение об узниках в тюрьме. Есть еще и 9 архонтов... 6 фесмофетов, которые после проверки дают присягу править по справедливости и не брать взяток, в противном случае обязуются поставить золотую статую. Царь заведует жертвоприношениями и <полемарх> военными делами.

---

[1] Имеется в виду Гиппий (см. гл. 18, 3).
[2] Клисфен (см. гл. 22, 1).
[3] Олигархия Тридцати (см. гл. 35, 4).
[4] Дело идет о должности астиномов (см. гл. 50, 2).
[5] Разумеются члены Совета (см. гл. 52, 1).

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Богатый исторический материал «Афинской политии» Аристотеля может быть научным образом использован только при условии критического отношения к нему. А для этого требуется проверка его через сопоставление с другими материалами, а также через уяснение других точек зрения, существовавших у древних. Дать в руки учащихся такие научные средства — такова главная цель помещаемых ниже приложений. Подобранные тематически, они имеют в виду осветить путем сопоставления характерных отрывков главные моменты в изложении Аристотеля.

Поскольку задачей Аристотеля было описать современное ему государственное устройство Афин в процессе его развития, мы считали нужным сосредоточить внимание на главных пунктах этого процесса, как-то: на спорном вопросе о законодательстве Драконта, на законодательстве Солона, тирании Писистрата, изгнании Писистратидов, законодательстве Клисфена с его характерными частностями ввиде остракисма и учреждения коллегии десяти стратегов (приложения III, IV, VI—XI). Так как сам Аристотель много пользовался стихотворениями Солона, мы признали правильным дать перевод главных из сохранившихся отрывков из его стихотворений и дополнить таким образом приводимый там материал, а вместе с тем дать и возможно широкое представление о личности самого Солона (приложение V). Совершенно необходимым представлялось также осветить вопрос о тиранической попытке Килона, поскольку начальные строки папируса сохранили лишь окончание этой истории (приложение I). Труднее было положение с историей V в. Для характеристики экономических и политических условий этого времени и крупнейших деятелей нужно было бы использовать очень богатый материал из Фукидида, Ксенофонта, Плутарха, Аристофана, Лисия, Ан-

докида и др., не говоря уже о большом количестве надписей. Но это чрезмерно увеличило бы размер настоящего издания. К тому же этот материал в значительной степени уже был дан в книге «Древний мир в памятниках его письменности», ч. I[1]. С другой стороны, Фукидид, биографии Плутарха, Аристофан, Лисий имеются в полном переводе на русском языке (Ксенофонт только что вышел в новом переводе Лурье; прежний перевод Янчевецкого неудовлетворителен). Ввиду этого пришлось в отделе, касающемся V в., ограничиться самым основным: образование морского союза как основу афинской демократии мы даем по отрывкам из Плутарха и Фукидида (приложение XIV)[2]; кроме того казалось важным, хотя Аристотель и не останавливается на этом подробно, дать материал для характеристики личности самого Перикла и всей его эпохи (приложения XVI и XVII), а также всего демократического строя Афин, который особенно хорошо обрисовывается с двух противоположных точек зрения—в «Надгробном слове» Перикла (приложение XVIII) и в «Афинской политии» псевдо-Ксенофонта (приложение XXII). В этих же целях в дополнение ко второй части трактата (гл. 42) мы прилагаем тип гражданской присяги, в которой великолепно отражается идеология демократического строя (приложение XIX), а также рассуждение Эсхина (приложение XXI) о значении судебной формы—«жалобы на противозаконие» (γραφὴ παρανόμων), т. е. возможности обжалования даже принятого законопроекта, в чем он видит оплот демократического строя. Наконец характеристика судебных мест, ведающих делами об убийствах, дана отрывком из речи Демосфена против Аристократа (приложение XX); это может служить дополнением к гл. 57, 3 «Афинской политии» Аристотеля, а вместе с тем уяснить уголовное законодательство Драконта.

В заключение следует отметить, что все приводимые здесь переводы сделаны заново специально для настоящего издания, кроме отрывка из «Ос» Аристофана (приложение XVII), данного в переводе Корнилова («Ученые записки Казанского университета», № 10). 1900 г.

---

[1] *Д. А. Жаринов, Н. М. Никольский, С. И. Радциг* и *В. Н. Стерлигов*, Древний мир в памятниках его письменности, ч. II, изд. 1-е, М. 1916 г.; изд. 3-е, М. 1921 г.

[2] Период главенства Ареопага, который Аристотелем дается в освещении какого-то олигархического источника, мы иллюстрируем отрывками из речи Исократа (приложение XV), отражающей ту же точку зрения (интересный в этом отношении отрывок из «Эвменид» Эсхила см. «Древний мир», ч. II, стр. 176 и сл.).

I. КИЛОНОВА СМУТА

Фукидид, I, 126. Был некто Килон, победитель на Олимпийских играх, афинянин старинного рода, знатный и могущественный. Он был женат на дочери мегарца Феагена, который в то время был тираном над Мегарами. Когда Килон вопрошал оракула в Дельфах, бог изрек ему занять афинский Акрополь во время величайшего праздника Зевса. Тогда он, взяв войско у Феагена и подговорив своих друзей, когда наступили Олимпии в Пелопоннесе, захватил Акрополь, с тем чтобы сделаться тираном... Однако афиняне, увидев это, собрались из деревень поголовно на помощь против заговорщиков и, расположившись станом, стали их осаждать. Но,так как дело затягивалось на долгое время, большинство из афинян, наскучив осадой, ушло, а стеречь осажденных поручили девяти архонтам, давши им неограниченные полномочия уладить все дело так, как будут находить наилучшим (в то время большинство государственных дел исполняли девять архонтов). Осажденным приверженцам Килона приходилось плохо вследствие недостатка продовольствия и воды. Килону и его брату удалось убежать. Остальные же находились в таком тяжелом положении, что некоторые были при смерти от голода; ввиду этого они сели в качестве молящих к алтарю на Акрополе. Тогда те афиняне, которым поручено было их стеречь, видя, что они умирают в храме, предложили им выйти и обещали не делать им ничего худого, но на самом деле увели их и убили. С некоторыми же расправились, несмотря на то, что они по дороге сели к алтарю Почтенных богинь[1]. С тех-то пор и их самих и их род стали называть «нечестивцами» и преступными перед богиней. Изгоняли этих «нечестивцев» и сами афиняне, изгонял впоследствии и лакедемонянин Клеомен совместно с восставшей партией афинян[2], причем, изгоняя живых, вырыли из земли и выбросили также и кости умерших. Однако позднее они вернулись, и род их до сих пор существует в государстве.

Плутарх, Солон, 12. Оставшиеся в живых сторонники Килона снова сделались сильными и постоянно вели борьбу против потомков Мегакла. Но, в то время когда смута достигла высшей степени напряжения и народ разбился на партии, посредниками выступили Солон, уже пользовавшийся тогда известностью, и с ним благороднейшие из афинян; просьбами и разъяснениями он убедил этих так называемых «нечестивцев» от-

---

[1] Т. е. Эвменид (Эриний).

[2] В 508 г. до н. э. Клеомен пришел на помощь Исагору. См. *Аристотель*, Афинская полития, гл. 20.

даться на суд и передать свое дело на рассмотрение трехсот судей, избранных из благородных. Мирон из Флии выступал обвинителем, и нечестивцы были признаны виновными; живые были изгнаны, что же касается умерших, то трупы их были вырыты и выброшены за пределы страны. Вследствие таких смут, да кроме того вследствие нападения мегарцев афиняне потеряли Нисею и вторично были вытеснены с Саламина. Кроме того государство было подавлено какими-то страшными предчувствиями и видениями вследствие суеверной боязни, и, по словам гадателей, указывали на то, что грехи и нечестивые деяния требуют очищений. Ввиду этого-то прибыл к ним приглашенный с Крита Эпименид из Феста.

II. СОСТОЯНИЕ ГОСУДАРСТВА В ДРЕВНЕЙШИЕ ВРЕМЕНА

Павсаний, IV, 5, 10. В Афинах тогда[1] еще не было избираемых по жребию на год архонтов. Именно, только у потомков Меланфа, так называемых Медонтидов, народ сначала отнял наибольшую часть полномочий и из царской власти превратил их должность в ответственную власть, позднее же назначил им десятилетний срок пребывания в должности.

III. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ДРАКОНТА

Аристотель, Политика, II, 12, 13, p. 1274, в 15. Драконту принадлежат законы, но он их составил для существовавшего уже государственного строя. Особенного, что заслуживало бы упоминания, в этих законах нет ничего, разве только суровость их вследствие величины наказаний.

Постановление народного собрания в Афинах от 409/408 г. до н. э. (*Dittenberger*, Sylloge inscriptionum graecarum, ed. 3, n. 111).

Диогнет, фреарриец, был секретарем; Диокл был архонтом. Совет и народ решили: Акамантида исполняла пританские обязанности, Диогнет был секретарем, Эвфидик эпистатом. Ксенофан заявил: пусть закон Драконта об убийстве напишут на каменной плите секретари, ведающие запись законов, взяв его у секретаря Совета этой притании, и поставят перед царским портиком: полеты пусть сдадут на подряд по закону, а казначеи союзной казны выдадут деньги.

---

[1] Дело относится ко второму году девятой Олимпиады, значит к 743 г. до н. э.

Первый столб[1]... и если кто убьет кого-нибудь непредумышленно, он должен итти в изгнание; судить же должны цари[2] по обвинению в убийстве, или если кто станет обвинять кого-нибудь как умышлявшего убийство, а эфеты[3] должны разобрать. Примириться могут все совместно[4], если будет налицо отец или брат, или сыновья; иначе несогласный берет верх. Если таких родственников не окажется, тогда могут примириться родственники вплоть до родственников второй степени и до двоюродного брата, буде все согласятся на примирение, но должны при этом принести клятву. Если же из таковых никого не окажется, а убийство совершит человек непредумышленно и признает комиссия пятидесяти одного, именно эфеты, что он убил непредумышленно, тогда десять членов фратрии, буде пожелают, должны разрешить ему доступ в страну. Эти лица избираются комиссией пятидесяти одного из благородных. И те, которые ранее совершили убийства, должны подлежать этому закону. Объявить[5] о судебном преследовании совершившему убийство надлежит на площади всем родом вплоть до родственников второй степени и двоюродного брата; а преследование вести совместно—и двоюродным братьям, и их сыновьям, и зятьям, и тестям, и членам фратрии[6]. Если же кто-нибудь[7] убьет человекоубийцу или будет причиной убийства, он должен быть лишен права появляться на пограничной площади и участвовать в состязаниях и святынях амфиктионовских как убивший афинянина, и подлежать тем же самым запрещениям. А разбирать дело надлежит эфетам. Наоборот, разрешается убивать и арестовывать человекоубийц на их собственной земле[8], и это не должно налагать скверны и требовать

---

[1] Начало не сохранилось.

[2] Разумеются «цари фил» (φυλοβασιλεῖς). Вряд ли можно тут видеть, как Липсиус, архонта-царя.

[3] Особая комиссия Ареопага или при Ареопаге (ср. *Аристотель*, Афинская полития, гл. 57,4) из 51 члена.

[4] Дальнейшее место в надписи разбито и восстанавливается на основании речи Демосфена (XL, III, 57).

[5] Текст надписи разбит и место восстанавливается на основании цитаты из закона, приводимой Демосфеном (XL, III, 57).

[6] Начинается большой пробел, смысл которого повидимому передается в следующих словах Демосфена (XL, VIII, 72): «Закон повелевает выступать в качестве обвинителей родственникам вплоть до двоюродных (и под присягой спрашивать, в какой степени родства он состоит), и если это будет раб, и его жалобы должны иметь силу».

[7] Эта часть надписи, плохо сохранившаяся, восстанавливается на основании места у Демосфена (XXIII, 37), где этот закон цитируется.

[8] По закону, убийца не может оставаться в своем городе. Текст надписи здесь восстановлен на основании Демосфена (XXIII, 28).

искупления; в противном случае виновный должен в двойном размере выплатить за причиненный ущерб... зачинщика насилия... если кто убьет непредумышленно во время состязания или задавит на дороге, или убьет на войне, по недоразумению[1]... точно так же подлежит обвинению в убийстве, раз убьет раба или свободного[2]... если кто человека, насильственным образом пытавшегося беззаконно уносить или уводить неживое или живое имущество, тут же убьет в состоянии самозащиты, это убийство не подлежит наказанию[3]... Если кто—будь это должностное или частное лицо—будет повинен в повреждении или изменении этого закона, он подвергается лишению гражданской чести—и сам, и дети, и все его достояние [4].

IV. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СОЛОНА

Плутарх, Солон, 13. Афиняне после прекращения килоновой смуты и после описанного выше[5] удаления нечестивцев, опять возобновили прежнюю распрю из-за государственного порядка, причем государство разделилось на столько же партий, сколько в самой стране было различных по природе местностей. Именно, население диакрийцев было самым демократичным, наиболее олигархическим—население педиейцев[6]; третьи же—паралийцы[7],—предпочитая какой-нибудь средний и смешанный образ правления, служили помехой и не давали ни тем, ни другим взять верх. А так как в то время неравенство между бедными и богатыми достигло как бы наибольшей остроты, то государство находилось в совершенно неустойчивом положении и, казалось, могло стать прочно и избавиться от смуты только при том условии, если установится тирания. Надо иметь в виду, что весь народ был в долгу у богатых, так как или обрабатывал у них землю, платя за это шестую часть урожая[8],—эти люди назывались шестидольниками и фетами,—или, делая займы, подлежали

---

[1] Текст надписи почти совершенно разбит, смысл его восстанавливается по цитате у Демосфена (XXIII, 53).

[2] Место восстановлено по догадке.

[3] Восстановлено по цитате у Демосфена (XXIII, 60).

[4] Вся последняя часть почти совершенно разбита, но смысл ее восстанавливается по цитате у Демосфена (XXIII, 62). См. еще об устройстве судов по делам об убийствах—Аристотель, гл. 57, 3—4 и приложение XX.

[5] *Плутарх*, Солон, гл. 12 (см. выше, приложение I, стр. 121).

[6] У Аристотеля они называются «педиаки», т. е. «жители равнины».

[7] Т. е. «жители морского побережья».

[8] У Плутарха это только догадка, основанная на толковании термина «шестидольники» (ἑκτημόριοι, у Аристотеля—ἑκτήμοροι). Более правдоподобно толкование, что они сами получали только шестую часть.

личной кабале у своих кредиторов, причем одни были рабами на родине, другие были продаваемы на чужбину. Многим приходилось продавать даже собственных детей (этого не запрещал ни один закон) или бежать из отечества вследствие жестокости кредиторов. Но большинство, и притом самые сильные, стало действовать заодно, призывая друг друга не относиться к этому равнодушно, но избрать одного верного человека в качестве простата[1], освободить просрочивших свои долги, произвести передел земли и вообще изменить государственный строй.

14. Вот тут-то наиболее благоразумные из афинян, видя, что Солон—единственный человек, непричастный ни к каким злоупотреблениям, и что он с богатыми не был сообщником в их несправедливостях, но и не испытывал тяжелого положения бедняков, просили его заняться общественными делами и прекратить раздоры. Однако лесбосец Фаний[2] рассказывает, что Солон сам употребил обман против тех и других для спасения государства и тайно обещал бедным раздел, богатым же обеспечение долговых обязательств. Но сам Солон говорит, что он сначала колебался взять в свои руки управление и притом боялся «как сребролюбья людей, так и надменности их»[3]. Он был избран архонтом после Филомброта[4] в качестве примирителя и законодателя одновременно, причем богатые его охотно приняли как зажиточного, а бедные как честного. Говорят также, что какое-то выражение его, будто равенство не вызывает войны, передавалось из уст в уста и пришлось по душе как зажиточным, так и бедным, причем одни ожидали, что получат соответственное заслугам и способностям, другие же—по определенной мере и числу. Вследствие этого обе стороны преисполнились большой надежды и руководители их настоятельно предлагали Солону тиранию и убеждали смелее взять в свои руки дела государства, сделавшись полновластным. Многие даже из средних граждан, видя, что добиться перемены путем разумных доводов сопряжено с хлопотами и затруднениями, были не прочь передать руководство государством одному справедливейшему и благоразумнейшему мужу. А некоторые говорят даже, что Солону было следующее прорицание в Пифо[5]:

Кормчего дело, афинский народ тебе в деле помощник,
Ныне воссядь посреди корабля, исполняя спокойно.

---

[1] Простат—греческий термин в смысле «патрон», «заступник».
[2] Фаний—историк, ученик Аристотеля, уроженец Эресы на Лесбосе.
[3] Эта цитата приведена у *Аристотеля*, «Афинская полития», гл. 5, 3.
[4] Т. е. в 594/593 г. до н. э.
[5] Т. е. в Дельфах оракула Аполлона (ср. название жрицы—пифия),

Особенно же бранили его друзья за то, что он из-за названия гнушается единоличной власти, как будто не от добродетели самого взявшего зависело бы сейчас же превратить ее в царское правление и как будто уже прежде она не существовала у эвбейцев, когда они избрали в качестве тирана Тиннонда[1], а теперь у митиленцев, когда они избрали Питтака. Ни одно из таких соображений не заставило Солона изменить свое убеждение, но друзьям своим он, говорят, ответил, что «тирания—это хорошая крепость, только выхода из нее нет». В стихотворении же к Фоку [2] он говорит:

. . . Если ж родину свою
Пощадил я, тирании и жестокой силы с ней
Не забрал, своей же славы не позорил, не сквернил,
В том не каюсь: так скорее я надеюсь победить
Всех людей.

Из этого ясно, что уже и до издания законов он имел великую славу. А насчет того, что говорили многие, смеясь над ним, когда он отказался от тирании, то об этом он пишет так:

Не был, нет, Солон глубоким, не был мудрым он совсем:
Счастье бог давал ведь в руки, он же сам его не взял.
Окруживши сетью рыбу, он от радости не смог
Тони вытянуть великой, ум и смелость потеряв.
Я[3] ж охотно, лишь бы власть мне и казны побольше взять
Да тираном день хоть только над Афинами побыть,
Дал с себя содрать бы шкуру и весь род свой погубить.

15. Такое рассуждение относительно себя он влагает в уста толпы и людей пустых. Однако, отвергнув тиранию, он не проявил слабохарактерности в делах и издал законы без мягкости и без уступок в пользу могущественных или в угоду избравшим. Но где дело обстояло благополучно, там он не прибегал к лечению или преобразованию из боязни, как бы—

Совершенно все смешавши и смутивши город весь,
Слишком слабым не явиться, чтоб порядок водворить
И устроить в государстве, все ко благу приведя.

В тех же случаях, когда надеялся добиться от людей повиновения путем уговоров и принуждением, там он действовал, по его выражению:

Закона властью силу с правдой сочетав [4]

Поэтому впоследствии, когда его спросили, написал ли он

---

[1] Личность, нам неизвестная.
[2] Личность, нам неизвестная.
[3] Слова одного из критиков Солона
[4] См. *Аристотель*, Афинская полития, гл. 12, 4; стр. 16.

афинянам самые лучшие законы, он отвечал: «Самые лучшие из тех, какие они могли принять». Если же позднейшие говорят про афинян, что они неприятные стороны вещей остроумно смягчают, прикрывая их хорошими и благородными названиями, проституток называя гетерами[1], дань—взносами, гарнизоны в городах—охраной, тюрьму—домом, то повидимому Солон был первым, кому принадлежало изобретение назвать отмену долгов «сисахфией» [2]. Эту политическую меру он пустил в ход первою, предложив отменить существующие в данное время долги, а впредь запретив обеспечивать ссуду личной кабалой. Впрочем некоторые, и в их числе Андротион[3], писали, что бедные удовольствовались тем, что получили облегчение не в виде отмены долгов, а в виде умеренной высоты процентов, и сисахфией назвали это гуманное мероприятие и произведенное одновременно с ним увеличение мер и расценку монеты. Именно он сделал мину из 100 драхм, которая прежде стоила 73, так что, когда возвращали по счету то же самое количество, по значению же меньшее, плательщики значительно выигрывали, но получающие нисколько не теряли. Однако большинство говорит, что сисахфия была отменой вообще всех долговых обязательств, и с этим более согласуются его стихотворения. Именно, Солон в них выражает свою гордость тем, что с земли, прежде заложенной, снял

Столбов поставленных он много долговых—
Рабыня прежде, ныне же свободная[4].

И из граждан, попавших в кабалу из-за денег, одних он вернул с чужбины,

уж забывших речь
Аттическую—странников таков удел,—
Иных еще, в позорном рабстве живших здесь[5],

освободил, говорит он. Между тем с ним случилось, как говорят, чрезвычайно прискорбное обстоятельство из-за этой меры. Именно, когда он задумал произвести отмену долгов и подыскивал подходящие основания и приличное начало, он сообщил тем из друзей, которым более всего доверял и с которыми более всего имел дело—из кружков Конона, Клиния и Гиппоника, что

---

[1] Ἑταῖραι—буквально «подруги».
[2] «Сисахфия» (σεισάχθεια)—буквально «снятие бремени».
[3] Автор «Атфиды» (История Аттики), ученик Исократа в середине IV в. (см. «Введение»).
[4] См. *Аристотель*, Афинская полития, гл. 12, 4.
[5] Из того же стихотворения.

землю он не собирается трогать, но решил произвести отмену долгов. Те сейчас же поспешили прежде выхода этого закона занять большую сумму денег у богачей и скупили большие земельные участки. Потом, когда вышло постановление, имущество осталось в их пользовании, денег же они не стали выплачивать кредиторам. Это навлекло серьезные обвинения и клеветы на Солона, как будто он не сделался вместе с другими жертвой мошенничества, а, наоборот, сам принимал в этом участие. Однако это обвинение сейчас же было опровергнуто суммой в пять талантов; это была та сумма, которую, как оказалось, он дал взаймы, и ее он первый же отпустил по закону. Некоторые же—в том числе родосец Полизел[1]—называют сумму в 15 талантов. Этих друзей его так всегда и называли хреокопидами[2].

16. Солон не угодил ни той, ни другой партии, но разочаровал и богатых тем, что упразднил долговые обязательства, и еще более бедных тем, что не произвел передела земли, как они надеялись, и не уравнял совершенно, как Ликург, всех по образу жизни...[3]. Солон этого не осуществил в своем государственном устройстве, будучи приверженцем народа и человеком среднего положения, но не сделал ничего, не соответствовавшего наличным силам, руководясь только желанием и доверием к нему сограждан. О том, что он не удовлетворил большинства людей, ожидавших другого, об этом он сам говорит:

Но тогда они ошиблись, а теперь, сердясь за то,
На меня косые взгляды мечут все, как на врага[4].

Но он прибавляет, что, если бы кто-нибудь другой получил такую же силу,

Народа б не сдержал и не отстал бы сам,
Пока не сбил бы масла, снявши молоко[5].

Однако вскоре, увидав пользу и оставив личные нарекания, устроили общее жертвоприношение, назвав это жертвоприношение сисахфией, и Солона назначили исправителем государственного строя и законодателем и поручили ему не ту или другую лишь область, но все решительно: определить высшие государственные должности, народные собрания, суды, советы, ценз

---

[1] Историк, время жизни которого неизвестно.
[2] Название явно позднейшего происхождения, по образцу гермокопидов—низвергателей герм—процесс в 415 г.
[3] Выпускаем место о Ликурге.
[4] См. *Аристотель*, Афинская полития, гл. 12, 3.
[5] Там же, гл. 12, 5.

для каждого из этих учреждений, число их и срок действия, упраздняя и сохраняя из наличного и существующего то, что найдет нужным.

17. Итак, прежде всего он отменил законы Драконта, все, кроме законов об убийствах...

18. Во-вторых, Солон, желая оставить все высшие должности, как это и было раньше, за состоятельными людьми, а остальное управление, в котором народ не имел участия, распределить между всеми, принял имущественную расценку граждан и людей, получающих в сухих и жидких продуктах вместе пятьсот мер, поставил на первое место и назвал пентакосиомедимнами, на второе место людей, которые могут содержать коня или получать триста мер,—этих называли принадлежащими к всадническому разряду; граждане, относящиеся к третьему разряду по цензу, у которых состояние измерялось доходом в двести мер того и другого, получили название зевгитов. Все же прочие назывались фетами; им он не дал занимать никакой высшей должности, но их политические права выражались лишь в том, что они принимали участие в народном собрании и в суде. Это право с самого начала представлялось ничтожным, но впоследствии оказалось чрезвычайно важным, потому что большинство спорных дел поступало на рассмотрение судей. Дело в том, что одинаково и по всем делам, по которым он определил судить высшим должностным лицам, он предоставил желающим право подавать апелляцию в суд. Говорят также, что он написал законы довольно неясно и с множеством спорных пунктов и через это увеличил значение судов, потому что, когда люди не могли разрешить своей тяжбы по законам, им приходилось каждый раз обращаться к судьям и направлять всякое разногласие на их усмотрение, так что они становились до некоторой степени выше законов. Он сам подтверждает за собой значение этого дела в следующих выражениях:

Да, я народу почет предоставил, какой ему нужен,
Не сократил его прав, не дал и лишних зато;
Также подумал о тех я, кто силу имел и богатством
Славился,—чтоб никаких им не чинилось обид.
Встал я, могучим щитом своим тех и других прикрывая,
И никому побеждать не дал неправо других[1].

Далее, полагая необходимым оказывать помощь большинству народа в его слабости, предоставил право каждому привлекать виновных к ответственности в защиту пострадавшего. На-

[1] См. *Аристотель*, Афинская полития, гл. 12, 1.

пример, если другой человек был избит и подвергся насилию или потерпел ущерб, предоставлялось всякому, кто может и хочет, подавать жалобу на обидчика и привлекать его к суду: законодатель правильно приучал граждан, как бы людей одной судьбы, иметь сочувствие друг к другу и разделять чужое горе. Упоминают и его слова, находящиеся в согласии с этим законом. Именно, когда его, как естественно, спросили, в каком государстве жизнь устроена всего лучше, он ответил: «В таком, где за обижаемых не менее их самих вступаются и наказывают обидчиков люди, не задетые этим лично».

19. Солон образовал совет на Аресовом холме из ежегодного состава архонтов и в этом совете стал принимать участие и сам как бывший архонт. Затем, видя, что народ становится кичливым и впадает в дерзость под влиянием отмены долгов, он учредил еще второй совет, предоставив выбирать для этого по сто человек из каждой филы, которых было четыре. Этому совету он назначил составлять предварительные решения для народа и не допускать вносить в народное собрание каких-либо предложений без предварительного обсуждения их в его составе. А верхний совет он посадил в качестве наблюдателя за всеми делами и стража законов, думая, что государство при двух советах, как корабль, стоящий на двух якорях, менее будет страдать от бури и что народ будет чувствовать себя спокойнее. Большинство утверждает, как было уже сказано, что совет Ареопага учредил Солон. И, по их мнению, в пользу этого говорит более всего то, что Драконт нигде не упоминает и не называет ареопагитов, но всегда по делам об убийствах обращается к эфетам. Однако тринадцатый столб [1] Солона имеет восьмой закон, формулированный следующим образом в дословной передаче: «Кто из людей, лишенных гражданской чести, подвергся этому лишению чести в годы, предшествовавшие архонтству Солона, восстанавливается в правах за исключением только тех, которые в пору издания этого закона находились в изгнании, осужденные судом Ареопага или у эфетов, или в Пританее [2] под председательством царей [3] за смертоубийство, или учинение резни, или за тиранию». Это, наоборот, показывает, что до архонтства и законодательства Солона совет Ареопага уже существовал. В самом деле, кто же

---

[1] Имеются в виду те плиты, на которых были вырезаны законы. См. выше.

[2] О Пританее см. *Аристотель*, Афинская полития, гл. 3, 5; 24, 3; 62, 2.

[3] Имеются в виду скорее всего «цари фил» (см. к законам Драконта приложение III).

были эти осужденные в Ареопаге до Солона, если впервые Солон предоставил совету Ареопага право суда? Или, может быть, тут есть какая-нибудь неясность выражения или пропуск чего-нибудь и надо понимать дело так, что должны были оставаться лишенными чести, когда остальным были возвращены права, люди, осужденные за преступления, по которым теперь, когда появился этот закон, судят ареопагиты и пританы? Об этом уже суди сам.

20. Из остальных его законов особенно своеобразным и странным является тот закон, который повелевает, чтобы был лишен гражданской чести человек, не примкнувший во время смуты ни к той, ни к другой партии. Но он хочет, как кажется, чтобы никто не относился равнодушно и безучастно к общим интересам, оградив от опасности личное достояние и отговариваясь тем, что не разделяет горя и страданий своей родины; он хочет, чтобы всякий немедленно примкнул к тем, которые преследуют лучшие и более справедливые цели, делил с ними опасности и помогал им, а не выжидал в безопасности того, что предпишут победители.

Странным и смешным представляется закон, который женщине-наследнице, в случае если человек, ставший по закону ее властелином и главою, окажется неспособным к сожительству, дает право вступать в связь с ближайшими родственниками мужа. Некоторые говорят, что это и правильно по отношению к тем, которые, будучи неспособны к сожитию, берут в жены наследниц ради денег и, пользуясь законом, насилуют природу. Именно, они будут видеть, что наследница вступает в связь с кем хочет, и тогда или откажутся от брака, или будут продолжать его в позоре, терпя наказание за корыстолюбие и надменность. Хорошо тут также и то, что наследница может вступать в связь не со всеми, а с кем-нибудь из родственников мужа по собственному выбору, потому что в таком случае родившийся ребенок будет не чужой, а принадлежащий к этому роду.

21. ...Солон прославился также и законом о завещаниях. Прежде это было невозможно, но имущество и домашнее хозяйство должны были оставаться в роде умершего; он же предоставил право всякому отдать свое имущество кому хочет, если только у него нет законных детей; он дружбу почтил выше, чем родство, и личное расположение, выше, чем обязанность, и сделал имущество достоянием собственников. Правда, опять-таки он допустил дарение не без оговорок и не безусловно, а с ограничением: «Буде не действовал в состоянии болезни, не был околдован зельем, не был заключен в оковы, или не был вынужден

необходимостью, или не находился под влиянием женщины». Он хорошо и совершенно правильно признавал, что согласие, данное вопреки настоящим интересам, нисколько не отличается от принуждения, но поставил на один уровень обман и необходимость, мученье и удовольствие, видя, что они могут ничуть не меньше повредить рассудок у человека.

22. Солон видел, что город наполняется вечно людьми, стекающимися свободно отовсюду в Аттику, но что земля в большей части страны бесплодная и плохая, люди же, приезжающие по морю, обычно ничего не привозят, поскольку местные жители ничего не могут им дать в обмен. Поэтому-то он заставил граждан обратиться к ремеслам и написал закон о том, что сын не обязан содержать отца, если отец не обучил его ремеслу... Солон приспособлял скорее законы к жизни, чем жизнь к законам, и, видя, что природа страны скудно удовлетворяет земледельцев, а не имеющую занятий и праздную толпу не может содержать, на ремесла обратил серьезное внимание и Ареопагу поручил наблюдать за тем, откуда каждый человек получает средства к жизни, и наказывать не имеющих занятий...

24. Из урожая своей страны продавать иноземцам Солон разрешил только плоды маслины, все другое вывозить запретил и вменил в обязанность архонту произносить проклятие против тех, кто стал бы вывозить, под страхом в противном случае самому платить в казну штраф в сто драхм[1].

Аристотель, Политика, II, 9, 2, p. 1273, в 35—1274, а 21. Солона некоторые считают хорошим законодателем. Он, как говорят, низверг олигархию, которая была в то время чрезмерная, избавил от рабства народ и установил демократию «по заветам отцов», удачно установив смешанный строй: именно, Ареопаг есть олигархическое учреждение, замещение должностей по выборам—аристократическое, суд присяжных—демократическое. Солон повидимому не упразднил существовавших прежде учреждений—совета Ареопага и избрания должностных лиц, но установил демократию тем самым, что сделал суды присяжных из всего состава граждан. Вот поэтому-то некоторые и обвиняют его: он, говорят они, упразднил и первое, когда предоставил над всем власть суду, поскольку суд набирается по жребию. Именно, когда суд приобрел силу, тогда народу как тирану стали угождать и наконец превратили политию в со-

[1] Плутарх (гл. 23) дает интересное сопоставление ценностей: стоимость овцы и медимна хлеба исчисляется в одну драхму (около 40 коп.).

временную демократию[1]. Затем, значение Ареопага подорвали Эфиальт и Перикл, а за участие в судах ввел плату Перикл, и потом демагоги один за другим, действуя этим способом, постепенно развивали дело и довели до теперешней демократии. Однако повидимому это произошло независимо от намерений Солона, но скорее в силу стечения обстоятельств: народ, сделавшись виновником морского главенства во время мидийских войн, возгордился и взял себе в качестве демагогов ничтожных людей, несмотря на противодействие людей благонамеренных. Что же касается Солона, то он повидимому имел в виду дать народу только самую необходимую силу—именно право избирать и контролировать должностных лиц; без этих прав народ был бы в положении раба и настоящим врагом. Государственные должности он все предоставил занимать только людям из знатных и богатых—из пентакосиомедимнов и зевгитов и так называемого всадничества; четвертый же класс—феты—не имел доступа ни к какой высшей должности.

V. СТИХОТВОРЕНИЯ СОЛОНА[2]

1

К самому себе

О, пиерийские Музы, о, вы, Мнемосины и Зевса
 Славные дщери, моей ныне внемлите мольбе.
Счастие мне от блаженных богов в обладание дайте
 И от людей ото всех добрую славу иметь,
Сладостным быть для друзей, для врагов же быть горьким мне [дайте,
 Тем уваженье внушать, этим же ужас один.
Также стремлюсь и богатство иметь, но владеть им нечестно
 Я не хочу: наконец Правда ведь все же придет.
Ежели боги богатство дадут, оно прочным бывает
 От глубочайших корней вплоть до вершины самой.
Если же дерзостью люди берут, то приходит нестройно,
 Несправедливым делам будет служить и тогда
Против желанья. Но быстро приходит беда роковая.
 Малым начнется она, точно от искры огонь.

---

[1] Надо иметь в виду терминологию Аристотеля: «политией» он называет правильный республиканский строй, умеренную демократию, а «демократией»—то, что позднее стали называть «охлократия»—господство «черни».

[2] Поскольку «Афинская полития» Аристотеля посвящает большое внимание реформам Солона, пользуясь в значительной степени материалом его поэзии, считаем нужным дополнить отдел о Солоне некоторыми из сохранившихся фрагментов (отрывков), которые освещают его законодательство. Точный стихотворный перевод их дается по тексту в изд. *Diehl*, Anthologia lyrica graeca, v. I, Lipsiae 1925.

Слабой бывает сперва, а кончается скорбью великой,
Ибо недолго дано смертным обиды творить.
Но замечает конец всего Зевс и внезапно карает:
Как разгоняет весной быстро с небес облака
Ветер, который, в бурливой пучине бесплодного моря
Самую глубь взволновав, на хлебородной земле
Опустошает прекрасные нивы, приходит на небо
Ввысь ко престолу богов и проясняет лазурь—
Сила ж прекрасная солнца над тучной сияет землею,
И уж ни облачка вновь больше не видно нигде:
Так и от Зевса приходит возмездье, но гнев не во всяком
Деле так быстр у него, как то у смертных людей.
Нет, никогда от него не укроется, чей тем проклятьем
Дух одержим; все равно въяве раскроется все.
Этот казнится сейчас, тот позднее, но если избегнут
Сами и воля богов не совершится теперь,
Все же возмездье придет: неповинные после страдают—
Дети ли этих людей, или позднейший их род.
Смертные—добрый, худой ли—мы все одинаково мыслим;
Каждый из нас до тех пор мнит себя мудрым во всем,
Горе пока не случится; тогда он и плачет, дотоле ж
Мы наслаждаемся все, льстяся надеждой пустой.
Кто от болезней лихих исстрадается телом и духом,
Думает вечно, что он станет здоровым опять.
[Низкий душой человек сам за доброго мнит себя мужа;
Мнит и красавцем себя, кто и лицом не пригож[1]].
Если иной небогат и томится от бедности тяжкой,
Все же мечтает всегда деньги большие иметь.
Ищут по-разному все: тот по рыбообильному морю
Плавает на кораблях, думая в дом привезти
Прибыль; он носится всюду, ветрами по свету гонимый,
И не жалеет ничуть собственной жизни нигде;
Этот батрачит год за год, взрывая садовую землю;
Будет иному удел— плугом работать кривым;
Тот же искусство Афины и мастера, бога Гефеста[2],
Тонко усвоив, рукой хлеб добывает себе.
Также и тот, кто от Муз олимпийских дары их воспринял
И в совершенстве постиг знанье желанное их;
Сделал иного пророком сам царь Аполлон-дальновержец;
Может задолго узнать тот о грядущей беде,
Коему боги сопутствуют сами; судьбы же решений
Не отвратит уж никто, как ни гадай, ни молись;
Мужи иные—врачи и владеют искусством Пеона[3],
Зелий владыки, но им также открыто не все,
Часто от малой болезни тяжелая мука бывает,
И не находит никто зелий, чтоб муки смирить.

---

[1] Заключенные в квадратные скобки стихи признаются неподлинными.

[2] Афина чтилась как покровительница ремесла, женских рукоделий, ткачества и гончарного дела; Гефест считался богом-кузнецом.

[3] Пеон—бог-целитель. Это прозвище перенесено потом на Аполлона и Асклепия.

А иногда одержимого лютым, тяжелым недугом
Врач, лишь коснувшись рукой, вдруг исцеляет вполне.
Смертным Судьба и худое и доброе в жизни приносит,
Все же, что боги дают, нам неизбежно всегда.
Всякому делу опасность присуща, никто не предвидит,
Дело едва лишь начав, как оно после пойдет.
Часто иной, помышляя о лучшем, предвидеть не может
И в роковую беду тяжкую вдруг попадает.
Тот же и худо творит, но во всем ему бог посылает
Счастье; спасенье дает от неразумья ему.
Ясных пределов нигде не положено людям в наживе.
Кто между нами сейчас разбогател больше всех,
Вдвое еще тот стремится. И кто же насытить всех мог бы?
Людям иным и дают вечные боги корысть,
Но от нее только погуба им, и, когда ее людям
Зевс в наказанье пошлет, гибнут один за другим.

2

Саламин

Плутарх, Солон, 8. Когда жители города измучились от продолжительной и тяжелой войны с мегарцами из-за острова Саламина и даже издали закон, запрещавший под угрозой смертной казни писать предложения или заявлять снова о том, чтобы государство пыталось вернуть Саламин, Солон скорбел об этом позоре. Видя, что многие юноши нуждаются только в руководителе для ведения войны, сами же не смеют начать дело в силу закона, он притворился сумасшедшим, и из его дома по городу распространилась молва, что он лишился рассудка. Тайно сочинив элегию и разучив ее, чтобы произнести наизусть, Солон вдруг выбежал на площадь в войлочной шляпе на голове. Когда сбежалась большая толпа народа, он взошел на камень глашатая и пением исполнил элегию, которая начинается следующими словами:

Сам я глашатаем к вам с Саламина желанного прибыл;
Песнь, украшение слов, вместо витийства принес[1].

Это стихотворение озаглавлено «Саламин» и состоит из ста стихов. Сочинение это весьма красиво.

Лучше бы на Фолегандре родиться мне иль на Сикине[2],
А не в Афинах, иной родины сыном мне быть.

---

[1] В подлиннике игра слов: ἀγορή—речь на площади (витийство) и товар, продаваемый на рынке.

[2] Фолегандр и Сикин—маленькие островки на Эгейском море.

Скоро такая молва разойдется, пожалуй, по свету;
Скажут: из Аттики он, предали где Саламин.

На Саламин поспешимте, сразимся за остров желанный,
Чтобы скорее с себя тяжкий позор этот снять.

Диоген Лаэртский, 1,46. Тут снова афиняне начали войну с мегарцами и победили их благодаря Солону.

3

Наставления афинянам

Нет, никогда, никогда не погибнет наш город родимый
Волею Зевса и всех вечных, блаженных богов:
То ведь Паллада-Афина, заступница крепкая наша,
Бога великого дочь, длани простерла над ним.
Но неразумьем своим сами граждане город великий
Ввергнуть в погибель хотят ради корысти одной.
И у народных вождей преисполнены думы лукавства.
Горестей много их ждет ради надменности их.
Спеси своей ведь они подавлять не умеют и радость,
Данную ныне, венчать в тихом кругу за столом.
Только о деньгах мечты их, владеть, хоть нечестно, стремятся[1].
И богатеют они, злым предаваясь делам.
Сытость—надменности мать, коль приходит богатство большое[2].
Тут не щадят ничего, ни из сокровищ святых,
Ни из народных богатств; они грабят откуда придется,
И не боятся совсем Правды уставов святых.
Ведает молча она настоящее все и былое,
Но, хоть и поздно, придет дать воздаяние всем.
Это-то граду всему и приносит удар неизбежный.
В тяжкое рабство затем вскоре же он попадет.
Рабство ж гражданскую смуту и брань ото сна пробуждает
Ту, что у многих людей юность златую возьмет.
Ведь супостатов руками терзается город желанный
В страшных кровавых боях, милых злодеям одним.
Эти несчастья в отчизне творятся; из бедного ж люда
Много в чужую страну вдаль поневоле идет,
Проданных в тяжкое рабство, влачащих позорные цепи,
И поневоле несут горькую долю рабов[3].
Так это общее горе уж к каждому в дом тут приходит,
Но дворовые врата путь преграждать не хотят.
Стену высокую в миг перепрыгнет и всюду настигнет,
Хоть бы ты в доме своем в дальний покой убежал.
Вот что поведать велит мое сердце народу афинян:
Ведь беззаконье несет городу множество бед;

---

[1] Этот стих не сохранился и восстанавливается по догадке.
[2] Этот стих не сохранился и дополнен из другого места.
[3] Стих плохо сохранился в рукописях,

Где же законность царит, там порядок с согласьем бывает;
Да и преступным она на ноги путы кладет;
Грубость смягчает, смиряет надменность, насилие губит,
Бедствий цветок роковой сушит, не давши расцвесть.
Правду в неправых судах водворяет, дела дерзновенья
Сгладить умеет она и прекращает раздор.
Злобу жестокой вражды погашает она, и повсюду
Мудрость царит меж людьми вместе с согласьем при ней.

4

Плутарх, Солон, 3. Что Солон себя причислял скорее к партии бедных, чем богатых, видно из следующих стихов:

Много людей и худых богатеет, а добрые—бедны.
Но у худых ни за что не променяем своей
Доблести мы на богатство: она ведь при нас неизменно,
Деньги ж сегодня один, завтра захватит другой.

5

Плутарх, Солон, 25. Желая избегнуть неприятности и нареканий сограждан,—

В этих великих делах трудно на всех угодить,—

как сам он говорит,—под предлогом морских предприятий он выхлопотал себе у афинян разрешение удалиться на десять лет и отправился в путешествие...

6

Плутарх, Солон, 26. Прежде всего он прибыл в Египет и проживал там некоторое время, как сам он говорит:

Возле владения Нила, вблизи берегов Канобиды[1].

7

Плутарх, Солон, 26. Филокипр[2] переименовал в честь Солона город, называвшийся прежде Эпией, по его имени Солами. И сам он упоминает об этой колонии. Обращаясь в своей элегии к Филокипру, он говорит:

Ныне ты здесь, над солийцами царствуя долгие годы,
В городе сем обитай средь поколений своих.
Мне же Киприда да даст, что в венце из фиалок сияет,
С острова славного плыть здравым на быстрой ладье.

---

[1] Место по имени города Каноба, у западного устья Нила.
[2] Филокипр—царь Кипра.

За устроение ж града мне милость с великою славой
Да ниспошлет и возврат в землю родную мою.

8

Диоген Лаэртский, I, 51. Когда Солон узнал, что Писистрат сделался уже тираном, он написал афинянам следующее:

Если беда вас постигла по слабости вашей постыдной,
То и богов обвинять нечего вам за нее.
Сами ведь этих людей вы усилили, дав им защиту[1],
И получили за то рабство лихое в удел.
Каждый из вас в одиночку лисиною поступью ходит;
Вместе же всех коль возьмешь, разумом слабы совсем.
Вы на язык лишь глядите и речи лукавого мужа,
Но не глядите совсем, что происходит кругом.

9

Диоген Лаэртский, I,49. Солон пришел в народное собрание с копьем и щитом и не только предупредил их о замыслах Писистрата, но и сказал, что готов притти им на помощь, прибавив: «Афиняне, одних из вас я превосхожу умом, других—мужеством; умнее тех, которые не понимают обмана Писистрата, мужественнее тех, которые знают это, но молчат из боязни»[2]. Совет, состоявший из приверженцев Писистрата, ответил, что Солон выжил из ума. По этому поводу Солон сказал следующее:

Да, о безумье моем разъяснит недалекое время
Гражданам нашим, когда истина въяве придет.

10

Диоген Лаэртский, I,49. Элегия, в которой Солон предупреждал относительно тирании Писистрата, была следующая:

Туча рождает великую силу и снега и града,
Гром начинает во след молнии яркой греметь.
Гибнет от сильных людей государство. Единому мужу
По неразумью народ в тяжкое рабство попал.
Если возвысится слишком, потом нелегко его будет
Нам обуздать, но сейчас надо подумать о всем.

11

Плутарх, Солон, 3. В своих представлениях о природе Солон имеет простой и старинный взгляд, как видно из следующего:

---

[1] Намек на охрану телохранителей-«дубинщиков», которые были даны Писистрату (см. *Аристотель*, Афинская полития, гл. 14, 1; ср. там же, гл. 14, 2 об отношении к нему Солона).

[2] Ср. *Аристотель*, Афинская полития, гл. 14, 2.

Ветром волнуется море, когда же ничто не волнует
Глади морской, тогда нет тише ее ничего.

12

Плутарх, О любви, 5, p. 751 bcd. Кстати, клянусь Зевсом, упомянул ты о Солоне и надо брать его за образец влюбленного:

Если пылает кто страстью, во цвете красы своей юной,
Бедр красотою прельщен, сладкою нежностью уст.

13

Платон, Лисид, p. 212 e.

Счастлив, имеет кто милых детей и коней быстроногих,
Также охотничьих псов, гостя в чужой стороне.

14

Плутарх, Солон, 2. Солон не восторгался богатством, но говорил:

Равно богаты те люди—и кто серебро в изобильи
С златом имеет, поля на хлебородной земле,
Коней и мулов еще, но и тот, кто одно только может—
Чреву, бокам угождать, холить и ноги свои,
Также красой наслаждаться, наступит когда тому время,
Юноши или жены: впору оно молодым.
Вот в чем богатство для смертных: избытков своих всех с собою
Не унесет ведь никто, в царство Аида сходя;
Хоть бы и выкуп давал ты, избегнуть не можешь ты смерти,
Тяжких болезней и злой старости, коль подойдет.

15

Стобей, 4, 34:

Да и счастливым никто из людей не бывает, но жалки
Смертные все на земле—солнце кого только зрит.

VI. ПИСИСТРАТ

Геродот, I, 59. Когда Гиппократ в качестве частного лица прибыл посмотреть на Олимпийские игры, у него случилось великое чудо. Едва он принес жертву, как стоявшие готовыми котлы с мясом и с водой закипели без огня, и содержимое полилось через край. Присутствовавший при этом лакедемонянин Хилон, увидав это чудо, посоветовал Гиппократу или вовсе не брать себе в дом жены, способной родить ему детей, или, если он уж женат, отпустить жену и, если у него есть уж сын, отречься от него. Однако Гиппократ будто бы не хотел послушаться

такого совета Хилона. И вот родился у него после этого тот самый Писистрат, который во время политической борьбы в Афинах между жителями Побережья и жителями Равнины—во главе первых стоял Мегакл, сын Алкмеона, во главе жителей Равнины—Ликург, сын Аристоланда—задумал сделаться тираном и составил третью партию. Собрав приверженцев и провозгласив себя предводителем горного населения, он задумал такого рода дело. Поранив себя и своих мулов, он приехал в повозке на площадь так, как будто только что спасся от врагов, которые якобы хотели убить его, когда он ехал в деревню, и под этим предлогом он просил народ, чтобы дали ему какой-нибудь отряд телохранителей. Он уже прежде составил себе известность во время похода, предпринятого против мегарцев, когда взял Нисею[1] и совершил еще другие крупные дела. Народ афинский, поддавшись на хитрость, удовлетворил его ходатайство и набрал ему отряд из граждан. Это были у Писистрата не копейщики, а дубинщики: они провожали его, идя позади с деревянными дубинами. Эти люди, подняв восстание с Писистратом во главе, заняли Акрополь. И вот тогда Писистрат стал править Афинами. При этом он не только не нарушил существовавшего управления в государстве, но и не изменил законов, а правил государством на основании установившихся порядков, устраивая его прекрасно и ко благу.

60. Однако, спустя недолгое время, сторонники Мегакла и Ликурга, достигнув соглашения между собой, изгоняют его. Так Писистрат в первый раз захватил власть над Афинами, и он потерял тиранию, так как она не успела еще прочно укорениться в его руках. Между тем среди изгнавших Писистрата снова начались попрежнему раздоры. Поставленный в безвыходное положение противной партией[2], Мегакл завел сношения с Писистратом через герольда, предлагая Писистрату, не хочет ли он взять замуж его дочь, с тем чтобы сделаться тираном. Писистрат принял предложение и согласился на эти условия. Тогда они, чтобы устроить ему возвращение, затевают дело, далеко превосходящее, на мой взгляд, своей наивностью все остальное: уже с давних пор греческое племя обособилось от варварского[3] как более сообразительное и более свободное от

[1] Нисея—гавань Мегар.

[2] В подлиннике: τῇ στάσι. Обычно толкуют это: «своей собственной партией». Но такое толкование непонятно: судя по дальнейшему рассказу, Мегакл имел все-таки сторонников.

[3] Имеется в виду народ, который, по мнению греков, ранее их жил в Греции,—пеласги.

первобытной наивности, а они тут затевают такую хитрость с афинянами, считавшимися за первых по разуму среди греков. В Пеанийском деме была одна женщина, по имени Фия, ростом в четыре локтя без трех пальцев[1] и вообще красивой наружности. Нарядив эту женщину в полное военное вооружение, они велели ей стать на колесницу и, показав ей, как она должна держаться, чтобы производить впечатление как можно более прекрасной, поехали в город, а вперед предварительно послали герольдов. Последние, придя в город, говорили, как им было приказано, речи приблизительно такого рода: «Афиняне, примите с добрым чувством Писистрата: его сама Афина почтила больше всех людей и вот теперь возвращает в свой Акрополь». Это повторяли они, проходя через разные места. Тотчас же по селам распространилась молва, будто Афина возвращает Писистрата; да и в городе население готово было верить, что эта женщина есть сама богиня; поэтому молились на нее и принимали Писистрата.

61. Получив тиранию упомянутым способом, Писистрат, согласно условию, заключенному с Мегаклом, женится на дочери Мегакла. Но так как у него были уже взрослые сыновья, да кроме того Алкмеониды считались за «нечестивцев», то Писистрат, не желая иметь детей от этой новой жены, жил с ней не так, как бы следовало по закону. С самого начала жена скрывала об этом, а потом—отвечая ли на расспросы матери, или, может быть, и без этого,—рассказала ей, а та своему мужу. Тот пришел в негодование, видя в этом для себя оскорбление со стороны Писистрата. В гневе он тотчас же примирился со своими противниками. Тогда Писистрат, узнав о том, что предпринимается против него, удалился совершенно из страны и, придя в Эретрию[2], стал совещаться со своими сыновьями. Тут одержало верх мнение Гиппия, что надо вернуть себе обратно тиранию; ввиду этого стали собирать пожертвования с тех городов, которые еще с прежнего времени сохраняли к ним некоторую преданность. Многие из них доставили им большие деньги, но всех превзошли суммой своего взноса фиванцы. Впоследствии же—не будем вдаваться в подробности—прошло порядочное время[3], и наконец все у них было подготовлено к возвращению. Именно,

---

[1] Локоть—0,444 *м*, палец—0,0185 *м*, следовательно рост равнялся 1,7205 *м*.

[2] Город на острове Эвбее. Судя по данным Аристотеля (гл. 15, 2), Писистрат сначала жил в местечке Рекеле, потом в окрестностях горы Пангея и только на одиннадцатый год прибыл в Эретрию (см. ниже, гл. 62).

[3] Десять лет (см. гл. 62).

аргивские наемники[1] пришли из Пелопоннеса; один наксосец, пришедший в качестве добровольца, по имени Лигдамид, проявлял величайшее усердие, доставив и денег и людей.

62. На одиннадцатый год, выступив в поход из Эретрии, они прибыли на родину, и первое место, которое они заняли в Аттике, был Марафон. Когда они стояли лагерем в этом месте, к ним пришли их сторонники как из города, так и из деревень, люди, которым тирания была более любезна, чем свобода. Так вот эти люди там собирались. Между тем афиняне в городе, пока Писистрат собирал деньги и после, когда занял Марафон, не придавали этому никакого значения. Когда же они узнали, что из Марафона он идет к городу, тут только они выступили против него. Они со всеми своими силами пошли против возвращавшихся изгнанников. А с другой стороны, и армия Писистрата, выступив из Марафона, пошла по направлению к городу. И вот обе армии сошлись для битвы к храму Палленской Афины и остановились друг против друга, положив оружие. Тут, ведомый божественным наитием, пришел к Писистрату один предсказатель, акарнанец Амфилит, который, приближаясь к нему, изрек следующие слова размером гексаметра:

Вот уже невод закинут, широко расставлены сети:
Много тунцов набежит при сияньи луны полуночной.

63. Этот человек изрекает такие слова в приступе божественного вдохновения. Писистрат же понял смысл этого прорицания и, заявив, что принимает пророчество, повел войско. Афиняне из города расположились уже в это время к завтраку, и после завтрака некоторые из них занялись игрой в кости, другие легли поспать. Сторонники Писистрата, ворвавшись в лагерь афинян, обратили их в бегство. Когда те бежали, тут Писистрат придумал хитрейший план, чтобы не дать афинянам собраться снова и чтобы они оставались рассеянными. Он велел своим сыновьям сесть на коней и послал их в догонку, и те, нагоняя бегущих, говорили им, как было приказано Писистратом,—именно, уговаривали быть спокойными и каждому уходить к себе домой.

64. Так как афиняне послушались совета, то Писистрат таким образом в третий раз подчинил себе Афины и тут уже прочно утвердил свою тиранию благодаря помощи многих союз-

---

[1] Под начальством сына Писистрата Гегесистрата (см. *Аристотель*, Афинская полития гл. 17, 4).

ников и большим средствам, получавшимся частью на месте, частью с берегов реки Стримона[1], а также благодаря тому, что он взял в качестве заложников детей афинян, оставшихся на месте и не убежавших немедленно, и поместил их на Наксосе. Этот остров Писистрат также покорил военной силой и передал под власть Лигдамида. Кроме того он достиг своей цели еще и благодаря тому, что произвел очищение острова Делоса согласно прорицаниям. А сделал он это так: на всем пространстве, на какое открывался вид из храма, он велел выкопать из земли трупы покойников и перенести их в другое место на Делосе. Писистрат таким образом был тираном над афинянами; из афинян же одни пали в сражении, другие бежали из отечества вместе с Алкмеонидами.

Аристотель, Политика, V, 12, 23, р. 1315 в, 29—34. Третьей по продолжительности была тирания Писистратидов в Афинах, но она не была непрерывной. Дважды во время своей тирании Писистрату приходилось удаляться в изгнание, так что за время в тридцать три года он был тираном только семнадцать лет; кроме того восемнадцать лет правили его сыновья, так что в общем это длилось тридцать пять лет.

VII. НИЗВЕРЖЕНИЕ ПИСИСТРАТИДОВ

Геродот, V, 62. В то время как Гиппий был тираном и был еще более ожесточен против афинян за смерть Гиппарха, Алкмеониды, родом афиняне, бежавшие из-под власти Писистратидов, вместе с остальными афинскими изгнанниками пытались добиться возвращения силою оружия, но это им не удавалось. Пытаясь вернуться и освободить Афины, они укрепили Липсидрий, местечко повыше Пеании, но при этом потерпели серьезную неудачу. Тогда-то Алкмеониды, решаясь на все средства против Писистратидов, взяли на себя у амфиктионов подряд отстроить храм в Дельфах—тот самый, который существует теперь, но которого тогда еще не существовало. Располагая большими средствами и пользуясь уже с давних пор большой известностью, они соорудили храм лучше, чем требовалось по проекту,—именно, условие было построить храм из туфа, а они переднюю часть его сделали из паросского мрамора.

63. Так вот, как рассказывают афиняне, эти люди, проживая в Дельфах, подкупили пифию, чтобы, всякий раз как придет

---

[1] Река во Фракии. У устья ее, близ того места, где впоследствии был основан город Амфиполь, у горы Пангея были золотые и серебряные прииски (ср. *Аристотель*, Афинская полития, гл. 15, 2).

кто-нибудь из спартанцев вопросить оракула по своему личному или по государственному делу, объявлять им повеление освободить Афины. Тогда лакедемоняне, ввиду того что всегда им объявлялось одно и то же, отправили Анхимолия, сына Астера, пользовавшегося известностью между своими согражданами, с войском, чтобы изгнать Писистратидов из Афин, хотя они и были связаны с ними узами гостеприимства: волю бога они ставили выше, чем человеческие отношения. Эту армию они отправили по морю на судах. Итак, Анхимолий, причалив к берегу в Фалере, высадил армию на сушу. Однако Писистратиды проведали об этом уж ранее и призвали помощь из Фессалии; с фессалийцами был у них союз. Фессалийцы по их просьбе и с общего согласия послали конный отряд в тысячу человек под предводительством их царя Кинея Конийского. Когда они в качестве союзников прибыли к Писистратидам, последние приняли такого рода меры: вырубив деревья на фалерской равнине и сделав ее удобной для действий конницы, они пустили свою конницу на лагерь неприятеля. Она, напав на лакедемонян, перебила многих из них, в том числе убила и самого Анхимолия, а уцелевших от избиения оттеснила на корабли. Так кончился первый поход из Лакедемона, и могила Анхимолия находится в Алопеке, в Аттике, поблизости от храма Геракла, что в Киносарге[1].

64. После этого лакедомоняне снарядили еще более сильную армию и отправили ее против Афин, поручив командование над ней царю Клеомену, сыну Анаксандрида. При этом отправили ее уже не морем, а сухим путем. Когда она вторгалась в Аттику, первою завязала с ней сражение фессалийская конница и после непродолжительного боя обратилась в бегство, причем из ее числа было убито более 40 человек. После этого оставшиеся в живых тотчас же с поля сражения удалились в Фессалию. Тогда Клеомен вступил в город и стал вместе с теми из афинян, которые хотели быть свободными, осаждать тиранов, укрепившихся в стенах Пеларгика[2].

65. И лакедемоняне никогда не взяли бы Писистратидов, так как они вовсе не думали устроить настоящую осаду, да и Писистратиды были хорошо обеспечены продовольствием и питьевой водой; они конечно продержали бы их в течение не-

---

[1] Алопека—аттический дем; Киносарг особенно известен как место гимназии. Все это на северо-востоке от Афин.

[2] Так называлась в Афинах часть города у подножья Акрополя, обнесенная древней стеной.

скольких дней в осаде, а потом удалились бы в Спарту. Но тут случилось одно обстоятельство, оказавшееся гибельным для одних и весьма благоприятным для других. Именно, сыновья Писистратидов хотели незаметно выбраться из страны, но при этой попытке попали в плен. Когда это произошло, все положение Писистратидов изменилось к худшему. Чтобы выручить сыновей, они согласились на все условия, которые поставили им афиняне—именно, в течение пяти дней удалиться из Аттики. Позднее они удалились в Сигей на Скамандре[1], после того как правили афинянами в течение 36 лет. Они были родом тоже из Пилоса и были Нелидами[2], происходя от тех же самых предков, как и род Кодра и Меланфа[3], которые уже прежде, хотя и были пришельцами, сделались афинскими царями. В воспоминание об этом Гиппократ и дал своему сыну имя Писистрат, назвав его так в честь Писистрата, сына Нестора[4]. Так афиняне освободились от тиранов.

Геродот, VI, 123. Алкмеониды были... ненавистниками тиранов. Все время, пока длилась тирания, они находились в изгнании... Вследствие их ловкости Писистратиды потеряли тиранию, и таким образом Алкмеониды были освободителями Афин в гораздо большей степени, как я полагаю, чем Гармодий и Аристогитон. Эти последние только ожесточили оставшихся из Писистратидов, убив Гиппарха, и вовсе не заставили их отказаться от тирании. Между тем Алкмеониды явно освободили Афины, поскольку именно они убедили пифию давать предписания лакедемонянам об освобождении Афин.

Фукидид, I, 20, 2... Большинство афинян думает, что Гиппарх был убит Гармодием и Аристогитоном как тиран, и не знает того, что правителем тогда был Гиппий как старший из сыновей Писистрата, а Гиппарх и Фессал были его братьями; на самом же деле у Гармодия и Аристогитона в намеченный для их дела день вдруг явилось подозрение, будто сообщниками о чем-то сделан донос Гиппию, и потому они обратились не против него, воображая, что он уже предуведомлен, но так как все-таки хотели, прежде чем будут арестованы, сделать что-

---

[1] Скамандр—река близ Трои; на берегу моря в этой части Малой Азии у входа в Геллеспонт (Дарданельский пролив) находится и Сигей. Из-за него была борьба у афинян еще в VII в. до н. э.

[2] Нелиды, т. е. потомки Нелея, который в гомеровских поэмах называется отцом Нестора.

[3] Меланф—отец Кодра; оба—мифические цари Аттики.

[4] Писистрат, сын Нестора, упоминается в Одиссее (п. III, 36).

нибудь серьезное, хотя бы с риском для самих себя, то, встретившись с Гиппархом у так называемого Леокория, когда он устраивал панафинейскую процессию, они убили его.

Фукидид, VI, 54. Смелый подвиг Аристогитона и Гармодия был совершен из-за любовной истории. Я изложу ее подробнее, чтобы показать, насколько неточны рассказы не только всех вообще греков, но и самих афинян о их тиранах и об этом событии. Когда Писистрат уже в преклонном возрасте умер, оставаясь тираном, тогда взял в свои руки власть не Гиппарх, как думает большинство, а Гиппий по праву старшинства. Гармодий в это время был во всей красе своей юности, и Аристогитон, один из городских жителей, гражданин среднего положения, был его поклонником. Гиппарх, сын Писистрата, пробовал соблазнить Гармодия, но тот не поддался и сказал об этом Аристогитону. Последний в пылу любви почувствовал себя больно задетым и, побоявшись могущества Гиппарха, чтобы он насильственным путем не заставил его отдаться ему, тотчас же стал замышлять низвержение тирании, насколько это было в его силах при его положении. В это время как раз Гиппарх сделал новую попытку, но попрежнему не добился успеха у Гармодия; несмотря на это, он не хотел прибегать ни к каким насильственным действиям, но изыскивал способ, чтобы незаметным образом, под каким-нибудь другим предлогом осрамить его. Вообще до сих пор большинство не тяготилось его правлением, но он пользовался своей властью так, что не возбуждал к себе ненависти. И долгое время Писистратиды, хотя и были тиранами, проявляли благородство и рассудительность; с афинян они взимали в качестве подати только двадцатую часть получаемых доходов, город их привели в благоустроенный вид, войны доводили до благополучного конца, совершали жертвоприношения в праздники. Государство само по себе пользовалось во всех вообще случаях изданными прежде законами; только всегда они принимали меры к тому, чтобы государственные должности заняты были кем-нибудь из их среды. Так, в числе тех из них, которые в течение года исполняли у афинян высшую должность, был между прочим Писистрат, сын Гиппия, тогдашнего тирана, носивший свое имя по деду,—тот самый, который в бытность свою архонтом воздвиг алтарь двенадцати богов, что на площади, и алтарь Аполлона, что в участке Аполлона Пифийского. Впоследствии, когда к алтарю, что на площади, народ афинский сделал пристройку, увеличив его длину, он уничтожил на нем надпись. На алтаре же Аполлона Пифийского еще

и теперь видна надпись[1] со стершимися буквами, гласящая следующее:

Гиппиев сын Писистрат Аполлону Пифийцу алтарь сей
В память о власти своей в сени его посвятил.

55. О том, что Гиппий сделался правителем по праву старшинства, я могу утверждать решительно, так как знаю это точнее других и по устным рассказам, но всякий может убедиться в этом еще вот по каким соображениям: повидимому это был единственный из законных братьев, у которого были дети, как показывает и алтарь и плита с надписью о совершенных тиранами преступлениях, воздвигнутая на афинском Акрополе; на ней не значится ни одного сына у Фессала и Гиппарха, а у Гиппия значится их пять, которые родились у него от Мирсины, дочери Каллия, сына Гиперохида. Естественно было, что самый старший первым и женился. И на той же плите он записан первым после своего отца. Также и в этом нет ничего необычного, вследствие того что он был первым после того по старшинству и был тираном. Да кроме того, мне кажется, Гиппию и нелегко было бы сразу же взять в свои руки тиранию, если бы Гиппарх в момент убийства находился у власти, а сам он в тот же день должен был вступить в управление. Но именно вследствие того что уже раньше гражданам был внушен страх, а телохранителям—строгая дисциплина, он с большой уверенностью справился с заговорщиками и не растерялся, как могло бы случиться, если бы он был младшим братом и не успел прежде освоиться с властью в постоянном обращении с ней. На долю же Гиппарха вследствие этого несчастного обстоятельства выпало получить известность и в позднейшие времена прослыть за тирана.

56. Итак, когда Гармодий отверг попытку его соблазнить, Гиппарх, как и задумал, нанес ему оскорбление. Именно, предложив сестре его, девушке, явиться, чтобы нести священную корзину на одной процессии, ее устранили, говоря, что вовсе даже не приглашали ее, так как она не достойна этого. Гармодий был возмущен этим, а Аристогитон негодовал еще более за него. И они сговорились с остальными, которые должны были принять участие в выполнении этого дела. Они только дожидались Великих Панафиней[2], того единственного дня, когда можно было,

---

[1] Обломки этой надписи сохранились. Corpus Inscriptionum Atticarum, IV, 373.

[2] Этот праздник приходился на конец месяца гекатомбеона (конец июля и начало августа) третьего года Олимпиады. Большая процессия на этом празднике происходила 28 гекатомбеона.

не возбуждая подозрений, собраться вместе в полном вооружении тем из граждан, которые должны были следовать в процессии. И было условлено, что начать должны были они сами, а сейчас же к ним на подмогу против телохранителей должны были притти те. В заговор посвящены были немногие—из предосторожности. Они надеялись, что, как ни мало было их, сто́ит только им проявить свою смелость, сейчас же захотят принять участие в собственном освобождении и люди, в это дело заранее не посвященные, раз будут иметь в руках оружие.

57. И вот, когда наступил праздник, Гиппий за городом в так называемом Керамике со своими телохранителями устанавливал порядок, в котором должна была следовать каждая часть процессии. А Гармодий и Аристогитон уже с кинжалами в руках пошли на свое дело. И тут они увидали, что один из заговорщиков любезно беседует с Гиппием (Гиппий был очень доступен для всех). Они испугались и подумали, что на них сделан донос и что с минуты на минуту они будут арестованы. Поэтому они хотели прежде, если будет можно, отомстить своему обидчику, из-за которого решились на все это опасное дело, и сейчас же бросились в город через ворота. И они встретились с Гиппархом у так называемого Леокория и сейчас же, не раздумывая, напали на него; в состоянии крайней ярости, на которую одного толкала любовь, другого—оскорбление, стали наносить удары и убили его. Один из них—Аристогитон—в первое время спасся от телохранителей, пользуясь тем, что сбежался народ, но позднее был арестован и подвергся жестокой казни. Гармодий же был сразу убит на месте.

58. Когда Гиппию сообщено было в Керамик о случившемся, он пошел сейчас же не на место происшествия, а к вооруженным участникам процессии, прежде чем они как находившиеся вдалеке от этого события могли о нем узнать, и, приняв такой вид, как будто ему ничего не известно о случившемся несчастье, указал им одно место и велел отойти туда без оружия. Те отошли, думая, что он хочет им что-нибудь сказать, а он, дав распоряжение своим телохранителям незаметно убрать оружие, стал сейчас же отделять тех, кого подозревал или у кого оказывался кинжал. Дело в том, что обычно в этих процессиях участвовали только со щитом и копьем.

59. Таким образом именно любовная неприятность и послужила у Гармодия и Аристогитона причиной начала заговора и безрассудной смелости под влиянием внезапно возникшего опасения. Но для афинян после этого тирания стала более тягостной; Гиппий стал уже более поддаваться чувству страха,

многих из граждан казнил и в то же время внимательно приглядывался к внешнему положению, надеясь увидеть где-нибудь верное убежище для себя в случае переворота. Так например, после этого он выдал свою дочь Архедику за Эантида, сына Гиппокла, тирана Лампсака,—он, афинянин, за жителя Лампсака; это сделал он, видя, что они пользуются большим значением у царя Дария. И в Лампсаке находится могила ее, на которой значится следующая надпись:

Гиппия дочь Архедику, блиставшего славой в Элладе
Более сверстников всех, персть покрывает сия—
Ту, чей отец и супруг, да и братья тиранами были,
Также и дети, но чужд гордости был ее ум.

Гиппий еще три года оставался тираном над афинянами и низложенный на четвертый год лакедемонянами и теми из Алкмеонидов, которые находились в изгнании, отправился, получив гарантию неприкосновенности, в Сигей и в Лампсак к Эантиду, а оттуда к царю Дарию. Вот оттуда-то впоследствии, на двадцатый год, уже будучи стариком, он отправился вместе с мидянами в поход под Марафон.

Аристотель, Политика, V, 8, 9, р. 1311 а, 36. Покушение на Писистратидов было произведено вследствие того, что они оскорбили сестру Гармодия и этим раздражили его: он мстил за сестру, а Аристогитон—за Гармодия.

Диодор, фрагмент X, 16. Фессал, сын Писистрата, как благоразумный человек отказался от тирании и, стремясь к равенству, пользовался большим уважением среди граждан. Между тем остальные, Гиппарх и Гиппий, действуя путем насилия и угнетения, правили государством в качестве тиранов. Они совершили много противозаконных деяний над афинянами, и между прочим Гиппарх, влюбившись в одного мальчика, выделявшегося своей красотой, из-за этого подвергся опасности. Покушение на тиранов и ревностное стремление освободить отечество были общими у всех вышеназванных мужей. Но твердость духа во время пыток и выносливость в перенесении мучений оказались у одного Аристогитона, который в самые страшные моменты сумел выказать два важнейших качества—верность по отношению к друзьям и мщение врагам. Аристогитон показал всем, что благородство души побеждает величайшие телесные страдания.

Аристотель, Экономика, II, 2, 4, р. 1347а, 4—17. Гиппий афинский обложил налогом балконы, выступающие в верхних этажах на улицы, также лестницы, барьеры и двери, открываю-

щиеся наружу [1]. Ввиду этого владельцы их откупались деньгами, и у него таким образом составились большие средства. Точно так же и монеты, ходившие у афинян, он обесценил; назначив им стоимость, он велел приносить их к нему. Когда же они сосредоточились у него, он перечеканил их с новым знаком[2] и пустил в обращение то же самое серебро. Далее, если кто должен был исполнять триэрархию, быть филархом [3], исполнять хорегию или нести расходы еще на какую-нибудь подобную литургию, он установил умеренную расценку и предоставил всякому желающему из них внести эту сумму, чтобы числиться в ряду людей, исполнявших литургию. Наконец, в пользу жрицы Афины на Акрополе [4] он установил за всякого умершего вносить по одному хенику[5] ячменя и еще по хенику пшеницы и по оболу, точно так же у кого родится ребенок, тому делать то же самое.

VIII. СКОЛИЙ В ЧЕСТЬ ГАРМОДИЯ И АРИСТОГИТОНА[6]

Под листьями мирта мечи понесем,
Подобно Гармодью с Аристогитоном,
Когда поразили тирана мечом
И равными сделали всех пред законом.

О, милый Гармодий, не умер ты, нет!—
На острове ныне живешь ты блаженных—
В стране, где Ахилл быстроногий живет,
Где вечно витает Тидид благородный.

Под листьями мирта мечи понесем,
Подобно Гармодью с Аристогитоном,
Как в праздник Афины великой вдвоем
Тирана Гиппарха они поразили.

Да, вечная слава вас ждет и потом,
О, милый Гармодий с Аристогитоном,
За то, что тирана сразили мечом
И равными сделали всех пред законом.

---

[1] См. о подобных же мерах в позднейшее время у *Аристотеля*, Афинская полития, гл. 50, 2.

[2] Подобный рассказ о монетной системе Солона см. *Аристотель*, Афинская полития, гл. 10,2.

[3] Начальник отрядов отдельных фил (см. *Аристотель*, Афинская полития, гл. 61, 5).

[4] Древний культ Афины Паллады в храме, на месте которого построен Эрехфейон.

[5] Хеник—мера емкости, равная 1,228 литра ($^1/_{48}$ медимна).

[6] Сколий, т. е. застольная песнь, в честь Гармодия и Аристогитона упоминается у некоторых писателей конца V и начала IV в.

IX. КЛИСФЕН

Геродот, V. 66. Афины и прежде были велики, а тут, освободившись от тиранов, сделались еще более сильными. В них тогда два человека имели большую силу: Клисфен Алкмеонид— тот самый, который, как ходили слухи, подкупил пифию, и Исагор, сын Тисандра, человек из известной семьи; однако происхождения его я не могу указать, но его сородичи приносят жертвы Зевсу Карийскому. Вот эти-то люди и стали спорить из-за власти. Побеждаемый противниками, Клисфен привлек на свою сторону народ. Потом афинское население, составлявшее до сих пор четыре филы, он разделил на десять; при этом он отменил прежние названия их по именам сыновей Иона—Гелеонта, Эгикорея, Аргадея и Гоплета[1]—и придумал для фил прозвища по именам других героев—все местных, за исключением Аякса[2]. Этого последнего, хотя и чужого, он взял как ближайшего соседа и союзника, с которым были отношения гостеприимства.

69. ...Клисфен афинский был внуком по матери сикионского Клисфена[3] и имя свое получил в честь него; он так же, как и тот, мне кажется, презирал ионян, и, чтобы у афинян не было таких же фил, как у ионян, он взял пример с Клисфена, своего тезки. Именно, когда Клисфен привлек на свою сторону афинский народ, который прежде был отстранен от всех преимуществ, он переименовал филы и увеличил число их против прежнего. Он назначил десять филархов вместо четырех, и кроме того во все филы он включил по десять демов[4]. Так, привлекши на свою сторону народ, он получил значительное превосходство над своими противниками.

70. В свою очередь побеждаемый теперь Исагор придумал следующее. Он призвал к себе на помощь Клеомена лакедемонского, который еще со времени осады Писистратидов сделался ему «гостем». А про Клеомена ходила молва, обвинявшая его

---

[1] Этиологическое объяснение названия древних фил: гелеонты, эгикорейцы, аргадейцы, гоплеты. Три из этих названий указывают на их сельскохозяйственное происхождение: эгикорейцы—пастухи коз, аргадейцы—земледельцы, гоплеты—ремесленники (ὅπλον—в древнем значении вообще «орудие»); гелеонты—слово неясного происхождения.

[2] Аякс, иначе Эант. Эти названия фил в официальном порядке следующие: Эрехфеида, Эгеида, Пандионида, Леонтида, Акамантида, Энеида, Кекропида, Гиппофонтида, Эантида и Антиохида.

[3] Клисфен—тиран города Сикиона в начале VI в. до н. э.

[4] Неясное выражение, как будто общее число демов было сто. На самом деле надписями засвидетельствовано для классической эпохи 161, во времена Страбона известно 174 (см. Schöffer, Demoi, Pauly—Wissowa Real-Encyclopädie, V. B., 1. Abt., S. 1—131).

в том, что он будто бы был в связи с женой Исагора. Сначала Клеомен посылал в Афины герольда и предлагал изгнать Клисфена, а вместе с ним еще многих афинян, называя их «нечестивцами». Это говорил он через посланца своего по наущению Исагора. Дело в том, что на Алкмеонидов и на их сторонников падало обвинение в этом убийстве[1], однако ни сам он, ни его друзья не принимали в нем участия. Среди афинян они получили прозвище «нечестивцев» вот по какой причине...[2].

72. Когда Клеомен через своего герольда стал требовать изгнания Клисфена и «нечестивцев», Клисфен сам тайно удалился. Но и после этого все-таки пришел в Афины Клеомен с небольшим отрядом. Прибыв сюда, он изгнал как «нечестивцев» семьсот семейств, на которых ему указал Исагор. Сделав это, он пытался затем распустить Совет и вручить должности тремстам сторонникам Исагора. Когда же против этого восстал Совет и отказывался повиноваться, тогда Клеомен и Исагор со своими сторонникам захватили Акрополь. Все остальные афиняне, придя к соглашению между собой, осаждали их в течение двух дней. На третий день, договорившись о безопасном проходе, все лакедемоняне, которые тут были, удалились из страны... Клеомен тогда снова был изгнан вместе с лакедемонянами. Все же остальные были заключены в оковы и осуждены на смерть[3], в том числе и дельфиец Тимесифей; о деяниях его рук и о доблести я мог бы рассказать весьма замечательные вещи.

73. Итак, они были заключены в оковы и казнены. Афиняне же после этого пригласили Клисфена и семьсот семейств, изгнанных Исагором...

Аристотель, Политика, III, 2, 10,-p. 1275 в 34—39. Но, может быть, еще большее затруднение представляет вопрос [4] относительно тех, кто принимал участие в государственном перевороте. Вот что например в Афинах сделал Клисфен после изгнания тиранов: он включил в состав фил много иностранцев и проживавших там рабов. В отношении их спорным является не то, кто гражданин, а как он сделался им—незаконно или по праву.

Аристотель, Политика, VI, 2, 9—11,-p. 1319 в 6—27. Чтобы

---

[1] Разумеется убийство приверженцев Килона, о чем см. выше, приложение I, стр. 121.

[2] Следует рассказ об убийстве приверженцев Килона (см. выше, стр. 121).

[3] Исагор спасся вместе с лакедемонянами, как видно из рассказа Геродота, V, 74.

[4] Дело идет о правах гражданства.

установить этот вид демократии[1] и усилить народ, ее руководители обыкновенно стараются принять в свою среду как можно больше людей и сделать гражданами не только законнорожденных, но и незаконных и даже таких, у которых только один из родителей имеет гражданские права—отец или мать. Дело в том, что все эти элементы особенно сочувствуют такой демократии... Далее, для подобной демократии полезны еще и такие приемы, которыми воспользовались в Афинах Клисфен, когда хотел усилить демократию, и те деятели, которые старались установить демократический строй в Кирене. Именно, надо устраивать новые филы и фратрии и притом в большем числе; частные культы надо объединять в небольшое количество и делать их общественными; словом, надо придумывать все средства, чтобы все как можно более перемешались между собой, а в то же время чтобы прежние объединения были разбиты.

X. ОСТРАКИСМ

Филохор, 79 в. (F. H. G, I, 396). Народ производит предварительное голосование перед восьмой пританией по вопросу о том, не находит ли он нужным «подавать черепки». Если признавали нужным, площадь огораживалась досками, причем оставлялось десять входов; через них входили по филам и подавали черепки, поворачивая книзу написанное. Председательствовали при этом девять архонтов и Совет. Затем подсчитывали и против кого оказывалось большинство при условии, если общее число было не менее шести тысяч, тот должен был в течение десяти дней дать другим и получить сам от других удовлетворение по своим личным делам и удалиться из города на десять лет (впоследствии это было заменено пятью годами), причем сохранял право пользоваться доходами со всего своего имущества, с условием только не приближаться за черту Гереста, мыса на Эвбее. По-видимому из людей неизвестных один только Гипербол был изгнан посредством остракизма за нечестность своего образа действий, а не из подозрения в тиранических замыслах. После него и прекратился этот обычай, который ведет начало с законодательства Клисфена, когда этот последний низверг тиранов и хотел вместе с тем изгнать и друзей их.

Плутарх, Аристид, 7. Аристид с самого начала пользовался любовью, но потом своим прозвищем[2] возбудил к себе

---

[1] Имеется в виду «демократия» в аристотелевом смысле, т. е. крайняя демократия.

[2] Он был прозван «справедливым».

зависть, особенно, когда Фемистокл распространил в народе слух, будто Аристид, упразднив суды и взяв в свои руки судить и разбирать все дела, незаметно подготовил себе единовластие, хотя и без телохранителей. Вместе с тем уже и народ, гордясь своей победой и считая себя достойным величайших почестей, стал относиться с неудовольствием к людям, превосходившим большинство своим именем и славой. Вот так народ, собравшись в город со всех концов, подверг остракисму Аристида, причем зависти к его славе дали название страха перед тиранией. Дело в том, что остракисм не был наказанием за негодность, но благовидно назывался средством смирения и сокрушения гордости и слишком большой силы; в действительности же это было мягкое удовлетворение зависти, направляющей желание причинить неприятность не на что-нибудь непоправимое, а только на десятилетнее изгнание... Дело, вообще говоря, происходило так. Каждый человек, взяв черепок и написав на нем имя того из граждан, кого хотел изгнать, относил его в одно место на площади, огороженное кругом перилами. Должностные лица прежде всего подсчитывали общее количество черепков. Если число писавших оказывалось менее шести тысяч, остракисм был недействителен. Затем каждое из имен откладывали отдельно и того, чье имя написано было большинством, объявляли изгнанным на десять лет, но при этом он сохранял право пользоваться своим имуществом. Так вот в тот раз, когда писались черепки, говорят, один неграмотный и совершенно деревенский человек подал Аристиду как первому попавшемуся свой черепок и попросил написать имя Аристида. Тот удивился и спросил его, уж не сделал ли ему Аристид какого-нибудь зла. «Нет, никакого,—отвечал крестьянин,—и я даже не знаю этого человека, но мне надоело слышать, что всюду его называют Справедливым». Услыхав это, Аристид ничего ему не ответил, но написал на черепке имя и отдал.

Плутарх, Никий, 11. Борьба Алкивиада с Никием достигала высшей степени, а между тем наступало время подачи черепков[1], которую обычно производил время от времени народ; он высылал при этом на десять лет путем подачи черепков одного из граждан, возбуждающих подозрение и завистливое отношение к себе вообще какими-нибудь качествами—или своей славой, или своим богатством. Тут поднялся большой шум относительно обоих них, и можно было ожидать, что один из них обязательно подвергнется изгнанию остракисмом. Что ка-

[1] О времени см. *Аристотель*, Афинская полития, гл. 43, 5.

сается Алкивиада, то люди возмущались его образом жизни, а вместе с тем боялись его дерзости, о чем подробнее рассказывается в сочинении, специально ему посвященном[1]; к Никию же зависть возбуждали его богатство, но особенно поражала своей необычностью в его жизни суровость обращения и недемократичность, даже прямо необщительность и олигархические взгляды; уже много раз он возбуждал против себя неудовольствие, когда боролся против увлечений народа, упорно настаивая на своем ради пользы государства, вопреки общему мнению. Коротко говоря, молодые и воинственно настроенные люди вели борьбу против миролюбивых и более пожилых, причем одни собирались подавать черепки против этого, другие против того.

В смутное время и самым негодным почет достается.

Так и тогда народ разделился на две партии и дал простор самым наглым и бессовестным людям. В их числе был Гипербол, сын Перифоя, человек, не обладавший никакими данными для своей дерзости, но вследствие дерзости своей он вошел в силу и сделался бесчестием для государства вследствие той чести, которую имел в государстве. Вот этот-то человек в то время старался обеспечить себя от опасности подвергнуться остракисму — конечно он больше заслуживал колодки, — так, он, рассчитывая в случае изгнания одного из этих двоих выступить соперником оставшемуся, явно выражал удовольствие по поводу этой борьбы и подстрекал народ против того и другого. Кончилось дело тем, что сторонники Никия и Алкивиада, увидав низость этого человека, тайно договорились между собой, объединили силы обеих партий и стали действовать совместно. Они победили, так что в результате никто из них не был изгнан, но подвергся остракисму Гипербол. В данный момент это доставило народу удовольствие и заставило смеяться, но позднее уже стали выражать негодование, полагая, что самое дело это опозорено, примененное к недостойному человеку; в самом деле, все и в наказании этом видели известное признание достоинства, но еще более стали остракисм считать за наказание в отношении Фукидида[2], Аристида и тому подобных; для Гипербола же считали это за честь и повод для хвастовства, поскольку за свою низость он по-

---

[1] Т. е. в биографии Алкивиада. Там же (гл. 13) кратко повторяется основное содержание настоящего отрывка (ср. «Аристид», гл. 7).

[2] Имеется в виду Фукидид, сын Мелесия, изгнанный в 443 г. до н. э. (см. *Аристотель*, Афинская полития, гл. 28, 2 и 5).

лучил то же самое, что и лучшие люди. Так, про него говорит и комик Платон [1]:

Что получил он, было по-делом ему;
Да сам того не стоил и с клеймом своим[2]:
Не для таких людей был остракисм введен.

В результате уж никого более не изгоняли остракисмом после Гипербола. Он был последним, а первым был Гиппарх из Холарга, бывший каким-то родственником тирана... Мне не безызвестно, что Феофраст утверждает, будто Гипербол был изгнан вследствие спора с Алкивиадом Феака [3], а не Никия. Однако большинство пишет так.

XI. СТРАТЕГИ ПРИ МАРАФОНЕ

109. *Между* афинскими стратегами было разногласие. Одни из них высказывались против того, чтобы вступать в бой с войском мидян, считая свое число слишком малым, другие, и в том числе Мильтиад, наоборот, настаивали на этом. Мнения разделились, и перевес был на стороне худшего. Одиннадцатый голос между ними принадлежал человеку, избранному бобами[4] в качестве полемарха: в старину[5] афиняне предоставляли полемарху голос наравне со стратегами. Полемархом был тогда Каллимах из Афидны.

XII. В ОЖИДАНИИ ПЕРСОВ

Геродот, VII, 143. Среди афинян был один человек, недавно начавший выдвигаться в ряды первых людей. Его имя было Фемистокл. Он был сыном Неокла. Этот человек заявил, что толкователи прорицаний не все правильно понимают в них,

---

[1] Платон—комический поэт, деятельность которого относится к 428—390 гг. Здесь приведена цитата из его комедии «Гипербол».

[2] Намек на то, что отец Гипербола был заклеймен как раб (схолии к Аристофану, «Осы», 1007).

[3] Афинский оратор и политический деятель, принимавший участие в борьбе этого времени. О нем упоминает Аристофан во «Всадниках», стр. 1377 и сл.

[4] Ср. *Аристотель*, Афинская полития, гл. 22, .5 По порядку, установленному Солоном, архонты должны были выбираться по жребию из кандидатов, намеченных филами. Тирания отменила этот порядок, а теперь он опять восстановлен. Аристотель относит это к архонтству Телесина, т. е. 487/486 г. По Геродоту, это существует уже в 490 г.

[5] О позднейших функциях полемарха см. *Аристотель*, Афинская полития, гл. 58 и 22, 2.

и сказал при этом так: если бы в самом деле изречение имело в виду афинян, оно не было бы высказано в таких мягких словах, но сказано было бы так: «Ты, Саламин, о, злосчастный», а не «Ты, Саламин, о, божественный», раз жителям было суждено близ него погибнуть. Но значит, если правильно понимать это выражение, оно высказано богом по отношению к врагам, а не по отношению к афинянам. Ввиду этого он советовал согражданам готовиться к тому, чтобы сразиться на кораблях, так как эти-то деревянные стены и имеются тут в виду. Когда Фемистокл высказал такой взгляд, афиняне отдали этому пониманию предпочтение перед пониманием тех толкователей, которые не позволяли готовиться к морскому сражению и вообще даже что-нибудь предпринимать для этого, но говорили, что надо покинуть Аттику и поселиться в какой-нибудь другой стране.

144. Другое мнение Фемистокла еще прежде этого весьма кстати одержало верх. Это было, когда у афинян в казне накопились большие деньги, полученные ими как доход от рудников в Лаврии, и они должны были все поголовно получить по десять драхм. Тогда Фемистокл убедил афинян воздержаться от этого дележа и заказать на эти деньги построить двести кораблей для войны, имея в виду войну с эгинцами[1]. Эта война и спасла тогда Грецию, вынудив афинян сделаться моряками. Корабли эти были сооружены для этой цели, но для нее не понадобились, зато так кстати пригодились для Греции. Так вот эти корабли были уже ранее построены у афинян; нужно было построить еще и новые. Получив предсказание оракула, они решили на своем совете встретить всеми силами на кораблях наступающего на Грецию варвара, повинуясь велению бога, совместно со всеми греками, какие пожелают присоединиться к ним.

XIII. ПОСТРОЙКА СТЕН

Фукидид, I, 89. Вот каким способом афиняне достигли такого положения, которое позволило им сделаться могущественными. Когда мидяне ушли из Европы, побежденные греками и на море и на суше[2], и те из них, которые бежали на кораблях в Микалу[3], были там уничтожены, царь лакедемонян Леотихид, командовавший греками при Микале, вернулся на родину вместе с пелопоннесскими союзниками[4]. Афиняне же и их союзники

---

[1] Война эта началась в 491 г.
[2] Т. е. при Саламине и при Платеях, в 480 и 479 гг. до н. э.
[3] Мыс в Ионии, на берегу Малой Азии, против острова Самоса.
[4] Осенью 479 г. до н. э.

из Ионии и Геллеспонта после отпадения их от царя остались там и стали осаждать Сест[1], находившийся под властью мидян, и, перезимовав там, взяли его, после того как варвары вынуждены были его оставить[2]. После этого они отплыли из Геллеспонта все по своим домам отдельными отрядами.

Афинская община, когда варвары ушли из Аттики, стала тотчас же перевозить детей, женщин и уцелевшую утварь из тех мест, куда все это поместили для безопасности. Стали также готовиться к тому, чтобы восстановить город и стены, потому что из ограды стояли лишь незначительные остатки, из домов большинство было разрушено, уцелели лишь немногие, в которых помещались знатные персы.

90. Лакедемоняне же, предвидя дальнейшее, прислали посольство; отчасти они и сами предпочитали бы видеть, что ни у афинян, ни у кого другого нет стен, а главным образом к этому их побуждали союзники, боявшиеся как многочисленности афинского флота, который прежде не представлял никакого значения, так и смелости, проявленной ими в войну с мидянами. Они требовали, чтобы афиняне не только не строили у себя укреплений, но еще помогли им снести стены у тех городов вне Пелопоннеса, у которых они существовали; своего желания и подозрений, которые были в мыслях, они не высказывали афинянам открыто, но объясняли свое желание тем, что тогда у варваров в случае нового прихода не будет нигде такого опорного пункта для выступлений, какой в этот раз был в Фивах, а также говорили что Пелопоннес—достаточно надежное место и как убежище для отступления, и как опорная база для наступательных действий. Афиняне, по совету Фемистокла, после этого заявления лакедемонян сейчас же отпустили их, ответив, что пришлют к ним послов для обсуждения тех дел, о которых они говорят. Самого же себя Фемистокл предложил командировать как можно скорее в Лакедемон, причем кроме него выбрать еще и других послов, но послать их не сразу, а выждать до тех пор, когда успеют возвести стену на достаточную высоту, только самую необходимую, какая нужна для того, чтобы можно было за ней обороняться. А постройку стен он предложил производить всем поголовно жителям государства—самим, и женам, и детям[3],—не жалея ни частного, ни общественного здания, раз из него можно было бы воспользоваться чем-нибудь для работы, но ломать

---

[1] Сест—город на фракийском побережье Геллеспонта.

[2] Весной 478 г.

[3] Предполагают здесь пропуск выражения «и рабам», которое имеется у других авторов, пользовавшихся текстом Фукидида.

все. Дав такие наставления и объяснив, что остальное постарается сделать сам, он отправился. По прибытии в Лакедемон он не являлся к должностным лицам, но тянул время под разными предлогами и, когда кто-нибудь из должностных лиц задавал ему вопрос, почему он не обращается к властям, отвечал, что поджидает других участников посольства, но что те остались на родине, задержанные какими-нибудь делами, что во всяком случае он ждет их прибытия в скором времени и удивляется, что их до сих пор еще нет.

91. Лакедемоняне, слыша это, верили Фемистоклу по дружбе к нему; когда же некоторые приезжали из Афин и в качестве очевидцев уже прямо доносили, что стены сооружаются и достигают уже некоторой высоты, они не имели основания не поверить им. Узнав об этом, Фемистокл советовал им не давать себя ввести в заблуждение разговорами, а лучше послать из своей среды людей понадежнее, которые бы сами поглядели и принесли достоверные сведения. Лакедемоняне действительно отправили таких людей, а Фемистокл тайно послал относительно них афинянам наказ, чтобы они удержали их, но при этом как можно менее давали это заметить и чтобы не отпускали, пока не вернется он сам со своими товарищами (эти товарищи по посольству уже прибыли к нему—Габроних, сын Лисикла, и Аристид, сын Лисимаха,—и принесли известие, что постройка стены уже достаточно подвинулась). Он боялся, что лакедемоняне, когда услышат точные сведения, уже не отпустят его. Так вот афиняне, согласно данному им наказу, удерживали послов, и Фемистокл, явившись в собрание лакедемонян, на этот раз сказал прямо, что их город уже окружен стенами, так что в состоянии защищать своих жителей, но что если лакедемоняне или союзники желают по каким-нибудь вопросам отправлять к ним посольства, то впредь уже, приходя к ним, будут иметь дело с людьми, которые отлично понимают, что́ полезно как для них самих, так и для общего блага. Ведь когда они, говорил он, считали за лучшее покинуть город и сесть на корабли, они, не спрашивая их, решили этот вопрос и нашли для этого в себе смелость, и опять-таки если какие-нибудь дела обсуждали совместно с ними, то, как оказывается, не уступали никому другому в предусмотрительности. Вот и теперь они находят более полезным как для своих собственных сограждан, так и для всех вообще союзников, чтобы их город был окружен стеной, потому что, если они не будут иметь одинаковых средств обороны, им невозможно давать в общих интересах сколько-нибудь одинаковые или равноценные советы. Значит, заключил он, или все союзники

не должны иметь стен, или, если они есть в Афинах, это тоже надо признать правильным.

93. Таким способом афиняне в короткое время соорудили стены у своего города. В самой постройке еще и теперь видны признаки того, что она производилась поспешно. Именно в нижних частях сложены камни различного характера, кое-где даже не приложенные один к другому, но сложены так, как их сюда приносили отдельные люди. В стену вложено много плит с надгробных памятников и много камней, обработанных для других целей. Во всех частях города окружность стены была увеличена против прежнего, и ввиду этого второпях пускали в дело все без разбору. Фемистокл убедил достроить стены и в Пирее в тех местах, где их еще не было. Начата была постройка их еще ранее, тогда, когда сам он занимал у афинян в течение года должность архонта[1]. Фемистокл считал это место прекрасным, ввиду того что оно имеет три естественных гавани[2], а кроме того и понимал, что афиняне, сделавшись морским народом, получат в таком случае больше возможности приобрести силу. Он первый решился заговорить о том, что надо держаться морской политики. И он со своей стороны сейчас же начал прилагать старание, чтобы положить этому начало. И афиняне по его проекту построили вокруг Пирея стену такой толщины, какая и теперь[3] еще видна там. [Две телеги с двух противоположных сторон подвозили камни][4]. Внутри ее не было ни извести, ни глины, но были сложены большие камни, обтесанные прямоугольно и скрепленные между собой и с наружными частями железом и свинцом[5]. Но в высоту она достигла приблизительно только половины того, что он проектировал. Именно, по его плану она должна была иметь такую высоту и толщину, чтобы противостоять замыслам врагов; он думал, что для защиты ее потребуется немного людей и притом будут годиться даже самые слабые инвалиды, остальные же должны будут сесть на корабли. Флоту он придавал особенное значение, мне кажется, потому, что, как он видел, наступление армии царя по морю представлялось легче осуществимым, чем по суше. Ввиду этого Пирей он считал более по-

---

[1] Этим годом одни считают 493/492, другие — 482/481 г. до н. э.

[2] Т. е.: 1) собственно Пирейская гавань, 2) Зея и 3) Мунихия.

[3] В 404 г. эти стены были разрушены, и Фукидид мог судить о первоначальном их виде по остаткам фундамента.

[4] Фраза—неясная и по всей вероятности не подлинная.

[5] Свинец, как показывают сохранившиеся постройки, служил для заливания в камне железных скреп.

лезным, чем верхний город[1]. И он часто доказывал афинянам, что, в случае если на суше они будут побеждены, им надо будет спуститься в Пирей и выступать против всяких врагов на кораблях. Вот как афиняне построили себе стены и вообще начали устраивать у себя всякого рода сооружения сейчас же после ухода мидян.

XIV. МОРСКОЙ СОЮЗ

Плутарх, Аристид, 23. Когда Аристид был послан в качестве стратега вместе с Кимоном на войну[2], он стал замечать, что Павсаний и другие спартанские командиры вызывают со стороны союзников ненависть и раздражение. Между тем сам он обращался с ними обходительно и гуманно, да и Кимона заставлял быть внимательным к их интересам и беспристрастным во время походов. Так он незаметно отнял гегемонию у спартанцев не с помощью оружия, флота или конницы, а умом и простотой обращения. Если греки питали дружественные чувства к афинянам благодаря справедливости Аристида и благородству Кимона, то надменность и резкость Павсания заставляли еще более стремиться к сближению с ними. Павсаний и к начальникам союзников всегда относился запальчиво и грубо и простых воинов наказывал побоями или, налагая железный якорь, заставлял целый день выстаивать с ним. Никому не позволялось прежде спартанцев ни набрать соломы для ложа или травы, ни подойти к источнику за водой, но прислужники его с бичами в руках отгоняли подходивших. Когда однажды Аристид хотел высказать ему жалобу на это и объяснить дело, Павсаний, нахмурив лицо, сказал, что он занят, и так и не выслушал. Ввиду этого наварxи и стратеги греков, в особенности же хиосцы, самосцы и лесбосцы, пришли к Аристиду и стали убеждать его взять на себя гегемонию и привлечь на свою сторону союзников, которые уже давно хотят порвать со спартанцами и перейти к афинянам. Аристид ответил на это, что конечно со слов их видит необходимость и справедливость этого, но что для подтверждения этого нужно такое дело, которое, раз совершившись, не оставило бы возможности народу изменить свое решение. Тогда часть их с самосцем Улиадом и хиосцем Антагором во главе, составив заговор, близ Византии произвела нападение на триэру

---

[1] В противоположность Пирею, самый город Афины расположен в более возвышенной местности.

[2] У Диодора объясняется цель этой войны: «Чтобы освобождать греческие города, в которых оставались еще гарнизоны варваров» (*Diodorus*, XI, 44).

Павсания, окружив ее, когда она шла впереди. Павсаний, увидав это, вышел из себя и в гневе пригрозил вскоре же показать, что эти люди не на его корабль произвели нападение, а на собственные государства. Тогда они сказали ему, чтобы он уходил и благодарил судьбу, помогавшую ему в сражении при Платеях, потому что только из уважения перед ней греки не подвергают его наказанию по его заслугам. Кончилось дело тем, что они отложились от спартанцев и пришли к афинянам. Тут-то в удивительной степени и проявилось благоразумие спартанцев. Как только они увидали, что их начальники развращаются под влиянием огромной власти, они добровольно отказались от гегемонии и перестали посылать полководцев на войну, предпочитая иметь в них скромных и верных обычаям граждан, чем управлять всей Грецией.

24. Греки еще и при гегемонии лакедемонян платили известные взносы на войну. Желая, чтобы всем сообразно с силами каждого государства назначены были умеренные взносы, они выхлопотали у афинян, чтобы к ним прислан был Аристид. После этого они дали ему наказ, чтобы он рассмотрел размеры их владений и доходов и сообразно со значением и силами определил им взносы. Хотя он получил такие полномочия и Греция до известной степени ему единолично вручила все дела, он бедным [1] отправился на это дело, а вернулся еще более бедным, составив роспись денег не только честно и справедливо, но и с дружественным чувством ко всем и применительно к средствам каждого. Как древние люди прославляли жизнь при Кроне[2], так союзники афинян взносы, которые платили при Аристиде, прославляли, называя благополучием Греции, а в особенности стали так говорить, когда спустя немного времени после этого взносы были увеличены вдвое, а потом даже втрое. Та подать, которую установил Аристид, составляла до 460 талантов. К этому Перикл прибавил без малого третью часть [3]. Фукидид говорит, что при начале войны у афинян доходы с союзников составляли шестьсот талантов. А после смерти Перикла демагоги, постепенно увеличивая их, довели общую сумму до 1 300 талантов, причем это было вызвано не столько тем, что война вследствие своей длительности и своих случайностей вызывала большие расходы и стоила много денег, сколько тем, что они увлекли

---

[1] В другом месте Плутарх («Аристид», 1) приводит другие сведения, показывающие, что он не был бедным.

[2] Ср. *Аристотель*, Афинская полития, гл. 16, 7.

[3] *Фукидид*, II, 13 (см. ниже, стр. 171)

народ устраивать раздачи, выдавать зрелищные деньги и сооружать статуи и храмы.

Фукидид, I, 96. Когда афиняне таким способом получили гегемонию с согласия союзников вследствие их ненависти к Павсанию, тогда они установили размеры взносов, какие государства должны давать на войну с варварами деньгами и какие—кораблями. Делалось это под предлогом того, чтобы, опустошая страну царя, отомстить ему за бедствия, понесенные от него. Тогда-то впервые у афинян была установлена должность казначеев эллинской казны [1], которые должны были собирать форос: так стали называть обязательный взнос денег. Первый установленный взнос составлял 460 талантов [2]. Казнохранилищем у них был Делос, и собрания происходили там в святилище.

97. Первоначально афиняне руководили союзниками, предоставляя им быть самостоятельными и решать дела на общих собраниях. Но потом афиняне, ведя войну и распоряжаясь политическими делами, достигли в промежуток между этой войной [3] и мидийской уже такой силы, что могли выполнить столько дел против варваров и против своих же союзников, когда они пытались изменить свое положение, и против отдельных пелопоннесцев, каждый раз как они вступали с ними в столкновение...

99. Причины отпадения союзников бывали различные, но самой важной были недоимки в поставке податей и кораблей или иногда уклонение от несения военной службы. Дело в том, что афиняне строго взыскивали подати, и для людей, не имевших ни привычки, ни желания переносить тягости походной жизни, оказывалось тяжелой неприятностью, когда те начинали прибегать к принудительным мерам. Вообще афиняне, делая свои распоряжения, теперь уже не считались, как прежде, с тем, нравятся ли они союзникам, и, участвуя в походах, они не ставили себя на одинаковый уровень с остальными и легко приводили к повиновению в случае отпадения. Виноваты в этом были сами союзники. Не желая участвовать в походах, большинство из них, чтобы не уходить далеко от дома, договорилось вносить требующуюся сумму на расходы, вместо того чтобы выставлять

---

[1] В дальнейшем стали проводить различие между «казначеями богини» (см. *Аристотель*, Афинская полития, гл. 47, 1) и «казначеями греческой казны» (эллинотамии—ἑλληνοταμίαι) (см. *Аристотель*, Афинская полития, гл. 30, 2).

[2] Т. е. около 1 000 000 рублей.

[3] Т. е. Пелопоннесской (431—404 гг. до н. э.).

свои корабли[1]. Таким образом у афинян увеличился флот на те средства, которые каждый раз вносили союзники все вместе, но самим союзникам, когда они поднимали восстание, приходилось начинать войну без надлежащей подготовки и опытности.

XV. ИДЕАЛИЗАЦИЯ АРЕОПАГА

Исократ, Ареопагитик. (37) Наши предки так много заботились о соблюдении благоразумия, что назначили совету Ареопага блюсти за добрым порядком, а в этом совете могли принимать участие только люди хорошего происхождения, притом обнаружившие в своей жизни высокую добродетель и благоразумие, и потому он естественно получил превосходство над всеми советами у греков. (38) Составить себе представление о тогдашних порядках можно и на основании теперешних обычаев: именно, еще и теперь, когда забыты все правила, касающиеся выборов и проверки[2], мы можем увидать, как люди, невыносимые в прочих случаях, когда вступят на Аресов холм, не решаются проявить своих природных наклонностей и больше соблюдают тамошние порядки, чем свои обычные пороки. Вот какой страх тогдашние граждане внушили негодным людям, и вот какую память своей добродетели и благоразумия оставили они в этом месте.

(39) Так вот такому-то совету они, как я сказал, и дали полномочие заботиться о добром порядке. И совет этот признавал ошибочным мнение тех людей, которые воображают, будто наилучшие граждане родятся там, где с наибольшей точностью изданы законы. И правда, ведь в таком случае ничто не мешало бы всем грекам быть одинаковыми ввиду легкой возможности друг от друга позаимствовать записанное[3]. (40) Но не в этом заключается причина того, что добродетель развивается, а в каждодневном поведении, потому что большинство людей становится подобным по характеру тем, среди которых каждый из них воспитан. Затем многочисленность и точность законов являются признаком того, что в данном государстве жизнь идет плохо: граждане стараются ставить какие-нибудь преграды преступлениям и для этого вынуждены бывают издавать множество законов. (41) Между тем гражданам, правильно устраивающим

[1] В 454/453 г. союзная казна была перенесена в Афины. Сохранились в надписях перечни этих взносов союзников до 420 г.

[2] Т. е. докимасии (см. *Аристотель*, Афинская полития, гл. 45, 3; 55, 2 и др.).

[3] Т. е. записанные законы.

свою политическую жизнь, надлежит не портики[1] заполнять надписями, а в душе иметь правду: не постановлениями, а нравами устраивается хорошая жизнь в государствах, и у людей, плохо воспитанных, хватит смелости преступать даже и точно написанные законы; люди же, получившие доброе воспитание, будут иметь твердое желание соблюдать хотя бы и просто написанные законы. (42) Придя к такому убеждению, они не о том думали в первую очередь, за что бы подвергнуть наказанию провинившихся, а о том, как бы добиться того, чтобы они не могли совершить ни одного проступка, достойного наказания. В этом они полагали свою задачу, хлопотать же о возмездии, по их мнению, подобает только врагам.

(48) Молодые люди проводили время не в игорных домах, не среди флейтисток или в тому подобных местах, в которых теперь проводят целые дни, но оставались при своих занятиях, которые им были назначены, восхищаясь и соревнуясь с теми, кто превосходил всех в этих занятиях. Они так избегали площади, что, если иной раз по необходимости должны бывали пройти через нее, делали это с явными признаками стыдливости и скромности. (49) А возразить что-нибудь старшим или побраниться считали более ужасным, чем по нынешним понятиям оскорбить родителей. В лавочке закусить или выпить не решился бы никто, даже порядочный раб. Они учились быть серьезными, а не скоморошничать. Людей бойких и способных вышучивать, которых в нынешнее время называют даровитыми, тогдашние люди считали ничтожными.

(50) И пусть никто не думает, что я мрачно гляжу на людей в этом возрасте. Я отнюдь не считаю их виновными во всем происходящем, да кроме того и знаю, что большинство из них менее всего довольно теперешним порядком, который позволяет им вести жизнь среди такой распущенности. Поэтому неестественно было бы мне винить их, но гораздо справедливее—тех, которые установили государственный порядок незадолго до нашего времени[2]. (51) Ведь именно они-то и вызвали такое пренебрежительное отношение и низвергли силу этого совета. Пока этот совет был руководителем, город не был переполнен тяжбами, обвинениями, чрезвычайными взносами, нищетой, войнами, но люди и сохраняли спокойствие во взаимных отношениях и поддерживали

---

[1] В Афинах в так называемом «царском портике» выставлены были законы (см. *Аристотель*, Афинская полития, гл. 7, 1).

[2] Имеется в виду реформа Эфиальта 462 г., которой было отнято политическое влияние у Ареопага (см. *Аристотель*, Афинская полития, гл. 25, 1—4).

мир со всеми остальными. Они внушали к себе доверие со стороны греков и страх со стороны варваров. (52) Дело в том, что одних они спасли, а других подвергли такому наказанию, что они довольны и тем, если не терпят еще чего-нибудь худого. Вот поэтому-то они и жили в такой безопасности, что их деревенские дома и постройки были прекраснее и великолепнее, чем в стенах города, и многие из граждан даже на праздники не приходили в город, но предпочитали оставаться при своем личном достоянии, чем пользоваться общественными благами. (53) Да и тогда, когда дело касалось торжеств, ради которых можно было бы притти, они вели себя без надменности и самомнения, но с полным благоразумием, потому что они определяли счастье не по торжественным процессиям, не по соревнованию в исполнении хорегий и вообще не по внешнему блеску подобного рода, а по скромному образу жизни, по повседневной жизни и по тому, если никто из граждан не имеет недостатка в самом насущном. А это и есть те данные, по которым надо отличать людей, в полном смысле слова пользующихся благополучием, от людей, только кичащихся своей политической деятельностью. (54) В самом деле, сейчас-то кто же из людей сознательных не почувствует скорби, когда увидит, что многие из граждан, хотя и сами беспокоятся о том, будет ли у них необходимое или нет, и ради этого вынимают жребий перед входом в судебные учреждения[1], тем не менее считают нужным содержать на свой счет тех из греков, которые хотят быть гребцами на кораблях; или когда увидит, что те самые люди, которые участвуют в хорах, одетые в золотые гиматии, зимой ходят в такой одежде, что я не хочу и говорить о ней, или когда увидит в жизни еще и другие противоречия подобного же рода, налагающие великий позор на государство?! (55) Ничего такого не было при том совете. Он освобождал бедняков из затруднительного материального положения, давая им работу и разные выгоды у зажиточных; молодежь отвращал от необузданного поведения, приучая к порядку и наблюдению за собой; политических деятелей отвращал от своекорыстия наказаниями и невозможностью для преступников остаться скрытыми; пожилым людям не давал впадать в уныние, награждая их государственными должностями и уважением со стороны молодых. Но разве может быть государственный порядок более достойный, чем этот, так прекрасно заботившийся обо всех делах?!

---

[1] Дело идет о записи в число присяжных; за участие в суде полагалось вознаграждение (см. *Аристотель*, Афинская полития, гл. 27, 4; 62, 2; 65, 4; 66, 3; 69, 2).

XVI. ПЕРИКЛ

Плутарх, Перикл, 11. Приверженцы аристократии уже и ранее видели, что Перикл сделался самым могущественным из граждан; желая все-таки, чтобы кто-нибудь в государстве выступал против него и ослаблял его силу и чтобы не было таким образом настоящего единовластия, выставили ему в качестве противника Фукидида из Алопеки[1], человека умеренного, свойственника Кимона; хотя этот Фукидид не был таким опытным воителем, как Кимон, но зато был более искусным оратором и политическим деятелем. Он, оставаясь в городе, вступил в борьбу с Периклом вокруг ораторской трибуны и скоро в государственной жизни привел в равновесие силы партии. Именно, он признал недопустимым, чтобы люди, так называемые «прекрасные и добрые»[2], были попрежнему рассеяны и перемешаны с народом и в общей массе теряли свое значение. Когда он выделил их и объединил вместе, все они в совокупности составили уже серьезную силу, и он таким образом достиг равновесия, как на весах. С самого начала была внутри некоторая трещина, как в железе, показывающая противоречие демократической и аристократической партии; но борьба и честолюбие этих мужей, произведя глубочайшее разделение в государстве, заставили одну называть «народной», другую—партией «немногих». Вот почему и тогда Перикл, дав вожжи народу, стал вести политику, угождая ему. Он то и дело придумывал устраивать в городе то какое-нибудь общенародное зрелище, то угощение, то процессию и руководил народом, воспитывая его с помощью художественных удовольствий; он ежегодно высылал шестьдесят триэр, на которых в течение восьми месяцев плавали многие из граждан, получая за это жалованье, а вместе с тем практикуясь и усваивая знание корабельного дела. Кроме того он послал тысячу клерухов в Херсонес, пятьсот—в Наксос, половину этого—в Андрос, тысячу—во Фракию для поселения вместе с бисальтами, еще других—в Италию при новом заселении Сибариса, который назвали Фуриями. Это он делал, облегчая город от праздного и беспокойного вследствие безделья простонародья; в то же время таким способом он поправлял дела нуждающегося люда, а союзникам вселял страх и предупреждал возможность какого-нибудь переворота с их стороны.

---

[1] Это—сын Мелесия (не надо смешивать с историком, сыном Олора).

[2] «καλοὶ κἀγαθοί»—политический термин, выражающий идеал физической и нравственной красоты и усвоенный аристократами.

12. Но что принесло величайшее наслаждение и красоту Афинам, а всем остальным людям величайшее удивление и что одно только перед Грецией свидетельствует о нелживости той пресловутой силы ее и древнего счастья—это сооружение храмов, посвященных богам. Вот это самое более всех других политических дел Перикла порицали его враги и на заседаниях народного собрания клеветали на него, крича, что народ подвергается позору и что о нем распространяются худые слухи, будто он привез к себе с Делоса общую казну греков, и что Перикл сделал невозможным то благовиднейшее объяснение, которое можно выставлять против обвинителей,—именно, народ ведь взял его оттуда к себе, побоявшись варваров, и общее достояние хранит у себя в безопасном месте. Греция как будто подвергается страшному оскорблению и явно попадает под тираническую власть; она видит, что на взносы, принудительно взыскиваемые с нее на войну, мы свой город одеваем в золото и наряжаем, словно тщеславную женщину, которая увешивает себя драгоценными камнями, украшениями, и строим храмы ценностью в тысячи талантов. Ввиду этого Перикл разъяснял народу, что афиняне не обязаны давать союзникам отчета в деньгах, так как воюют за них и отражают варваров, тогда как они сами не дают ни конницы, ни кораблей, ни гоплитов, а вносят только деньги. Эти деньги уже не принадлежат дающим, а тому, кто получает, раз он предоставляет то, за что получает. А раз город достаточно снабжен всем необходимым для войны, избыток его средств надо обращать на такие дела, осуществление которых в результате может доставить вечную славу, а в своем ходе будет сейчас же давать готовый доход, так как начнутся всевозможные работы и возникнут разнообразные нужды, которые пробуждают всякое искусство, двигают всякую руку и через это дают заработок чуть ли не всему государству, так что оно будет одновременно и украшать и прокармливать само себя. Так оно и вышло. Людям призывного возраста и полным силы походы давали содержание от казны; что же касается нестроевой массы и ремесленников, то Перикл хотел, чтобы и они не были отстранены от участия в барышах, но и не получали их без труда и задаром; соответственно этому Перикл предложил народу обширный план сооружений и проекты многочисленных работ по разным отраслям ремесла, рассчитанные на продолжительное время, так чтобы население, остающееся дома, могло наравне с отъезжающими моряками или воинами, несущими гарнизонную или походную службу, получать содержание от казны и иметь долю в прибылях. У государства был материал—камень, медь, сло-

новая кость, золото, эбеновое дерево, кипарис, были и ремесла, способные выделывать его и обрабатывать, были строители, скульпторы, кузнецы, каменотесы, ювелиры по золоту и слоновой кости, живописцы, эмалировщики, резчики, люди, занимающиеся отправкой и перевозкой этих вещей как по морю — купцы, матросы и лоцманы, так и по суше — каретники, извозчики, погонщики мулов, далее, канатные мастера, ткачи, седельщики, рабочие, занимающиеся прокладкой дорог, и рудокопы; каждое ремесло, как полководец свою собственную армию, имело своих чернорабочих и подмастерьев в артелях, которые служили орудием и живой силой служебного значения. Спрос распределял и сыпал свои доходы на всякий, можно сказать, возраст и на всякие способности.

37. ...Уже много времени назад, когда Перикл достиг высшей степени влияния в государстве и имел, как сказано, законных детей, он написал закон, гласивший, что афинянами могут быть только люди, происходящие от обоих афинян[1]. Когда же египетский царь[2] прислал в подарок народу 40 тысяч медимнов[3] пшеницы и нужно было гражданам делить их между собой, началось много процессов против людей, которые по смыслу этого закона были незаконными, но до этих пор укрывались или оставались незамеченными; а многие делались жертвами мошеннических проделок. Во всяком случае продано было в рабство как уличенных немного менее пяти тысяч[4]; сохранивших же гражданские права и признанных афинскими гражданами оказалось 14 040. Было крайне затруднительно закон, применявшийся во всей силе против стольких людей, нарушать специально ради того самого человека, который его предложил. Однако, когда Перикл как бы понес наказание за свою надменность и высокомерие, настоящее несчастье с его семьей тронуло афинян, и они подумали, что он понес кару от богов и нуждается в человеческом участии, и разрешили ему незаконного сына вписать во фратрию и дать ему свое имя. Впоследствии, когда этот сын при Аргинуссах одержал победу над пелопоннесцами, народ казнил его вместе с другими стратегами[5].

---

[1] Закон этот существовал уже раньше, но Перикл его возобновил в 451/450 г. (см. *Аристотель*, Афинская полития, гл. 26, 4). Дело идет о том, что под конец жизни Периклу пришлось хлопотать об изменении этого закона для детей его от Аспасии.

[2] Царь египетский Псамметих, в 445/444 г.

[3] Около 21 млн. литров.

[4] Цифра очевидно преувеличена.

[5] Об аргинусском процессе см. *Аристотель*, Афинская полития, гл. 34, 1.

Фукидид, II, 65, 5—13. Все время пока Перикл при мирной обстановке стоял во главе государства, он правильно руководил им и твердо охранял его безопасность. При нем оно достигло высшего своего развития. Но и при таком положении, когда началась война, он повидимому предвидел трудность ее. Он прожил во время войны два года и шесть месяцев. И когда он умер, еще в большей степени обнаружилась его прозорливость относительно войны. Он говорил, что надо держаться спокойно, обращать внимание на развитие флота, не стремиться к расширению своего владычества во время войны и не рисковать существованием государства—вот тогда и выйдут победителями. Но афиняне во всем этом поступали наоборот и кроме того еще в делах, которые казались не связанными с войной, но вызывались соображениями личного честолюбия и личных выгод, повели политику во вред и самим себе и своим отношениям с союзниками. Эти дела в случае удачи должны были отдельным лицам принести почет и выгоды, но в случае неудачи они несли вредные последствия для государства на войне. Причина же была в том, что он, будучи силен и своим авторитетом и своим умом, а в денежных делах безусловно неподкупнейшим человеком, сдерживал народ, не стесняя его свободы, и не подчинялся его руководству, а, наоборот, сам руководил им, так как он не говорил ничего в угоду народу ради того только, чтобы неподобающими средствами приобрести силу, но умел при случае сказать с достоинством и даже с негодованием. По крайней мере, когда замечал, что народ в своей заносчивости начинает проявлять в чем-нибудь неуместную дерзость, он произносил такую грозную речь, что повергал его в страх, и, наоборот, когда люди бывали попусту перепуганы, он снова возвращал им мужество. Так и оказывалось: на словах—демократия, а на деле—правление первого мужа. Позднейшие же деятели, между которыми оказалось уже больше равенства и из которых каждый стремился сделаться первым, начали и в делах уступать народу ради того, чтобы угодить ему. В результате этого было совершено много ошибок, как и естественно в государстве большом и имевшем власть. Такой ошибкой был между прочим морской поход в Сицилию. Этот поход был ошибочен не столько в своем расчете по отношению к тем, против кого велось наступление, сколько в том, что пославшие, не думая в дальнейшем о пользе ушедшей армии, а только о том, чтобы своими личными наветами достичь руководительства народом, ослабляли силу действующей армии и в самом городе создали впервые междоусобную смуту. Однако, хотя и потеряли все снаряжение в Сицилии и бо́льшую часть

флота и хотя в самом городе происходила смута, все-таки в течение восьми лет[1] они боролись и с прежними врагами, и еще с действовавшими заодно с ними сицилийскими, и с увеличившимся количеством отпавших союзников, затем с примкнувшим к ним сыном персидского царя Киром, который стал снабжать пелопоннесцев деньгами на флот. И не прежде уступили они, как тогда, когда потерпели поражение, раздираемые сами своими собственными раздорами. Вот как много оснований было тогда у Перикла, по которым он предвидел, что афиняне очень легко могли бы на войне оказаться победителями над пелопоннесцами, самостоятельно взятыми.

XVII. МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ АФИН В НАЧАЛЕ ПЕЛОПОННЕССКОЙ ВОЙНЫ

Фукидид, II, 13,2—9. Относительно текущего положения Перикл давал советы, так же, как и прежде, говоря, что надо готовиться к войне и перевозить в город из деревень свое имущество, в битву против врагов не выходить, но переселиться в город и его защищать, снаряжать флот, в котором заключается их сила, держать крепко в своих руках союзников. Он доказывал, что они представляют для афинян главный источник доходов, в войне же победа достигается главным образом верным расчетом и наличием свободных средств. Вместе с тем он призывал их мужаться, ввиду того что доходов поступает в государство шестьсот талантов[2] главным образом ежегодных податей с союзников, не считая других доходов; кроме того на Акрополе еще тогда было в наличности шесть тысяч талантов[3] чеканного серебра (наивысшая сумма достигла девяти тысяч семисот талантов, но из нее были произведены расходы на Пропилеи в Акрополе и все прочие постройки[4], а также на войну из-за Потидеи[5]; кроме того нечеканенного золота и серебра в частных и общественных посвятительных предметах и в священной утвари для процессий и состязаний, наконец мидийская добыча и прочее тому подобное на сумму

---

[1] В рукописи: «трех лет»—явная ошибка. Цифра восстанавливается предположительно.

[2] Т. е. около 1 440 тыс. руб.

[3] Т. е. около $14^{1}/_{2}$ млн. руб.

[4] Пропилеи—вход на Акрополь, отстроены в 432 г. Из других построек надо отметить: Парфенон, телестерий (храм) в Элевсине, Одеон и др.

[5] Осада Потидеи была одним из поводов к началу Пелопоннесской войны.

не менее пятисот талантов. Сверх этого он прибавлял еще немалую сумму денег и в остальных храмах. Всем этим, говорил он, можно будет воспользоваться, а в крайнем случае, если все эти источники будут исчерпаны, тогда еще и золотыми частями с самой статуи. Он представлял расчет, что на статуе вес чистого золота составляет сорок талантов, и это золото может быть снято [1] целиком. Если придется воспользоваться этим на дело спасения, говорил он, то надо будет потом вернуть не меньшую сумму [2]. Так он успокаивал их указанием на средства. Затем говорил, что есть тринадцать тысяч гоплитов, если не считать шестнадцати тысяч [3] тех, которые стоят в крепостях и у бруствера; действительно, таково было число людей, которые несли караульную службу в первое время, когда враги вторгались [4]: оно составлялось из граждан самого старшего и самого младшего возраста [5], а также всех метеков, которые служили в гоплитах. Ведь Фалерская стена на всем протяжении до окружной городской стены имела в длину 35 стадиев [6], да в самой окружности города часть, требовавшая охраны, составляла 43 стадия [7], а одна часть этого круга даже и не охранялась—это та, что лежит в промежутке между Длинной и Фалерской. А Длинные стены идут к Пирею на расстоянии 40 стадиев [8]: из них внешняя охранялась, да еще ограда Пирея вместе с Мунихией [9] вся в целом составляет 60 стадиев [10], причем охранялась половина ее. Всадников он насчитывал тысячу двести вместе с конными стрелками, тысячу шестьсот стрелков и

---

[1] Известен рассказ о процессе против Фидия, который обвинен был в утайке золота, данного ему на сооружение этой статуи: он снял золотые части и, взвесив их, доказал свою невиновность (*Плутарх*, Перикл, гл. 31).

[2] Такие случаи засвидетельствованы надписями.

[3] В тексте повидимому ошибочная цифра; может быть следует читать шесть тысяч.

[4] В течение первых 10 лет войны спартанцы 5 раз вторгались в Аттику.

[5] Молодежь 18—20 лет, так называемые эфебы, обычно несла гарнизонную службу (см: *Аристотель*, Афинская полития, гл. 42, 4); пожилые в возрасте 50—60 лет в далекие походы не посылались.

[6] Стадий=177,6 *м*; таким образом 25 стадиев=4 440 *м*.

[7] 43 стадия=7 636,8 *м*.

[8] 40 стадиев=7 104 *м*.

[9] Мунихия—полуостров между Пирейской и Фалерской бухтами.

[10] 60 стадиев=10 656 *м*.

триста триэр, годных для плавания. Вот какие средства были у афинян, и ни одна отрасль не была ниже этого расчета, когда в первый раз ожидалось вторжение пелопоннесцев и готовились к войне. Высказывал Перикл также и другие соображения, какие обыкновенно приводил в доказательство того, что на войне они должны выйти победителями.

Аристофан, Осы, 656—663, речь Бделиклеона[1]:

Разочти-ка сперва приблизительно мне, не на счетах, а просто на пальцах,
Сколько подати к нам ото всех городов, если все сосчитать, поступает.
Да прибавь-ка сюда все налоги еще, да доход двухпроцентный с привоза,
Да с базаров, с суда, рудников, пристаней, да с аренд и народных имуществ.
Всех доходов таких приблизительно мы до двух тысяч талантов имеем[2].
Из доходов теперь для присяжных судей отдели ежегодную плату.
Их шесть тысяч всего, так как больше в стране подходящих людей не найдется.
И выходит, что мы на присяжных судей полтораста талантов издержим.

(Перевод Корнилова)

XVIII. ИЗ НАДГРОБНОГО СЛОВА ПЕРИКЛА

Фукидид, 37. У нас государственный строй таков, что не подражает чужим порядкам; скорее мы сами служим примером для других, чем подражаем кому-нибудь. И называется наш строй демократией, ввиду того что сообразуется не с меньшинством, а с интересами большинства. По законам в частных делах все имеют одинаковые права; что же касается уважения, то в общественных делах преимущество дается сообразно с тем, насколько каждый славится в том или ином отношении—не в силу поддержки какой-нибудь партии, а по способностям. Никогда также человек, способный принести пользу государству, не бывает лишен к тому возможности из-за бедности, вследствие ничтожности своего положения. Мы занимаемся и общественными делами, как подобает свободным гражданам, и в повседневных отношениях не питаем недоверия друг к другу, не воз-

---

[1] Комедия «Осы» поставлена в 422 г. до н. э.

[2] 2 000 талантов—около 4 800 тыс. руб. золотом; 150 талантов—около 360 тыс. руб.

мущаемся против другого, если он поступает так, как ему нравится, не высказываем при этом досады, хоть безвредной, но все же неприятной для постороннего наблюдателя. Общительные без всякой докучливости в частных отношениях, мы избегаем противозакония в общественных делах главным образом из чувства боязни; мы повинуемся и лицам, стоящим в данное время у власти, и законам, особенно тем из них, которые изданы в защиту обижаемых, и тем, хотя и неписаным, неисполнение которых навлекает на виновных всеми признаваемый позор.

38. При всем этом и от трудов мы предоставили для мысли самые многочисленные средства отдохновения—устраиваем в течение всего года игры и жертвоприношения, великолепные частные сооружения, в которых мы изо дня в день испытываем такое наслаждение, что забываем за ним свои печали. Кроме того благодаря величине нашего государства к нам подвозится из всех стран решительно все, и мы можем одинаково удобно пользоваться как теми богатствами, которые производятся у нас здесь, так и теми, которые производятся у других людей.

39. Мы отличаемся и в заботах о военном деле от наших противников в следующих отношениях. В свое государство мы предоставляем доступ для всех и никогда гонениями на иностранцев не закрываем никому возможности изучать или осматривать то, чем может воспользоваться любой из врагов, если увидит нескрытым, потому что мы полагаемся не столько на подготовку и военные хитрости, сколько на собственное рвение к делу. Точно так же и в воспитании—они достигают мужества, с самого детства закаляемые тяжелыми упражнениями, а мы, хотя обычно и живем беззаботно, идем нисколько не менее решительно в опасности против равносильных бойцов. А вот доказательство: лакедемоняне никогда не отправляются в поход на нашу страну одни, но только со всеми союзниками; зато мы сами, вторгнувшись в землю других, там, на чужой стороне, в большинстве случаев без труда одолеваем в битве людей, защищающих свою родину. Притом со всеми нашими силами еще ни разу не встречался ни один неприятель, вследствие того что одновременно мы и заботимся о флоте и рассылаем своих людей на многочисленные сухопутные предприятия. Если же врагам придется где-нибудь встретиться с какой-либо частью наших войск, то в случае победы над некоторыми из нас они уже хвалятся, что отразили всех; если же сами потерпят поражение, говорят, что побеждены всеми силами. А ведь если мы хотим идти в опасность

скорее шутя, чем закаливши себя трудами, и проявляем мужество не столько по требованию законов, сколько по свойству характера, то у нас и получается то преимущество, что мы не чувствуем себя усталыми уже только в ожидании предстоящих тягостей, а тогда, когда попадем в них, мы не уступаем в смелости тем, которые всегда только этим и занимались. И наше государство заслуживает удивления не только в этом, но еще и в других отношениях.

40. Мы любим красоту, соединенную с простотой, и любим образованность, не страдая слабостью духа. В богатстве мы видим скорее подспорье для деятельности, чем предмет для хвастливых речей. Что же касается бедности, то у нас не признание в ней позорно для человека, а позорнее не прилагать труда, чтобы выйти из нее. Нам приходится совмещать в себе заботу как о домашних, так и о государственных делах, и, хотя некоторые заняты специальными работами, они все-таки могут неплохо понять дела государственные. Человека, который совершенно уклоняется от участия в этих делах, мы одни считаем не за скромного, а за пустого, и мы сами решаем дела или стараемся правильно обдумывать их, так как не признаем разговоры помехой для дела, а, наоборот, считаем вредным, не обсудивши сначала в прениях, перейти прямо к выполнению того, что нужно. Мы отличаемся еще и той особенностью, что совмещаем в себе величайшую смелость с умением обдумывать те дела, которые собираемся начать. А между тем остальным неведение сообщает смелость, размышление же—нерешительность. Но по справедливости за сильнейших духом могут быть признаны именно те люди, которые, представляя вполне отчетливо как ужасы жизни, так и ее сладости, тем не менее не уклоняются вследствие этого от опасностей.

Точно так же и в отношении благородства мы составляем противоположность большинству. Мы приобретаем друзей не тем, что получаем от других благодеяния, а, наоборот, тем, что сами их оказываем другим. Но тверже положение того, кто сам оказал благодеяние, так как он обеспечивает себе благодарность как долг со стороны того, кому оказал благодеяние. Если же кто обязан другому, тот не проявляет такой энергии, так как знает, что ему приходится выказывать благородство не по внутреннему чувству, а по обязанности. И в том случае, когда мы бесстрашно помогаем кому-нибудь, мы одни руководимся не столько расчетом, выгодно ли это, сколько простым доверием, которое подобает свободе.

41. Короче говоря, наше государство все вообще является

школой Греции, и каждый человек в отдельности, мне кажется, может у нас проявлять себя полноценной и самостоятельной личностью в самых разнообразных положениях с наибольшей ловкостью и изяществом. И что это не одни только пышные слова, подобающие данному случаю, а настоящая действительность, это показывает нам уже самая сила нашего государства, которую мы приобрели такими чертами своего характера. Действительно, оно одно из всех современных государств при испытании оказывается выше составившейся о нем молвы; оно одно не вызывает ни у вторгнувшегося врага негодования на то, какими людьми он побежден, ни у подчиненных упрека в том, что ими управляют недостойные. Оставив важные доказательства и приобретя силу, которую могут удостоверить свидетели, мы будем предметом удивления и для современников и для потомков, нисколько не нуждаясь при этом в восхвалениях Гомера или кого бы то ни было другого, кто своими произведениями доставил бы наслаждение в данную минуту, но чьи вымыслы впоследствии опровергла бы действительность; нет, мы сделаем все—и море и сушу—доступным нашему дерзновению и всюду оставим вечные памятники и худых и добрых дел. Так вот за какое государство благородно бились и пали эти люди, считая для себя недопустимым лишиться его. И теперь у всякого из остающихся в живых естественно должно быть желание бороться за него.

XIX. ГРАЖДАНСКАЯ ПРИСЯГА АФИНЯН[1]

Полидевк (Поллукс), VIII, 105; *Стобей*, Антология (Florilegium), LXIII, 48.

Я не посрамлю священного оружия и не покину товарища, с которым буду итти в строю, но буду защищать и храмы и святыни—один и вместе со многими. Отечество оставлю после себя не умаленным, а бóльшим и лучшим, чем сам его унаследовал. И я буду слушаться властей, постоянно существующих, и повиноваться установленным законам, а также и тем новым, которые установит согласно народ. И если кто-нибудь будет отменять законы или не повиноваться им, я не допущу этого, но буду защищать их и один и вместе со всеми. И я буду чтить отеческие

---

[1] Эта присяга приносилась обычно молодыми афинянами по достижении ими совершеннолетия (в 18 лет), когда они становились эфебами и как граждане вносились в списки своих демов (см. *Аристотель*, Афинская полития, гл. 42, 1).

святыни. А свидетелями того да будут Аглавра, Эниалий-Арес, Зевс, Фалло, Авксо, Гегемона [1].

XX. СУДЫ ОБ УБИЙСТВАХ

Демосфен, XXIII. (65) ...Много у нас есть такого, чего нет в других местах, но одно наиболее своеобразное и священное — судилище на Аресовом холме, о котором столько можно рассказать прекрасных дел, сохраненных в преданиях и мифах или виденных нами воочию, сколько нельзя рассказать ни о каком другом судилище; из всего этого, как для примера, сто́ит выслушать один или два случая. (66) Частью это принадлежит древним временам, как слышно по преданию: это — единственное судилище, в котором удостоили боги дать и получить удовлетворение за убийство и стать судьями при споре между собой; по рассказу, удовлетворение получил Посейдон за сына своего Галиррофия от Ареса, а судьями были между Эвменидами и Орестом двенадцать богов. И это принадлежит к древности, а вот более позднее: это — единственное судилище, у которого ни тираны, ни олигархия, ни демократия не осмелились отнять суда об убийствах, но все думают сами, что в ином суде нашли бы по этим делам менее крепкую правду, чем в этом суде. Помимо этого столь важного обстоятельства, только здесь никто никогда еще — ни ответчик в случае осуждения, ни обвинитель, проиграв дело, — не доказывал, что приговор был вынесен несправедливо... (67) Вы конечно все это знаете, что в Ареопаге, где закон дает право и повелевает судиться по делам об убийстве, тот, кто обвиняет другого в совершении чего-нибудь подобного, прежде всего даст присягу, призывая гибель на себя, на свой род и на дом; (68) затем, он сделает это не каким-нибудь случайным способом, но так, как никто не клянется ни в чем другом, — став над внутренностями кабана, барана и быка, притом закланных кем следует и в какие дни подобает, так чтобы и со стороны времени и со стороны исполнителей было сделано все, что требуется священным обычаем. Да и после этого принесший такую клятву еще недостаточно заслужил доверие, но, если обнаружится, что говорил неправду, он ничего не выиграет, но взвалит бремя клятвопреступничества на своих детей и свой род. (69) Если же признáют обвинение справедливым и обвинитель

---

[1] Аглавра — дочь мифического царя Аттики Кекропа; Авксо, Фалло и Гегемона — хариты (грации), дарующие произрастание плодов; Эниалий — здесь прозвище Ареса, а нередко встречается и как имя бога войны.

уличит содеявшего в убийстве, то и в таком случае он не получает права над осужденным, но его покарать имеют власть законы и те, кому это назначено, а обвинителю можно только увидеть, как осужденный несет наказание, которое установил закон, а больше этого ничего. И вот у обвинителя такие права, а подсудимому присяга полагается такая же точно, и кроме того можно, произнеся первую защитительную речь[1], уйти из страны, и ни обвинитель, ни судьи, ни кто-либо другой из людей не имеют права его остановить. (70) Почему же, афиняне, это так? Потому, что установившие с самого начала эти порядки—кто бы они ни были: герои или боги—не преследовали несчастий, но по-человечески, насколько было ко благу, облегчали бедствия... Таким образом прежде всего вот одно судилище, вопреки писаным и неписаным законам которого внесен законопроект[2]. (71) Во-вторых, будет показано, что он ниспровергает еще и другое судилище—о непредумышленных убийствах, при Палладии, и преступает его законы. Именно, и там полагается, во-первых, клятва, во-вторых, речь, в-третьих, дознание суда... Если же кто будет уличен и признан совершившим деяние, ни обвинитель не имеет власти над содеявшим, ни кто-либо другой, а только закон. (72) Что же повелевает закон? Повелевает, чтобы уличенный в непредумышленном убийстве в течение некоторого определенного времени ушел по указанной дороге и был в изгнании, пока не примирится с кем-нибудь из родичей пострадавшего. Тогда закон дал способ, чтобы вернуться, но не так, как придется, а определил и совершить жертвы, и очиститься, и исполнить еще некоторые обязанности; и правильно, афиняне, все это говорит закон. (73) Действительно справедливо, что он за непредумышленные убийства установил меньшее наказание, чем за предумышленное; также правильно и то, что он, позволив безопасно уйти, при таких условиях повелевает быть в изгнании; и то, что требует от виновного при возвращении совершать искупительные жертвоприношения и очищаться по известным правилам и что над всем предоставляет власть законам и вообще все это прекрасно.

(74)...А кроме этих есть еще третье судилище, которое из всех них заключает в себе наибольшую святость и внушает особенный трепет: если кто-нибудь, признаваясь в совершении

---

[1] По закону и обвинителю и подсудимому полагалось по две речи.

[2] Оратор возражает против предложения о даровании полководцу Харидему особых прав для обеспечения неприкосновенности: он доказывает, что в Афинах всякий гражданин достаточно защищен государственными учреждениями.

убийства, в то же время утверждает, что совершил это на законном основании. Это—судилище при Дельфинии. Да, мне кажется, судьи, люди, установившие в самом начале правовые представления об этих делах, прежде всего занялись вопросом, всякое ли вообще убийство следует считать непозволительным или в некоторых случаях надо признавать его справедливым, но вот, принимая во внимание, что Орест, хотя и признавался в убийстве матери, все-таки был оправдан, представ на суд богов,—они пришли к убеждению, что иногда убийство бывает справедливо, потому что, будь это несправедливо, не постановили бы этого боги. А придя к такому убеждению, они уже пишут и ясно определяют, в каких случаях позволительно убивать...

(76) Далее, кроме этих есть еще четвертое судилище—у Пританея. А оно что собой представляет? Если камень, или дерево, или железо, или что-нибудь подобное убьет при своем падении, или если не будут знать, кто нанес удар, а будут знать и иметь налицо самый предмет, причинивший убийство, тут начинается дело об этих предметах. Таким образом, если из неодушевленных и не одаренных разумом предметов, имеющих на себе такую вину, ни одного не полагается оставлять без суда, то тем более человека, хотя может быть и ни в чем не повинного, но все-таки—надо допустить—преступного, его, как человека и как существо, по воле судьбы получившее в удел одинаковую с нами природу, грешно и ужасно, не дав возможности сказать слова, без голосования изгонять из-за такого обвинения.

(77) Еще посмотрите, какое пятое судилище он обошел—судилище «у Фреаттó». Там, афиняне, закон повелевает отвечать перед судом такому человеку, который, будучи изгнан за непредумышленное убийство и еще не примирившись с теми, которые требовали его изгнания, обвиняется в новом убийстве—предумышленном, и, несмотря на то, что этому человеку нельзя придти сюда, законодатель и тут не оставил его без внимания. И, хотя подсудимый уже ранее совершил нечто подобное, законодатель не признал огульно достоверным однородного же обвинения против него, (78) но и благочестие соблюсти нашел средство и подсудимого не лишил слова и суда. Что же он сделал? Он привел тех, кому предстоит судить, туда, куда можно придти изгнаннику, указав в стране одно место, называемое «у Фреаттó», у моря. Затем подсудимый защищается, подъехав на лодке, не касаясь земли, а они слушают и судят, находясь на суше. И, если он будет осужден, он несет наказание, полагающееся за предумышленное убийство,—и справедливо; если же будет оправдан, отпускается свободным от этого преступления, но продол-

жает нести изгнание за первое убийство. (79) Для чего же это так предусмотрено? Законодатель различал это, считая одинаковым нечестием как потворствовать преступнику, так и губить безвинного прежде суда.

XXI. ЖАЛОБА НА ПРОТИВОЗАКОНИЕ[1]

Эсхин, III. (5) Остается еще одна часть государственного строя... процессы о противозакониях. Если же и их вы уничтожите или дадите волю желающим уничтожить их, то я предсказываю вам, что вы сами не заметите, как понемногу уступите коекому свои гражданские права. (6) Вы ведь знаете хорошо, афиняне, что у всех людей есть три вида государственного строя—тирания, олигархия и демократия; управляются тиранические и олигархические государства усмотрением их руководителей, а демократические государства—установленными законами. Итак, из вас никому это не должно оставаться неизвестным, но каждый пусть отлично знает, что всегда, когда входит в здание суда, для того чтобы судить по делу о противозаконии, в этот день ему предстоит подавать голос о собственной свободе слова. Потому-то и законодатель поставил это на первом месте в присяге судей: «буду подавать голос по законам»—он хорошо знал, что, если в государстве будут соблюдаться законы, этим самым сохраняется и демократия. (7) Памятуя всегда об этом, надо вам ненавидеть тех, кто вносит противозаконные предложения, и отнюдь не умалять значения подобных преступлений; наоборот, каждое такое дело надо считать чрезвычайно серьезным и никому из людей не позволять отнимать этого права у вас—не допускать ни заступничества стратегов, которые уже с давних пор, выступая на защиту некоторых из ораторов, вносят разложение в государство, ни ходатайства иностранных друзей, которых некоторые приводят с собой, чтобы уйти из рук правосудия, действуя такими беззаконными средствами. Но как каждый из вас постыдился бы оставить пост, на котором его поставят на войне, так и теперь постыдитесь оставить пост, на который вы поставлены законами сегодня в качестве стражей демократии. (8) При этом надо твердо помнить еще и о том, что теперь все граждане, поручив и вверив вам государство и государственный строй, одни присутствуют здесь и внимательно слушают этот процесс, другие не явились, занятые своими собственными де-

---

[1] Γραφὴ παρανόμων—обжалование принятого или даже вступившего в силу постановления.

лами. Уважая их и памятуя о присяге, которую вы принесли, и о законах, если я докажу, что Ктесифонт внес предложение противозаконное, ложное и вредное для государства, отменяйте, афиняне, противозаконные предложения, утверждайте в государстве демократию, карайте тех, кто действует вопреки законам и вашей пользе.

XXII. [КСЕНОФОНТ]

АФИНСКАЯ ПОЛИТИЯ

Введение

Памфлет неизвестного автора под названием «Государственное устройство афинян», или короче «Афинская полития», сохранившийся в сборнике сочинений Ксенофонта, является единственным уцелевшим до нас образцом из богатой политической литературы эпохи пелопоннесской войны. Повидимому и сам Аристотель пользовался подобного рода политическими памфлетами. По крайней мере он говорит (гл. 29) о целой группе людей, мечтавших о возвращении к «строю отцов», и откликом такого рода литературы является, как теперь принято думать, у него глава четвертая—о законодательстве Драконта. Из авторов таких памфлетов известны были Критий и Ферамен. Кто был автором этой «Афинской политии», остается неизвестным; во всяком случае, авторство Ксенофонта исключается как временем написания памфлета (около 425 г., тогда как Ксенофонт родился около 430 г.), так и разницей политических взглядов и стилем. Высказывались предположения об авторстве и Крития, и Ферамена, и обоих Фукидидов, но все они обнаружили свою несостоятельность.

Время написания памфлета определяется следующими данными. Это—время большой войны (III, 2), но ни о какой крупной неудаче Афин тут нет речи (II, 1); Афины представляются могущественным государством (II, 2—4), которое пользуется подвозом товаров со всех концов греческого мира и может легко предпринимать далекие военные экспедиции в противоположность сухопутной державе—имеется в виду Спарта, которая лишена такой возможности вследствие затруднительности снабжения армии (II, 5). Последнее замечание было бы невозможно после похода Брасида во Фракию в 424 г. С другой стороны, упоминание, что народ не допускает в комедии осмеивать свои действия, невозможно после постановки «Всадников» Аристофана (конец января 424 г.), но имело основание после постанов-

ки его «Вавилонян» (март 426 г.). Так получается приблизительная дата 425 г. до н. э.

Основное пособие: Die pseudoxenophontische Ἀθηναίων πολιτεία. Einleitung, Übersetzung, Erklärung von *E. Kalinka*, Leipzig—Berlin 1913. Из новейшей литературы укажем: *Stail*, Über die pseudoxenophontische Ἀθηναίων πολιτεία, Diss. Würzburg, 1920; *Schöll*, Die Anfänge einer politischen Literatur bei den Griechen, Festrede, München 1890; *Arnim*, Die politischen Theorien des Altertums, Wien 1910; на русском языке: *А. Н. Шварц*, [Ξενοφῶντος], Ἀθηναίων πολιτεία, критическое исследование, М. 1891; *Е. Е. Кагаров*, Спорные вопросы, связанные с псевдоксенофонтовой «Афинской политией» (сборник Харьковского историко-филологического общества, XX, 1914); *А. А. Захаров*, Афинская полития псевдо-Ксенофонта (введение и перевод), там же; *В. Бузескул*, Введение в историю Греции, изд. 3-е, Птг. 1915, стр. 126 и сл.

В основу настоящего перевода положен текст в издании Калинки.

* * *

I. (1) Что касается государственного устройства афинян, то, если они выбрали свой теперешний строй, я не одобряю этого по той причине, что, избрав себе его, они тем самым избрали такой порядок, чтобы простому народу жилось лучше, чем благородным. Вот за это-то я и не одобряю его. Но уж раз у них это было принято в таком виде, я постараюсь доказать, что они удачно сохраняют свое государственное устройство и вообще заводят у себя такие порядки, которые представляются ненормальными с точки зрения остальных греков.

(2) Итак, прежде всего я скажу, что справедливо в Афинах бедным и простому народу пользоваться преимуществом перед благородными и богатыми по той причине, что народ-то как раз и приводит в движение корабли и дает силу государству—именно кормчие, начальники гребцов, пятидесятники, командиры носа, корабельные мастера—вот эти-то люди и сообщают государству силу в гораздо большей степени, чем гоплиты и знатные и благородные. И раз дело обстоит так, то представляется справедливым, чтобы все имели доступ к государственным должностям как при теперешних выборах по жребию, так и при избрании поднятием рук и чтобы предоставлялась возможность высказываться всякому желающему из граждан. (3) Затем, таких должностей, которые приносят спасение, если заняты благородными людьми, и подвергают опасности весь вообще народ, если заняты

неблагородными,—этих должностей народ вовсе не добивается; он не находит нужным получать по жребию должности ни стратегов, ни гиппархов. И правда, народ понимает, что получает больше пользы, если эти должности не исправляет сам, а предоставляет их исправлять наиболее могущественным людям. Зато он стремится занимать те должности, которые приносят в дом жалованье и доход. (4) Далее, если некоторые удивляются, что афиняне во всех отношениях отдают предпочтение простым и бедным и вообще демократам перед благородными, то этим самым, как сейчас выяснится, они и сохраняют демократию. Именно, когда бедные и люди из народа, вообще люди низшие, достигают благополучия и когда таких людей становится много, они укрепляют демократию; если же хорошо живется богатым и благородным, это значит, что демократы сами усиливают партию своих противников. (5) Во всякой земле лучший элемент является противником демократии, потому что лучшие люди очень редко допускают бесчинство и несправедливость, но зато самым тщательным образом стараются соблюдать благородные начала, тогда как у простого народа—величайшая необразованность, недисциплинированность и низость. Действительно, людей простых толкают на позорные дела скорее бедность, необразованность и невежество—качества, которые у некоторых происходят по недостатку средств. (6) Может быть кто-нибудь скажет, что не следовало бы допускать их всех без разбора говорить в народном собрании и быть членами Совета, но только самых опытных и притом лучших людей. Но афиняне и в этом отношении рассуждают совершенно правильно, предоставляя говорить в собрании и простым, потому что, если бы только благородные говорили в народном собрании и обсуждали дела, тогда было бы хорошо людям одного положения с ними, а демократам было бы нехорошо. А при теперешнем положении, когда может говорить всякий желающий, стóит ему подняться со своего места, будь это простой человек,—он изыскивает благо для самого себя и для себе подобных. (7) Кто-нибудь пожалуй возразит: так что же хорошего может придумать себе и народу такой человек? А в Афинах находят, что невежество, грубость и благожелательность такого человека скорее приносят пользу, чем достоинство, мудрость и недоброжелательность благородного. (8) Конечно не такие порядки нужны для того, чтобы государство могло сделаться наилучшим, но зато демократия скорее всего может сохраниться при таких условиях. Народ ведь желает вовсе не прекрасных законов в государстве, когда при этом ему самому придется быть в рабстве, но хочет быть свободным и

управлять, а до плохих законов ему мало дела. Ведь от порядка, который ты[1] считаешь нехорошим законодательством, народ сам получает силу и бывает свободен. (9) Если же ты ищешь царства хороших законов, то прежде всего увидишь, что в таком случае для граждан издают законы опытнейшие люди[2]; затем, благородные будут держать в повиновении простых, благородные же будут заседать в Совете, обсуждая дела государства, и не будут позволять, чтобы безумцы были членами Совета, говорили или даже участвовали в народном собрании. Вот от этих-то благ скорее всего народ может попасть в рабство.

(10) С другой стороны, очень велика в Афинах распущенность рабов и метеков, и нельзя тут побить раба, и он перед тобой не посторонится. А почему существует этот местный обычай[3], я объясню. Если бы позволялось обычаем свободному бить раба, или метека, или вольноотпущенника, часто били бы афинянина, приняв его за раба, потому что и по одежде тут народ нисколько не лучше, чем рабы и метеки, да не лучше нисколько и по всему внешнему виду. (11) Если же кто удивляется и тому, что тут позволяют рабам быть избалованными и некоторым вести роскошную жизнь, то окажется может быть, что и это делают сознательно[4]. Действительно, где морская держава, там рабы необходимо должны служить за деньги, чтобы мне получать оброк из того, что будут они зарабатывать, и необходимо там предоставлять им свободу[5], а где есть богатые рабы, там уже невыгодно, чтобы мой раб тебя боялся. В Лакедемоне мой раб тебя боялся бы, если же твой раб меня будет бояться, ему может быть придется отдавать и собственные деньги, чтобы не подвергаться опасности самому. (12) Так вот вследствие этого мы предоставили и рабам такую же свободу слова[6], как и свободным, а равно и метекам, как гражданам, потому что государство нуждается

---

[1] Автор обращается как бы к присутствующему тут собеседнику.

[2] Ср. рассказ Аристотеля об олигархической конституции 411 г. в гл. 29 и сл.

[3] В Афинах особый закон, введенный повидимому незадолго до написания памфлета, предусматривал возможность жалобы со стороны раба на жестокое обращение (γραφὴ ὕβρεως).

[4] Рабы были не только у частных владельцев, но были и государственные рабы. Эти последние в Афинах эксплоатировались самым разнообразным образом—от тягчайшего физического труда до секретарей при Совете и народном собрании (ср. *Аристотель*, гл. 47, 5) и полицейских функций.

[5] Не в смысле отпущения на волю, а в смысле предоставления им возможности жить самостоятельно, платя хозяину оброк.

[6] Ἰσηγορία, т. е. буквально «равноправие в речах». Автор допускает грубейшее преувеличение, так как на самом деле ни в каком общественном учреждении они не могли самостоятельно выступать.

в метеках из-за многочисленности ремесел[1] и в интересах морского дела. Потому-то мы предоставили естественно и метекам равную свободу слова.

(13) А общества, занимавшиеся в Афинах гимнастическими и мусическими выступлениями, народ упразднил, считая это неподходящим, так как увидел, что не может сам тщательно заниматься этим. Зато, что касается хорегий, гимнасиархий и триэрархий[2], он понимает, что хорегами являются богатые, а народ лишь нанимается на службу в хорегиях, что гимнасиархами и триэрархами являются богатые, народ же получает выгоды от триэрархий и гимнасиархий. Народ во всяком случае хочет получать деньги и за пение, и за бег, и за танцы, и за плавание на кораблях, чтобы и самому иметь прибыль и чтобы богатые становились беднее. Да и в судах он не столько заботится о справедливости, сколько о своей собственной выгоде.

(14) Что же касается союзников, то у них толпа очевидно тоже преследует злостными клеветами и ненавистью благородных; а так как афиняне понимают необходимость того, чтобы подчиненный ненавидел своего повелителя, и, с другой стороны, знают, что если в государствах силу будут иметь богатые и благородные, то в Афинах власть очень недолго будет оставаться в руках народа,—ввиду этого они благородных лишают там гражданской чести, отнимают имущество, изгоняют из своих владений и убивают, а простых поддерживают. Благородные из афинян защищают благородных в союзных государствах, понимая, что им самим выгодно защищать всегда в государствах людей лучших. (15) Но может быть кто-нибудь скажет, что это и составляет силу афинян, если союзники в состоянии вносить деньги; между тем демократам представляется большей выгодой, чтобы деньги союзников были в руках каждого отдельного из афинян, а союзники—чтобы имели лишь столько, сколько нужно для пропита-

---

[1] Участие метеков в общественных работах подтверждается и документальными материалами.

[2] Хорегии, гимнасиархии и триэрархии принадлежат к числу так называемых «литургий», т. е. общественных обязанностей, которые возлагались на богатейших граждан государства. Так, под именем хорегии разумеется повинность, состоявшая в постановке на свой счет драматических произведений, или обучение лирических хоров на различных праздниках; гимнасиархия—устройство гимнастических состязаний, триэрархия—снаряжение военного корабля (триэры). Эти литургии требовали больших материальных затрат. Так, постановка трагедии обходилась около 3 тыс. драхм, постановка хора для дифирамба—до 5 тыс. драхм, гимнасиархия—около 1 200, триэрархия—4—6 тыс.

ния, и чтобы, занятые работой, не были в состоянии замышлять чего-нибудь против них.

(16) По мнению некоторых, народ афинский делает ошибку также и в том, что заставляет союзников ездить для судебных дел в Афины[1]. Но афиняне возражают на это, исчисляя, сколько заключается в этом преимуществ для афинского народа: во-первых, из судебных пошлин[2] он получает целый год жалованье[3]; затем, сидя дома и не выезжая на кораблях, он распоряжается в союзных государствах и при этом людей из народа поддерживает в судах, а противников уничтожает. Между тем, если бы все вели свои процессы у себя на родине, то, будучи недовольны афинянами, старались бы уничтожить тех из своей среды, которые наиболее сочувствуют афинской демократии. (17) Кроме того афинский народ вот в чем выигрывает от того, что судебные процессы союзников происходят в Афинах: во-первых, процентная пошлина, взимаемая в Пирее[4], оказывается для государства больше; затем, дела идут лучше у того, у кого есть дом, сдающийся внаймы, или у кого есть упряжка вьючных животных или раб, отдаваемые внаймы; наконец, глашатаи[5] работают лучше вследствие приезда союзников. (18) Вдобавок ко всему этому, если бы союзники не приезжали на судебные процессы, они оказывали бы уважение из афинян только тем, которые выезжают на кораблях—стратегам, триэрархам и послам; а при теперешних условиях вынужден угождать народу афинскому каждый в отдельности из союзников, так как каждый сознает, что ему предстоит, придя в Афины, подвергнуться наказанию или получить удовлетворение не перед кем-либо иным, но перед

---

[1] Дело идет главным образом о процессах общественного значения и только особенно крупных частного характера; мелкие же тяжбы разбирались на местах.

[2] При начале процесса обе тяжущиеся стороны вносили пошлины—по 3 драхмы при исках на сумму от 100 до 1000 драхм, по 30 драхм—при исках свыше 1000 драхм. Выигравшему процесс его взнос возвращался, проигравший терял свой взнос и приплачивал такую же сумму для возмещения взноса противника.

[3] Жалованье присяжным в размере 1 обола в день введено Периклом (*Аристотель*, Афинская полития, гл. 27, 4), около 425/424 г.г. Клеоном доведено до 3 оболов (см. приложение XVII, стр. 173).

[4] Пошлина в 1% с ввозимых и вывозимых товаров; позднее, при финансовых затруднениях во время войны, она была, повидимому, увеличена до 2%. Эти подати в начале пелопоннесской войны взимались непосредственно должностными лицами; позднее, в конце войны, чтобы скорее получить деньги, стали сдавать сбор податей на откуп.

[5] Они исполняли обязанности курьеров и служителей, например при суде для вызова спорящих сторон, свидетелей и т. п.

народом [1], как того требует в Афинах закон. И он бывает вынужден умолять на судах, бросаясь на колени, и хватать за руку всякого входящего [2]. Вот поэтому-то союзники еще в большей степени стали рабами народа афинского.

(19) Кроме того, имея владения за пределами Аттики [3] и посылая туда своих должностных лиц [4], афиняне незаметно для самих себя привыкали владеть веслами и сами, и их слуги, потому что, раз человек часто плавает, ему по необходимости приходится взяться за весло не только самому, но и рабу, и изучить выражения, употребляющиеся в морском деле. (20) Таким образом из них выходят хорошие кормчие благодаря опытности в плаваниях и навыку. Одни наловчились, правя транспортным судном, другие—грузовым, некоторые после этого встали на триэры. Большинство умеет грести сейчас же, как вступит на военные корабли, так как приучилось к этому уже раньше в течение всей жизни.

II. (1) Войско гоплитов, которое кажется в Афинах наиболее слабой стороной, таково и на самом деле, и афиняне думают, что врагам своим [5] уступают и в качестве и в численности, а союзников, которые вносят им подать [6], превосходят всех даже и на суше. При этом они убеждены, что войска гоплитов им вполне достаточно, если превосходят им своих союзников. (2) А кроме того вследствие стечения обстоятельств у них оказалось положение приблизительно такое. Подданным сухопутной державы возможно, собравшись из маленьких государств в один пункт, сражаться соединенными силами [7]; между тем подданным

---

[1] Т. е. перед судом присяжных.

[2] Такую сцену рисует Аристофан в «Осах» (563 и сл.):

«... подойти я к суду не успею,
А они (просители) уж суют руки жирные мне, побывавшие в кассе народной,
И, с мольбою склонясь предо мной до земли, разливаются в жалобных воплях» и т. д. (пер. Корнилова).

[3] Имеются в виду так называемые клерухии, т. е. колонии афинских граждан в подчиненных областях.

[4] Аристотель (гл. 24,3) определяет число их в 700, хотя может быть это число и преувеличено.

[5] Т. е. спартанцам, с которыми в это время велась война и которые как раз сильны были армией гоплитов (тяжеловооруженных).

[6] От союзников, примкнувших к Афинам во время войны и ничем не обязанных им, автор отличает членов морского союза как «союзников, которые вносят им подать».

[7] Автор имеет в виду повидимому восстание городов Халкидики под главенством городов Потидеи и Спартола в 432 г., продолжавшееся несколько лет, даже после сдачи Потидеи в 430/429 г.

морской державы, поскольку они являются островными жителями, невозможно соединить свои государства, потому что море их разделяет, а их властители являются господами над морем. А если бы даже и можно было островитянам сойтись незаметно[1] вместе на один остров, им пришлось бы погибнуть от голода. (3) А из тех подчиненных афинянам государств, которые лежат на материке, большие подчиняются из страха, а маленькие главным образом из нужды: ведь нет такого государства, которое не нуждалось бы в привозе или вывозе чего-нибудь, и значит ни того, ни другого не будет у него, если оно не станет подчиняться хозяевам моря. (4) Затем властителям моря можно делать то, что только иногда удается властителям суши,—опустошать землю более сильных[2]; именно, можно подходить на кораблях туда, где или вовсе нет врагов, или где их немного, а если они приблизятся, можно сесть на корабли и уехать, и, поступая так, человек встречает меньше затруднений, чем тот, кто собирается делать подобное с сухопутной армией[3]. (5) Далее, властителям моря можно предпринять плавание как угодно далеко от своей родины, а войску сухопутной державы невозможно от своей земли отойти на расстояние многих дней пути, потому что такие передвижения медленны, и невозможно, идя сухим путем, иметь с собой запасов провианта на долгое время[4]. При этом тому, кто идет сухим путем, надо проходить через дружественную страну или же пробиваться, побеждая в сражении; а тому, кто едет по морю, можно высадиться там, где он имеет превосходство, а в том месте, где этого не имеет, можно не высаживаться, а проехать мимо, пока не придет к дружественной стране или к более слабым, чем он сам. (6) Затем от неурожая плодов, насылаемого Зевсом, сухопутные державы серьезно страдают, морские же переносят это легко, потому что не

---

[1] Аристотель (гл. 24,3) говорит, что в период пелопоннесской войны афиняне держали на море 20 сторожевых кораблей, чтобы наблюдать за всякими передвижениями по морю.

[2] Таковы налеты Толмида в Пелопоннес в 456/455 г., Перикла на Секион в 453 г., опустошение берегов Пелопоннеса сотней афинских триэр в начале пелопоннесской войны. Из времени после написания памфлета характерным примером может быть экспедиция в Пилос в 425 г., закончившаяся победой при Сфактерии.

[3] Примером первого может служить первая экспедиция афинян в Сицилию в 427 г., примером второго—поход спартанцев против Навпакла в 426 г. Поход спартанцев под начальством Брасида во Фракию в 424 г.—образец далекого похода сухопутной армии—лежит уже вне поля зрения автора и относится к моменту после написания нашего памфлета.

[4] Персидская армия во время похода в Грецию Ксеркса в 480 г. получала постоянно снабжение морским путем с помощью флота.

всякая земля в это время страдает, и таким образом из благополучной местности доставляется все нужное тому, кто владычествует над морем.

(7) А если уж упоминать и о менее важном, то афиняне благодаря владычеству на море прежде всего завели у себя всякие способы угощения, по мере того как завязывали сношения тут с одними, там с другими. Таким образом всякие вкусные вещи, какие только есть в Сицилии[1], в Италии, на Кипре, в Египте, в Лидии, в Понте[2], в Пелопоннесе или где-нибудь в другом месте,—все это собралось в одном месте благодаря владычеству над морем. (8) Далее, из всякого наречия, какое им приходилось слышать, они переняли из одного это, из другого то. И, в то время как все вообще греки пользуются больше своим собственным наречием, ведут свой особый образ жизни и носят свои особые наряды, афиняне имеют все смешанное, взятое у всех греков и варваров. (9) А что касается жертв и святилищ, празднеств и священных участков, то народ, поняв, что невозможно каждому бедному человеку самому приносить жертвы[3], устраивать празднества, возводить храмы и украшать и возвеличивать город, в котором живет, придумал, как достигнуть этого. Вот поэтому государство совершает на общественный счет жертвоприношения в большом числе, а народ и пирует и получает по жребию мясо жертвенных животных. (10) Кроме того, гимназии с банями и раздевальнями у богатых—по крайней мере, у некоторых—есть собственные, народ же строит специально сам для себя многочисленные палестры[4], раздевальни и бани. И больше пользуется ими простонародье, чем немногие зажиточные.

(11) А если уж говорить о богатстве греков и варваров, то афиняне одни могут иметь его у себя. В самом деле, если ка-

---

[1] Сицилия в это время славилась свининой, сыром и рыбой, Италия—рыбой, Кипр был рынком восточных товаров, из Египта подвозился не только хлеб, но и соленая рыба и т. п., Лидия (в Малой Азии) была поставщицей восточных товаров, а также фруктов, овощей, льна, шафрана и т. д. Северное побережье Черного моря давало хлеб, рыбу, солонину, миндаль и др., и из Пелопоннеса получали вино, рыбу, трюфеля и др.

[2] Точнее: Понт Эвксинский, т. е. Черное море; здесь разумеется все вообще Черноморское побережье.

[3] При жертвоприношении жертвенное мясо частью сжигалось, частью отдавалось жрецам, частью раздавалось участникам; жертвоприношение сопровождалось пиршеством.

[4] Палестры—школы, в которых молодежь, особенно подростки, занималась физическими упражнениями. Таких школ в Афинах был много. Они противополагаются более сложным учебным заведениям для взрослых, так называемым «гимназиям», которые требовали более крупных затрат и потому были более редкими (в Афинах нам известны всего три: Акаде-

кой-нибудь город богат корабельным лесом, куда он будет сбывать его, если не добьется на это согласия тех, кто господствует над морем? Что еще? Если какой-нибудь город богат железом, медью или льном, куда он будет сбывать, если не заручится согласием того, кто господствует над морем? А ведь из всего этого и создаются у меня корабли; от одного получается лес[1], от другого—железо[2], от третьего—медь[3], от четвертого—лен[4], от пятого—воск[5]. (12) Кроме того они не дадут отвозить куда-нибудь в другое место; иначе тем, кто является нашим противником, не придется пользоваться морем. И вот я без всякого труда со своей стороны получаю все эти произведения земли по морю, а между тем никакой другой город не имеет у себя двух таких продуктов разом. Притом и не бывает в одной стране сразу и лес, и лен, но там, где родится очень много льна, страна ровная и безлесная. Точно так же и медь с железом не идут из одного и того же государства, равно как и все остальное не бывает в одном государстве сам-друг или сам-третий, но в одном—одно, в другом—другое.

(13) Кроме того у всякого материка есть или выступивший вперед берег, или лежащий впереди остров, или какая-нибудь узкая полоса, так что те, которые владычествуют на море, могут, становясь там на якоре, вредить жителям материка.

(14) Одного только нехватает афинянам. Именно, если бы они владычествовали над морем, живя на острове, им можно было бы, вредя при желании другим, не терпеть ничего худого, пока сами владычествуют над морем, причем и земля их не пострадала бы, и врагов не пришлось бы сверх того ожидать к себе.

мия, Ликей и Киносарг). Так как все физические упражнения производились в обнаженном виде, а тело при этом намазывалось маслом, которое по окончании занятий необходимо было смывать, соображения гигиены и опрятности требовали в качестве подсобных помещений при гимназиях и палестрах устройства раздевальни и бани. А эти места при условии греческой жизни сделались излюбленными местами собраний досужих людей, своего рода клубами.

[1] Строевой лес доставлялся в Афины главным образом из Македонии, а также из южной Италии, Киликии (в Малой Азии) и Кипра.

[2] Железо получали от народа халибов в Малой Азии через город Синоп, а также с Кипра и Эвбеи.

[3] Главным источником добывания меди были остров Кипр и Халкида на Эвбее, отчасти же подвозили из Пелопоннеса и Этрурии.

[4] Лен доставлялся из Колхиды (с Кавказа), из Карфагена, Египта и Финикии.

[5] Воск употреблялся для заклепки кораблей, как теперь смола. Много воска получали и у себя в Аттике, особенно в горах Гиметта, но кроме того подвозили его из черноморских стран.

Но при настоящем положении больше страдают от прихода врагов крестьяне и богатые афиняне[1], тогда как демократический элемент, хорошо зная, что ничего из его достояния враги не сожгут и не уничтожат, живет беспечно, не боясь их прихода[2]. (15) А помимо этого, если бы афиняне жили на острове, они освободились бы и от другой опасности, что когда-нибудь их государство будет предано кучкой людей, что будут открыты ворота и ворвутся враги. И действительно, разве могло бы это произойти, если бы они жили на острове? Да и восстания какой-нибудь части населения против демократической партии не боялись бы, если бы жили на острове. Ведь теперь, если бы подняли восстание, восстали бы в расчете на врагов, думая, что приведут их к себе на помощь сухим путем. А если бы жили на острове, и в этом отношении им не было бы опасности. (16) Так вот, раз с самого начала они не поселились на острове, то теперь они поступают следующим образом. Свое имущество они отдают островам на сбережение, уверенные в прочности своего господства на море, и не глядят на то, что земля Аттики подвергается опустошению[3], так как понимают, что, если будут жалеть ее, лишатся других более важных благ.

(17) Далее, союзные договоры и присягу[4] для олигархических государств необходимо соблюдать; если же не будут держать своих договоров, тогда или называют тебе того, по вине которого ты страдаешь[5], или тех известных лиц—ввиду их небольшого числа,—которые заключили договор. А что касается народа, то, какие бы договоры он ни заключил, можно каждому из его среды, сваливая вину на кого-нибудь одного—на говорившего тогда оратора[6] и на председателя собрания, ставив-

---

[1] Т. е. мелкие и крупные землевладельцы и арендаторы.

[2] Это — наблюдения из первых лет пелопоннесской войны: с 431 по 425 г. спартанцы ежегодно вторгались в Аттику и опустошали страну.

[3] Автор очевидно имеет в виду события начала пелопоннесской войны, когда афиняне, по совету Перикла, при нашествиях спартанцев свозили своих жен, детей и все имущество в город, а стада и вьючных животных перевозили на Эвбею и другие близлежащие острова (*Фукидид*, II, 14, 1—2).

[4] Сохранившиеся документы показывают, что присягу для подтверждения договора от имени государства приносили члены Совета пятисот, стратеги и другие должностные лица.

[5] В тексте пропуск, и перевод этого места дается приблизительно, по общему смыслу места.

[6] По афинским законам, всякое лицо, внесшее в народное собрание предложение, несогласное с законами, в случае принятия его подлежало в течение года ответственности по обвинению в противозаконии (см. приложение XXI).

шего вопрос на голосование [1],—отрекаться, говоря, что не присутствовал тогда и что не согласен с этим, разве только узнают, что договор заключен при полном собрании народа [2]. И если не найдут нужным считать его действительным, у них придуманы тысячи предлогов, чтобы не исполнять того, чего не захотят. Притом, если произойдет что-нибудь худое от принятого народом решения, демократы приписывают вину в этом тому, что кучка людей, противодействуя ему, испортила все дело; если же будет какой-нибудь успех, тогда приписывают честь этого себе. (18) С другой стороны, осмеивать в комедиях и бранить народ афиняне не позволяют, чтобы не распространялась хула на них же самих; но по отношению к частным лицам, если кто хочет осмеять другого, они поощряют это, хорошо зная, что не из простого народа и не из заурядной массы по большей части бывает осмеиваемый, но это—или богатый, или знатный, или влиятельный, и только редко подвергается осмеянию кто-нибудь из бедных и демократов, да и то лишь в том случае, если он суется во все дела и стремится чем-нибудь выделяться из народа; потому, если таких и осмеивают, они не возмущаются. (19) Итак, я по крайней мере утверждаю, что народ в Афинах понимает, кто из граждан благородный и кто простой, и, понимая это, любит своих сторонников и радетелей, хотя бы они были простыми, а благородных скорее ненавидит, так как не думает, чтобы их благородство служило ко благу ему, но ждет от него лишь худого. И, наоборот, некоторые, стоящие в самом деле за народ, по происхождению вовсе не демократы. (20) Я со своей стороны допускаю демократическую точку зрения для самого народа, потому что каждому простительно заботиться о самом себе. Но кто, не принадлежа к народу, предпочитает жить в демократическом, а не в олигархическом государстве, тот просто задается какими-нибудь преступными намерениями и видит, что мошеннику скорее можно остаться незамеченным в демократическом государстве, чем в олигархическом.

III. (1) Итак, что касается государственного устройства афинян, то характер его я конечно не одобряю; но, раз уж они решили иметь демократическое правление, мне кажется, что они

---

[1] В V в. председательство в народном собрании принадлежало председателю пританов, в IV в.—председателю комиссии проедров (см. об этом у *Аристотеля*, Афинская полития, гл. 44,1).

[2] Определенный кворум для законности постановления требовался лишь в особо важных случаях; так например при остракисме требовалось присутствие не менее 6 тыс. граждан.

удачно сохраняют демократию, пользуясь теми приемами, какие я указал.

Кроме того, как я вижу, некоторые упрекают афинян еще и за то, что иногда у них Совету и народу не удается постановить решение для человека, хотя бы он сидел в ожидании целый год. Происходит и это в Афинах только из-за того, что вследствие множества дел они не успевают всех отпускать, разрешив их дела. (2) Да и как бы они могли успеть сделать это, когда им приходится, во-первых, справить столько праздников, сколько еще ни одному из греческих государств[1],—а во время их труднее добиться чего-нибудь по делам государства[2],—затем разбирать столько частных и государственных процессов[3] и отчетов[4], сколько не разбирают и все вообще люди, а Совету совещаться часто о войне[5], часто об изыскании денег[6], часто о законодательстве, часто о текущих событиях государственной жизни, часто о делах с союзниками[7], принимать подать[8], заботиться о верфях и святилищах[9]. Так что же удивительного, что при наличии стольких дел они не в состоянии всем людям разрешить их дела? (3) Некоторые говорят: сто̀ит кому-нибудь, кто располагает

---

[1] О многочисленности праздников у афинян говорят согласно и другие авторы. Новый исследователь в своем сочинении насчитывает их 40 кроме ежемесячных (*A. Mommsen*, Die Feste der Stadt Athen, Leipzig 1898), из которых некоторые продолжаются по нескольку дней подряд; другой исследователь (*Stengel*, Griechische Cultusaltertümer, München 1920, S. 220 ff.)—более 45.

[2] В чрезвычайных случаях заседания могли происходить и в праздничные дни.

[3] Афинское право различает понятия δίκη—тяжба, имеющая в виду частные интересы, и γραφή—процесс государственного значения, начинающийся подачей иска обязательно в письменной форме.

[4] По окончании служебного срока все должностные лица обязаны были представлять отчеты, которые и разбирались в особых комиссиях суда присяжных (гелиеи) в составе 501 члена.

[5] Надо иметь в виду, что дело происходит во время Пелопоннесской войны.

[6] Твердого бюджета в хозяйстве античных городов не было, и потому приходилось по мере надобности изыскивать средства и распределять их по мере поступления.

[7] Морской союз, во главе которого стояли Афины, насчитывал около 200 государств.

[8] Это указание находится в противоречии со словами Фукидида, который говорит (I, 96, 2), что приемом податей от союзников ведали эллинотамии (казначеи союзной казны). Но слова Фукидида относятся к начальному периоду существования союза. Перемена произошла вероятно в связи с перенесением союзной казны с острова Делоса в Афины (454 г. до н. э.).

[9] Обязанности Совета здесь не перечисляются полностью (см. у *Аристотеля*, Афинская полития, гл. 43—54).

деньгами, обратиться к Совету или народу, и он добьется разрешения своего дела. Я, пожалуй, соглашусь, что деньгами в Афинах добиваются многого [1] и добивались бы еще большего, если бы еще больше было людей, готовых давать деньги. Но все-таки я прекрасно знаю, что всех просителей удовлетворить государство не в состоянии, сколько бы ни давали ему золота и серебра. (4) Далее, приходится решать еще и такие дела: если кто-нибудь не ремонтирует назначенный ему корабль [2] или застраивает какой-нибудь казенный участок[3]; кроме того из года в год разбирать претензии со стороны хорегов[4], назначаемых на Дионисии, Фаргелии, Панафинеи, Промефии и Гефестии; также назначаются триэрархи по 400 каждый год [5], и в случае заявки со стороны любого из них приходится разбирать жалобы из года в год; кроме того надо произвести проверку[6] должностных лиц и разрешить споры с их стороны, подвергнуть проверке сирот [7] и назначить тюремных стражей [8]. (5) Все это бывает из

---

[1] Подкупность должностных лиц в Афинах была нередким явлением. Намеки такого рода встречаются в комедиях и у ораторов. По закону виновные подвергались суровому наказанию—большому денежному штрафу, лишению гражданских прав, изгнанию и даже смертной казни.

[2] Дело идет об обязанностях триэрарха. В рассматриваемую эпоху в распоряжение триэрарха предоставлялся готовый корабль (триэра), который надо было ремонтировать, оснастить и т. д., сделать пригодным для плавания. Совет должен был наблюдать за всем делом строительства триэр. (см. *Аристотель*, Афинская полития, гл. 46). Так как граждане старались нередко уклониться от этой обязанности или не выполнить ее в точности, возникали всевозможные процессы.

[3] Дело идет главным образом о застройке проходов на улицах (см. *Аристотель*, Афинская полития, гл. 50, 2).

[4] В случае несогласия гражданина выполнять возложенную на него литургию он мог протестовать, ссылаясь на другие обязанности или на то, что недавно такие обязанности уже выполнял, или что есть другой человек, более подходящий для этого. Так возникали споры, которые надо было разбирать.

[5] В начале Пелопоннесской войны афинский флот состоял из 300 триэр (*Фукидид*, II, 13, 8, см. приложение XVII); но ко времени написания памфлета число их было очевидно увеличено. Назначение триэрархов делалось в начале служебного года, т. е. в конце июля или начале августа. В IV в. назначения стали давать только при начале военных действий, отчего получались частые запоздания.

[6] Так называемая докимасия (см. *Аристотель*, Афинская полития, гл. 55, 2). Докимасия архонтов производилась в Совете и в суде, всех остальных должностных лиц—в судебных комиссиях.

[7] Докимасия сирот—проверка воспитания сирот бедных граждан, а особенно граждан, павших в битве за отечество. Воспитание их принималось на общественный счет (ср. *Аристотель*, Афинская полития, гл. 56, 7; *Фукидид*, II, 46, 1).

[8] Коллегия одиннадцати, заведывавшая тюрьмой, назначалась на-

года в год. Но время от времени приходится разбирать дела о проступках по военному командованию, а также если случается какое-нибудь другое неожиданное преступление, например совершат какое-нибудь небывалое злодеяние или нечестие. Еще о многих вещах я не говорю; самое же важное, упомянуто все кроме установления податей для союзников[1]. А эти дела бывают по большей части каждое пятилетие. (6) Так что же—не надо ли считать все это не стоящим разбирательства? Да, пусть скажет кто-нибудь, чего из этих дел не следовало бы здесь разбирать. А если уж приходится согласиться, что все это надо разбирать, то необходимо это делать в течение года, потому что даже теперь, хотя и судят круглый год, и то не в состоянии остановить преступников вследствие многочисленности населения. (7) Хорошо! Но кто-нибудь скажет, что судить надо, но не такому большому количеству судей[2]. Тогда по необходимости в каждой судебной комиссии, если не сократят числа их, будет заседать лишь ограниченное число членов, в результате чего легко будет и вступить в сделку с судьями ввиду их малочисленности и подкупить[3] их, но вместе с тем им будет гораздо труднее судить по правде. (8) Кроме того надо принять во внимание и то, что афинянам приходится справлять праздники, во время которых невозможно творить суд. Притом праздников они справляют вдвое больше, чем остальные[4]; но я уж кладу это равным числу праздников, какое бывает в государстве, справляющем их наименьшее число. Так вот ввиду этого я не считаю возможным, чтобы в Афинах дела шли иначе, чем теперь: разве только в чем-нибудь незначительном можно одно выкинуть, другое прибавить, а многого изменить нельзя, не отнимая в то же время чего-нибудь у демократического строя. (9) Конечно, чтобы улучшился государственный порядок, можно многое придумать, но чтобы существовала демократия и чтобы в то же

родным собранием (см. *Аристотель*, гл. 52, 1); здесь же имеются в виду подведомственные этой коллегии лица, непосредственно охранявшие тюрьмы; тюремный штат был повидимому довольно значительным.

[1] Эти подати были установлены при организации морского союза еще Аристидом в 477 г., но позднее неоднократно подвергались пересмотру и повышались (см. приложение XIV). Протесты союзников и служили предметом обсуждения суда.

[2] Общее количество присяжных в Афинах составляло 6 тыс. В различных судебных комиссиях в зависимости от важности разбираемых дел заседало 201, или 401, или 501, или 1001 судей, иногда даже 1501.

[3] Любопытны с этой точки зрения меры, которые принимались в IV в. при образовании судебных комиссий (см. *Аристотель*, гл. 63 и сл.).

[4] О многочисленности праздников см. выше, III, 2.

время было лучшее правление,—найти удовлетворительное решение этого нелегко; разве только, как я только что сказал, можно в мелочах что-нибудь прибавить или отнять.

(10) Затем, мне кажется, афиняне и в том отношении неправильно рассуждают, что принимают сторону худших в государствах, где происходит смута. Но они это делают сознательно, потому что если бы они принимали сторону лучших, то вступались бы не за своих единомышленников: ведь ни в одном государстве лучшие люди не сочувствуют демократии, но худшие в каждом государстве сочувствуют демократии; конечно подобный подобному всегда друг. Вот поэтому-то афиняне и вступаются за то, что подходит к ним самим. (11) А сколько раз ни пробовали они вступаться за благородных, это не шло им на пользу; наоборот, вскоре же попал в рабство народ беотийский[1]; в другой раз, когда приняли сторону благородных в Милете, вскоре же те отпали и перебили демократов[2]; еще раз, когда взяли сторону лакедемонян вместо мессенцев, вскоре же лакедемоняне подчинили мессенцев и стали воевать с афинянами.

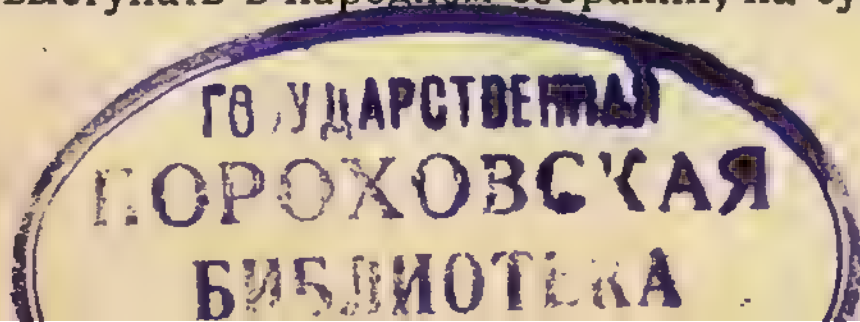
(12) Может быть кто-нибудь возразит, что видно никто не подвергся в Афинах несправедливо лишению гражданской чести[3]. Я же утверждаю, что есть некоторые, которые лишены прав несправедливо, но это лишь некоторые, немногие. Между тем, чтобы посягнуть на существование афинской демократии, нужна не горсть людей; к тому же ведь обыкновенно бывает, что об этом совершенно не помышляют те, которые лишены прав справедливо, а лишь те, которые несправедливо. (13) Как же в таком случае можно представить себе, чтобы большинство было несправедливо лишено прав в Афинах, где народ сам исправляет должности и где лишаются прав лишь за такие дела, как недобросовестное отправление должности, нечестные речи и действия? Принимая вот это в соображение, не следует думать, чтобы какая-либо опасность грозила в Афинах со стороны людей, лишенных гражданской чести.

---

[1] Автор имеет в виду, надо полагать, поход афинян в Беотию под начальством Толмида, около 457 г.

[2] Судя по сохранившейся подлинной надписи, содержащей постановление афинского народного собрания, это событие относится к 449—446 гг.

[3] Лишение гражданской чести, равносильное лишению гражданских прав,—тяжкое наказание, налагавшееся за такие преступления, как проступки по должности, лжесвидетельство, внесение незаконных предложений в народное собрание, нарушение воинской дисциплины, оскорбление родителей. Иногда эта «атимия» выражалась в ограничении прав, в недопущении выступать в народном собрании, на суде и т. п.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЯ